

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)

На правах рукописи

Задобривская Оксана Федоровна

**ЭМОЦИИ КАК «ВМЕСТИЛИЩЕ»
В ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
доцент О.О. Борискина

Воронеж – 2019

Оглавление

Введение	5
Глава I. Основные постулаты исследования.....	17
1.1 Эмоции как объект исследования в лингвистике и	17
когнитивной науке	17
1.2 Когнитивные принципы выделения метафоры «контейнер».....	29
1.2.1 Признаки дологического (мифологического) мышления	29
1.2.2 Метафорическая природа языка	32
1.2.3 Метафора «контейнер».....	35
1.3 Языковая категоризация мира и скрытая категориальность в языке	47
1.3.1 О классификаторе	51
1.3.2 О языковой категории, о крипто tipe	56
1.4 Варианты английского языка.....	63
Выводы	77
Глава II. Эмонимы как метафоронимы криптокласса английского языка «Res Continens»	80
2.1 Методология выделения криптокласса	80
2.1.1 Типологический принцип выявления криптокласса «Res Continens»	80
2.1.2 Устройство криптокласса «Res Continens»	84
2.1.3 Автоматическая выборка по запросу, ручная обработка и сортировка материала	90
2.1.4 Корпусная проверка сочетаемости эмонимов.....	95
2.1.5 Количественный анализ материала и его интерпретация	96
2.2 Классификаторы криптокласса «Res Continens»	97
2.2.1 Глагольные классификаторы	98
2.2.1.1 Глагольный субъектный классификатор [a container contains].....	99
2.2.1.2 Глагольные объектные классификаторы [fill a container (with smth.)] и [empty a container]	102

2.2.1.3	Глагольные локативные классификаторы	105
2.2.2	Предикативные классификаторы	119
2.2.2.1	Классификатор [a container is deep]	121
2.2.2.2	Классификатор [a container is shallow]	123
2.2.2.3	Классификаторы [a container is full (of smth.)] и [a container is filled (with smth.)]	125
2.2.2.4	Классификатор [a container is empty]	129
2.2.3	Атрибутивные классификаторы	130
2.2.3.1	Классификатор [a full container]	131
2.2.3.2	Классификатор [an empty container]	135
2.2.3.3	Атрибутивная конструкция [a deep container]	138
2.2.3.4	Атрибутивная конструкция [a shallow container]	143
2.3	Криптоклассный анализ эмонимов	146
2.3.1	Emotion	146
2.3.2	Feeling	151
2.3.3	Fear	156
2.3.4	Terror	160
2.3.5	Distress	163
2.3.6	Anxiety	165
2.3.7	Grief	168
2.3.8	Pleasure	171
2.3.9	Joy	174
2.3.10	Happiness	177
2.3.11	Surprise	181
2.3.12	Passion	182
2.3.13	Hope	186
2.3.14	Pride	189
2.3.15	Shame	192
2.3.16	Guilt	194
2.3.17	Relief	197

2.3.18 Pity	200
2.3.19 Sympathy.....	203
2.3.20 Concern	205
2.3.21 Interest.....	209
2.3.22 Anger.....	212
2.3.23 Love	218
2.4 Принципы когнитивного моделирования эмоций по аналогии с вместилищем	222
Выводы	229
Заключение	234
Список терминов и сокращений, используемых в работе	240
Список литературы	242
Приложение.	272

Введение

В фокусе диссертационного исследования – особенности языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний человека как вместилищ – в разных вариантах английского языка, обслуживающих лингвокультуры англоязычного пространства, разъединенные исторически и географически.

Исследование одного из германских языков проводилось на стыке таких современных научных парадигм, как системная лингвистика, когнитивная наука и корпусные технологии, каждая из которых предлагает качественно новые возможности для изучения конструкционных особенностей и семантики языковых единиц, проявляющихся в сочетаемостных свойствах лексем. Отсюда и задачи обработки корпусных данных, и проблемы получения языкового знания об эмоциях, категоризируемых в английском языке по аналогии с вместилищем, решались в русле выбранного направления с использованием методологии и метода Воронежской лексико-типологической группы [Кретов 1992 и др.], [Борискина 2003 и др.], [Донина 2017], [Голикова 2018]. Представители этой группы изучают именную классификативность в языке методом криптоклассного анализа, оценивают степень выраженности языковой категории в языках мира, выявляют и описывают скрытые категории, включая классы глагольной и именной лексики (*именные криптоклассы*) германских, романских и славянских языков.

Исследование посвящено описанию языковой категоризации эмоций в вариантах английского языка через анализ встречаемости эмонимов в синтаксических конструкциях, классифицирующих именную криптокласс английского языка «Res Continens» (Вместилище).

Эмонимом, вслед за А. Т. Хроленко, мы называем имя существительное, называющее эмоционально-чувственное переживание человека (страх, гнев, страсть) [Хроленко 2007].

Базовым понятием метода является именной криптокласс – «лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу) и имеющая соответствие в явной (морфемно выраженной) грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Кретов 2010: 9]. Криптокласс состоит из имен-эталонов и метафоронимов (непредметных имен, которые классифицируются по аналогии с именами-эталонами криптокласса).

Для описания вышеназванного участка семантического континуума потребовалось выявить именной криптокласс английского языка, определив набор классификаторов криптокласса. Решение таких задач связано с проблемой классификации лексических единиц в английском языке.

Методологическую базу исследования составили идеи американских дескриптивистов и типологов (Б. Ли Уорф, Э. Сепир); труды А. А. Потебни, И. И. Мещанинова в аспекте разработки понятийных категорий, Ю. Д. Апресяна и других представителей Московской семантической школы, А. В. Бондарко (категориальность в языке), В. А. Виноградова (шкала именной классификативности); работы по скрытой грамматике (С. Д. Кацнельсон, Т. В. Булыгина и др.); исследования, связанные с опытом и теоретическим обоснованием выделения и описания словарных классов и классификаторов в языках мира (К. Allan, А. А. Aikhenvald, А. Е. Кибрик, А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, К. А. Гилярова, Дж. П. Денни, Л. А. Янда, К. Крейг, В. Б. Борщев, Б. Х. Парти); работы, посвященные изучению когнитивного моделирования и вербализации пространственных отношений: концептуальная метафора и особенно метафора «Контейнер» (G. Lakoff, M. Jonson, L. Talmy, Z. Kövecses, J. H. Rouzer, А. П. Бабушкин), базовые концепты (Ю. С. Степанов), метафорические модели (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский) / образная схема / топологический тип «Контейнер» (Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина), метафоры эмоций (Z. Kövecses, G. Lakoff,

М. Jonson); концепции и теории, описывающие особенности мифологического мышления (Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм, К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, Я. Э. Голосовкер) и языковую картину мира (З. Д. Попова, И. А. Стернин, И. В. Кононова, Р. С. Кимов, Е. С. Яковлева и др.); работы, посвященные изучению вариантов английского языка (Б. Качру, Д. Кристалл, Дж. Брут-Гриффер, Р. Кверк, Э. В. Шнайдер, Л. Г. Беликова, З. Г. Прошина, О. В. Первашова и др.); исследования эмоций в лингвистике и когнитологии (В. Вундт, П. Н. Шишкоедов, С. Л. Рубинштейн, К. Изард, Р. Плутчик, Е. П. Ильин, П. Экман, Д. Гоулман, Р. С. Лазарус и Б. Н. Лазарус, Э. Ортони, Т. Тернер, П. Шейвер, Е. А. Зуева, С. Ю. Перфильева, В. И. Шаховский, В. Ю. Апресян, Е. Ю. Мягкова, И. А. Трошина и др.).

Близкий нам подход реализован в работах Московской лексико-типологической группы (MLexT: Е. В. Рахилина, О. Н. Ляшевская, Т. И. Резникова, Е. В. Кашкин, Д. А. Рыжова и др.).

Степень разработанности проблемы

Эмотивная лексика достаточно часто попадает в поле зрения лингвистов. Например, проблеме отличий эмоций от чувств посвящены целые диссертации, предметом исследования являлось и метафорическое употребление эмоций в разных языках. Вопрос «уподобления эмоций текучему телу» ставился в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1978] и трудах Н. Г. Брагиной [Брагина 2007]. Метафорическая сочетаемость и криптоклассы эмонимов в двадцати вариантах английского языка являлись предметом комплексного исследования и в работах Воронежской лексико-типологической группы. Однако описание эмоций как вместилища, насколько нам известно, до сих пор не являлось объектом диссертационного исследования. Не затрагивалась и проблема метафорической категоризации эмоционально-чувственных переживаний по аналогии с вместилищем в вариантах английского языка. Несмотря на то, что эмоции по данным английского языка детально описаны как содержимое (например, жидкое или мелкое, рукоятное, нитевидное или плоский предмет стабильной формы)

[Lakoff 1980 и др.], [Kövecses 1995a и др.], языковая категоризация эмоций как вместилища остается актуальной.

Вопросами языковой репрезентации когнитивных структур вообще, и «КОНТЕЙНЕРа», в частности, занимались представители зарубежной когнитивной науки конца прошлого века (G. Lakoff, M. Jonson, L. Talmy, Z. Kövecses). И в работах вышеперечисленных ученых, и в трудах первых российских когнитивистов (Ю. С. Степанова, Е.С. Кубряковой и др.) контейнер рассматривался как концепт, концептуальная метафора или образная схема, а также как топотип в (терминологии Е. В. Рахилиной). Очевидно, что «терминологическая раздробленность» научных концепций не мешает разглядеть их общую когнитивную оценку (универсальность понятийной категории и когнитивной модели «Контейнер», связь метафорического мышления с познанием устройства мира по принципу помещения одного объекта в другой).

Лингвистическая составляющая когнитивного моделирования для понятийной категории «КОНТЕЙНЕР» остается в поле зрения ученых в силу своей непреходящей актуальности.

Криптоклассная теория продолжает оформляться в работах Воронежской типологической группы (А. А. Кретов, О. О. Борискина, О. В. Дони́на, О. А. Голикова).

К исследованию криптоклассного моделирования привлекалось множество ментефактов (Н. Васильева), эмонимов (О.В. Дони́на). На момент нашего исследования описано семь криптоклассов английского языка: *Res Parvae* («Рукоятное»), *Res Liquidae* («Жидкое»), *Res Longae Penetrantes* («Длинно-тонкий предмет стабильной формы»), *Res Acutae* («Острое»), *Res Rotundae* («Круглое»), *Res Filiformes* («Нитевидное») [Борискина 2011e], *Res Planae* («Плоское») [Голикова 2018], построены криптоклассные таксономии для пятисот наиболее частотных непередметных имен существительных английского языка [<http://www.rgph.vsu.ru/coel/>].

Актуальность исследования обусловлена тем, что на фоне множества подходов к решению задач описания языковой картины абстрактных сущностей, в том числе и эмоций, и проблем классификации лексических единиц, по-прежнему наблюдается потребность в инструментарии для выявления лингвокультурной специфики именной классификативности в таких языках, которым присуща вариативность, например, в английском, испанском или французском. Проведенное исследование актуально как для системного представления классов именной лексики английского языка, так и для расширения нашего понимания языковой вариативности на примере одного из германских языков – английского.

Данное исследование проводится с привлечением большого объема текстов как устоявшихся, так и неустоявшихся вариантов английского языка. В тексте диссертации и примерах используются как названия вариантов английского языка, так и сокращения, принятые в англоязычной научной литературе (американский (US), канадский (CA), британский (GB), ирландский (IE), австралийский (AU), новозеландский (NZ), индийский (IN), шриланкийский (LK), пакистанский (PK), бангладешский (BD), сингапурский (SG), малайзийский (MY), филиппинский (PH), гонконгский (HK), южноафриканский (ZA), нигерийский (NG), ганский (GH), кенийский (KE), танзанийский (TZ), ямайский (JM)).

В работе на материале двадцати вариантов английского языка изучается один из топологических типов объектов, форма которого предназначена для помещения и хранения других объектов. **Гипотеза исследования** заключается в том, что многие эмоционально-чувственные переживания осмысляются и метафоризируются в английском языке по аналогии с Вместилищем.

Объектом исследования являются 23 эмонима английского языка: *emotion* (эмоция), *feeling* (чувство), *fear* (страх), *terror* (ужас), *distress* (страдание), *anxiety* (тревога), *grief* (горе), *pleasure* (удовольствие), *joy* (радость), *happiness* (счастье), *surprise* (удивление), *passion* (страсть), *hope*

(надежда), *pride* (гордость), *shame* (стыд), *guilt* (вина), *relief* (облегчение), *pity* (жалость), *sympathy* (сочувствие), *concern* (участие), *interest* (интерес), *anger* (гнев), *love* (любовь).

Такая базовая форма, как вместилище и соответствующая ей когнитивная модель (образная схема, концептуальная метафора, топотип), обязательно находит реализацию в языках мира: в явном (морфологически выраженном) или скрытом виде, что проявляется на уровне сочетаемости.

Предметом исследования в диссертации является метафорическая сочетаемость, представляющая собой встречаемость имен в синтаксических конструкциях (глагольных, предикативных и атрибутивных с признаковыми словами, семантика которых указывает на нахождение, или содержание, одного объекта в другом, или на то, что объект имеет четко очерченные контуры и обладает функционально значимой полостью).

По сути, разрабатываемый криптокласс английского языка представляет собой метафорическое расширение языковой категории, когнитивным ядром которой является множество предметных имен, образующих топотип «Контейнер». Такие имена как *cup* (чашка), *glass* (стакан), *box* (коробка, ящик), *bowl* (миска), *bucket* (ведро), *basket* (корзина) получают статус имен-эталонов именного криптокласса «Res Continens».

Исследовательский корпус эмонимов насчитывает **26.312** словоупотреблений, извлеченных из следующих источников:

1. News on the Web (NOW) (URL: <http://corpus.byu.edu/now>, 6+ млрд. словоупотреблений), Corpus of Global Web-based English (GloWbE) (URL: <http://corpus.byu.edu/glowbe>, 1.9 млрд. словоупотреблений), Corpus of Contemporary American English (COCA) (URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>) (560 млн. словоупотреблений), iWeb: The intelligent Web-based Corpus (URL: <https://corpus.byu.edu/iweb>, 14 млрд. словоупотреблений).

2. Информационный лингвистический ресурс «Криптоклассы английского языка», созданный в рамках совместного проекта отделения

теоретической и прикладной лингвистики и научно-методического центра Компьютерной Лингвистики ВГУ (URL: <http://www.rgph.vsu.ru/coel>).

3. Этимологические и толковые словари английского языка.

Цель исследования – описать метафорическую категоризацию эмоционально-чувственных переживаний как вместилищ в двадцати вариантах английского языка.

Для достижения цели и проверки гипотезы в работе ставятся и решаются следующие задачи:

1. Рассмотреть различные подходы к толкованию базовой формы и когнитивной модели ВМЕСТИЛИЩЕ, а также проследить, какую роль играет данная модель в языковой категоризации мира.

2. Предложить типологическое обоснование выделению именного криптокласса английского языка «Res Continens» на фоне изучения грамматически выраженных классов существительных в языках мира.

3. Определить набор классифицирующих семантических признаков, лежащих в основании изучаемого именного криптокласса английского языка.

4. Сформировать набор классификаторов, диагностирующих вхождение эмонимов английского языка к криптоклассу «Res Continens».

5. Ограничить объект исследования.

6. Провести качественный и количественный анализ вхождения рассматриваемых эмонимов в именной криптокласс английского языка «Res Continens» по вариантам английского языка.

7. Разместить полученные в ходе исследования данные на лингвистическом ресурсе COEL (<http://www.rgph.vsu.ru/coel/>).

8. Установить закономерности в языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний как вместилищ через выявление общего и особенного в их метафорическом представлении в вариантах английского языка.

В работе использовались следующие **методы**: общенаучный индуктивный метод, метод лингвистического наблюдения, корпусные

методы изучения языка, описательный метод, лексико-синтаксический и семантический анализ классификаторов криптоклассов, дистрибутивный анализ имен, метод контекстного анализа, количественные методы, метод криптоклассного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В основании именного криптокласса английского языка «Res Continens» лежит категориальный семантический признак ‘полый предмет стабильной формы, предназначенный для какого-либо содержимого’, который используется для языковой категоризации мира, участвуя в организации элементов лексического уровня языковой системы английского языка.

2. Набор классификаторов именного криптокласса английского языка «Res Continens» отражает представление о свойствах топологического типа «Контейнер», причем каждый классификатор диагностирует классность эмонима, опираясь на одно (или несколько) из свойств топотипа. К когнитивно-значимым свойствам топотипа, нашедшим отражение в классифицирующих конструкциях криптокласса, относятся следующие:

- трехмерная стабильная форма,
- полость, предназначенная для помещения, хранения и изъятия предметов или веществ – функционально-значимое свойство формы,
- наполняемость, пределами которой является пустая/полная полость.

3. В качестве классифицирующих конструкций для существительных, входящих в криптокласс английского языка «Res Continens», рассматриваются следующие:

а) глагольные классификаторы:

- глагольный субъектный классификатор [*a container contains*];
- глагольные объектные классификаторы [*to fill a container (with smth)*], [*to empty a container*];
- глагольные локативные классификаторы, которые условно можно разделить на конструкции, диагностирующие:

- помещение предмета в контейнер – глагольные транзитивные локативные классификаторы [VO in/into a container], например, [put/place smth. in(to) a container], [throw smth. in(to) a container] и интранзитивные классификаторы [V in/into a container], например, [fall, get in/into a container];

- нахождение предмета внутри вместилища – глагольные интранзитивные локативные классификаторы [SV_{exist} in/inside a container], например, [be/exist/lie in/inside a container] или [there VS in a container], а также глагольные транзитивные [find smth. in a container], [have smth. in a container], [keep/hold/hide smth. in a container];

- изъятие предмета из контейнера – глагольные транзитивные локативные классификаторы [VO out of a container], например, [take/get smth. out of a container], [pull smth. out of a container] и глагольные интранзитивные локативные классификаторы [V out of a container], например, [fall out of a container].

b) предикативные классификаторы [*a container is full (of smth.)*], [*a container is filled with*], [*a container is empty*], [*a container is deep*], [*a container is shallow*];

c) атрибутивные классификаторы представлены парой [*a full container*], [*an empty container*].

4. Наиболее частотными классификаторами криптокласса «Res Continens» являются глагольные локативные конструкции (95,25%), которые маркируют регулярность и конвенциональность («когнитивное признание» в языковом коллективе) приписываемого эмониму признака. Наиболее функционально значим и коммуникативно востребован в англоязычном пространстве в целом признак ‘нахождения предмета внутри вместилища’.

5. Все анализируемые эмонимы являются метафоронимами именного криптокласса английского языка «Res Continens». Метафоронимы *concern* и *love* демонстрируют самую высокую частоту встречаемости с классификаторами криптокласса в первую очередь в американском варианте английского. Максимально низкая частота встречаемости с

классификаторами криптокласса выявлена для эмонимов *pity* (жалость), *surprise* (удивление) и *guilt* (вина) во всех вариантах английского языка.

6. На фоне когнитивной общности эмоционально-чувственных переживаний в разных лингвокультурах англосферы, наибольшая коммуникативная востребованность образа эмоции-вместилища наблюдается в американском, канадском, британском и индийском вариантах английского языка. Наименьшая – в вариантах английского языка Танзании, Гонконга, Ямайки и Бангладеш, возможно, в силу недостаточной репрезентативности данных подкорпусов в GloWbE и NOW. выступают принципы встроенности / вложенности одних эмоций в другие, создающий эффект «матрешки».

7. Закономерностями языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний как вместилищ являются два принципа: 1) принцип взаимной обратимости и 2) принцип «матрешки», действующие в зоне метафорики англоязычного пространства. Оба принципа являются частным случаем всеобщего принципа познания объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира – детерминизма: одна эмоция помещается в другую, при этом являясь одновременно и содержащим, и содержимым. Оба принципа связаны с такими свойствами мифологического мышления как *протеизм*, когда эмоции категоризируются и по аналогии с содержащим, и по аналогии с содержимым; а также *синкретизм* (содержащее и содержимое в природе существуют в единстве).

8. Пересмотрены доминирующие признаки в языковой категоризации эмоций. Признак 'полый предмет стабильной формы, предназначенный для какого-либо содержимого' доминирует у половины эмоций, в то время как ранее доминирующими в языковой категоризации эмоций были признаки 'текущее' и 'рукоятное'.

Научная новизна настоящей диссертации состоит в том, что в работе впервые предложено типологическое обоснование и описание одного из именных криптоклассов английского языка «Res Continens», в основании

которого лежит категориальный семантический признак ‘полый предмет стабильной формы, предназначенный для содержимого’. Впервые к описанию языковой категоризации эмоций и чувств по аналогии с вместилищем привлекается материал двадцати вариантов английского языка. Впервые на обширном материале английского языка рассмотрены такие принципы познания мира как принцип взаимной обратимости и принцип «матрешки».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведенное исследование уточняет критерии системности лексического состава английского языка, что в свою очередь, является необходимым условием исследования скрытой именной категориальности в английском языке. Описание именного криптокласса английского языка «Res Continens» дополняет разрабатываемую в рамках Воронежской лексико-типологической группы систему *именных криптоклассов* английского языка.

Практическая значимость исследования заключается в пополнении электронного лингвистического ресурса COEL. Полученные данные могут быть использованы в курсах германистики, лексикологии английского языка, общей семантики, типологии и лексикографии, а также в переводоведении.

Апробация основных положений и результатов исследования осуществлялась на XVI Международной научно-методической конференции «Информатика: проблемы, методология, технологии» (г. Воронеж, 2016), XI международной научно-практической конференции Михаило-Архангельские чтения (г. Рыбница, 2016), Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы компьютерной и типологической лингвистики» памяти доктора филологических наук, профессора В. Т. Титова» (г. Воронеж, 2017), XII международной научно-практической конференции Михаило-Архангельские чтения (г. Рыбница, 2017), XVII Международной научно-практической конференции “World Science: Problems and Innovations” (г. Пенза, 2018), Международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в образовании и аграрном секторе экономики» (г. Брянск, 2018), республиканском научно-

практическом семинаре с международным участием «Актуальные проблемы современной лингвистики» (г. Рыбница, 2018), научной сессии Воронежского государственного университета (г. Воронеж, 2018), XIII Международной научно-практической конференции Михаило-Архангельские чтения (г. Рыбница, 2018), Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода» (г. Воронеж, 2018), круглом столе «Исследование языка с помощью лингвистического корпуса» (г. Рыбница, 2019), международном научно-практическом семинаре «Развитие и функционирование лексики и фразеологии английского и немецкого языков» (г. Рыбница, 2019), научно-практической конференции «Проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам в свете межкультурной коммуникации» (г. Рыбница, 2019).

По теме диссертации опубликовано 9 работ, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка Литературы, словарей и электронных корпусов, Списка терминов и сокращений, Приложения. Во Введении дается общая характеристика исследования. В Главе 1 «Основные постулаты исследования» рассматривается методологическая база, степень разработанности темы, актуальность исследования, а также описывается ограничение объекта исследования. Глава 2 «Эмонимы как метафоронимы криптокласса английского языка «Res Continens»» посвящена описанию устройства криптокласса «Res Continens»: приводится типологическое обоснование выделения скрытой лексико-грамматической именной категории английского языка; описывается набор классификаторов скрытой категории; диагностируется классность эмонимов в криптоклассе, вычисляются их количественные характеристики. Заключение суммирует результаты исследования.

Глава I. Основные постулаты исследования

1.1 Эмоции как объект исследования в лингвистике и когнитивной науке

В связи с тем, что эмоции являются предметом изучения во многих отраслях научного знания (нейробиологии, медицины, психологии, лингвистики, психолингвистики и др.), рассмотрим, как они изучались в разных научных парадигмах когнитивной науки и лингвистики. В данном диссертационном исследовании эмоционально-чувственные переживания человека изучаются в аспекте языковой категоризации мира.

Согласно теории Ч. Дарвина процесс появления эмоций – это результат эволюции живых существ. Сами же эмоции являются жизненно важными механизмами, которые способствуют адаптации живого организма как к условиям окружающей среды, так и к ситуациям жизни [Дарвин 2001].

Одной из первых теорий была трехкомпонентная теория эмоций В. Вундта, в которой он говорит, что эмоции выражают: удовольствие – неудовольствие, напряжение – расслабление, возбуждение – успокоение. В. Вундт считает, что эмоции обладают тремя измерениями, причем каждое из них имеет два противоположных направления, которые исключают друг друга [Вундт 1880] (Рис. 1).

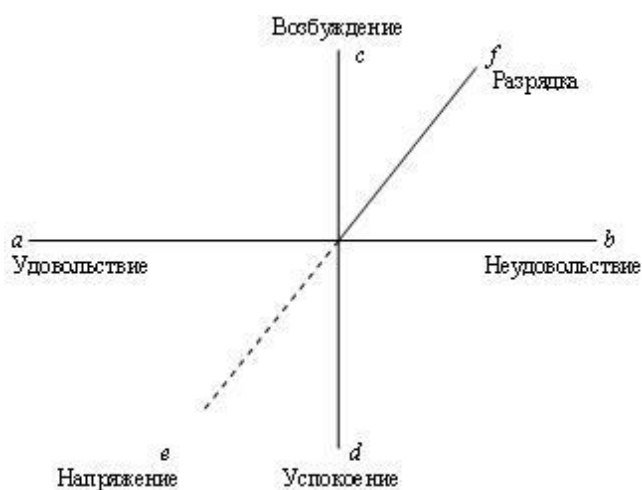

Рис. 1. Схема трехкомпонентной теории эмоций В. Вундта

Хотя Э. Титченер говорил, что В. Вундт смешивает чувства и чувствования, поэтому внимания заслуживает только первая пара – удовольствие – неудовольствие, которые он считал эмоциональными тонами ощущений. Остальные эмоции создаются в результате смешивания ощущений, которые сопровождаются эмоциональным тоном [Titchener 1899].

У Г. Шлосберга также представлена теория трех компонентов, в которую входят следующие оппозиции: *удовольствие – неудовольствие, сон – напряжение и принятие – отталкивание* [Schlosberg 1954]. Ч. Осгуд добавляет к этим положениям оппозицию *контроль – импульсивность* [Osgood 1966], а Н. Фрижда *внимание – невнимание* [Frijda 1963], *уверенность – неуверенность* [Frijda 1970].

Оппозицию *удовольствие – неудовольствие* выделяет и П. Н. Шишкеев. Он пишет, что эмоции выступают психологическими состояниями, выражающимися «в форме переживаний, ощущений приятного или неприятного, удовлетворенности или неудовлетворенности человека. Эмоции служат для оценки человеком окружающего его мира – людей, предметов, явлений и событий» [Шишкеев 2009: 131]. Они всегда имеют свой оппозиционный, полярный вектор: «удовольствие – неудовольствие, веселье – грусть, радость – печаль и т.д. Оба полюса не являются обязательно внеположными» [Рубинштейн 1989: 140]. Эмоции – это «единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы образуют единство интеллектуального и эмоционального» [Рубинштейн 1989: 141]. В психологии эмоция рассматривается «как психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» [Петровский 1990: 461].

А. Н. Леонтьев определяет эмоции как «особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами. Эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта

путем отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Леонтьев 1970: 553].

Г. Г. Вербина характеризует эмоции как реакцию на совершившиеся, а также вероятные или вспоминаемые события. Они появляются в начале действия и предвосхищают результат. Эмоции обладают опережающим характером, отражают события с субъективной точки зрения, а, следовательно, являются субъективной оценкой человека определенного явления, которое связано с удовлетворением актуальных потребностей личности [Вербина 2008: 13].

Е. Д. Хомская и Н. Я. Батова выделяют следующие критерии (параметры) эмоций: «характер потребностей (витальные, базальные – социальные, небазальные), их уровень (элементарные – сложные), их знак (положительные – отрицательные), их связь с модальностью ощущений и восприятий (эмоции, связанные со зрением, слухом, вкусом, тактильными функциями, движением и пр.), их связь с опытом (врожденные – приобретенные), степень осознанности эмоций (осознанные – неосознанные), отношение к состоянию активации (активизирующие – успокаивающие), их объект (направленные «на себя» – направленные «вовне»), их длительность (краткие – длительные), их интенсивность (сильные – слабые), их отношение к деятельности (ведущие – неведущие) и т.д.» Они также отмечают, что «сам по себе ни один из этих критериев (признаков) не может быть принят как единственный». Это связано с многомерностью эмоциональных явлений, а также с тем, что у эмоций может быть сразу несколько параметров, т.к. эмоции – это системные явления, а значит, они наделяются системными качествами [Хомская 1992: 8-9].

Многомерность, или многогранность, эмоций заключается в том, что они «затрагивают чувства и опыт, физиологию и поведение, формы познания и концептуализации» [Ортони 1995: 314].

В современных исследованиях затрагиваются вопросы разграничения базовых и вторичных эмоций, а также проблемы различения эмоций.

Представляют ли собой эмоции «один огромный первозданный хаотический фон разнообразных эмоций, в котором они смешиваются между собой, переплетаются» [Перфильева 2003: 157].

Одно из важных положений, которое было выдвинуто в теории В. И. Шаховского, заключается в том, что ни одна теория и концепция эмоций не может считаться универсальной и исчерпывающей, т.к. в разных странах существуют различные научные традиции, а также различия в «терминологических системах языков, на которых эти концепции описаны». Различия существуют и в понимании, интерпретации сути эмоций и «объема этого феномена» [Шаховский 2009а: 31]. Сам же каталог эмоций человека, в зависимости от школы, может варьироваться от 6 до 5000.

К. Изард определяет эмоцию как «сложный феномен, включающий в себя нейрофизиологический, двигательно-экспрессивный и чувственный компоненты» [Изард 2000: 71]. Согласно данному определению исчезает необходимость разделения чувств и эмоций, т.к. первые являются составными частями вторых. Психолог выявляет следующие 5 критериев, которые помогут определить принадлежность эмоции к базовым единицам. Так, базовая эмоция:

- 1) «имеет отчетливые и специфические нервные субстраты;
- 2) проявляет себя при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица (мимики);
- 3) влечет за собой отчетливое и специфическое переживание, которое осознается человеком;
- 4) возникла в результате эволюционно-биологических процессов;
- 5) оказывает организующее и мотивирующее влияния на человека, служит его адаптации» [Изард 2000: 63-64].

Количество базисных эмоций зависит от теории, выдвинутой ученым. Так, список базовых эмоций был предложен в исследованиях К. Изарда [Изард 2000], [Boyle 1984], [Boyle et al. 2015], П. Экмана [Ekman 1992, 1999], П. Шейвера [Shaver 2001], С. Томкинса [Tomkins 1962, 1963], Д. Гоулмана

[Goleman 1996], Р. С. Лазаруса [Lazarus 1994], Р. Плутчика [Plutchik 2001], Г. Мандлера [Mandler 1984], Н. Эткоффа [Etkoff 1992], Э. Ортони и Т. Тернера [Ortony 1990], О. Кондаш [Кондаш 1981], А. Е. Ольшанниковой [Ольшанникова 1983], Л. В. Куликова [Куликов 1997], П. Н. Шишкоедова [Шишкоедов 2009], Н. А. Багдасаровой [Багдасарова 2004], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996], В. П. Ильина [Ильин 2001] и некоторых других (табл. 1).

Таблица 1. Сводная таблица базовых эмоций

Автор теории	Базисная эмоция
М. Арнольд	Anger (гнев), aversion (отвращение), courage (смелость), dejection (уныние), desire (желание), despair (отчаяние), fear (страх), hate (ненависть), hope (надежда), love (любовь), sadness (печаль)
П. Экман, В. Фрисен, П. Элсворт	Anger (гнев), fear (страх), disgust (отвращение), sadness (печаль), interest (интерес), contempt (пренебрежение), surprise (удивление), guilt (вина) и shame (стыд), embarrassment (смущение), awe (трепет), excitement (возбуждение, волнение)
П. Шейвер	Love (любовь), joy (радость), surprise (удивление), anger (гнев), sadness (печаль), fear (страх)
Н. Фрижда	Desire (желание), happiness (счастье/радость), interest (интерес), surprise (удивление), wonder (изумление), sorrow (скорбь)
Дж. Грей	Rage (ярость), terror (ужас), anxiety (тревога), joy (радость)
К. Изард	Interest (интерес), joy (радость), surprise (удивление), distress (дистресс (горе – страдание – печаль), anger (гнев), disgust (отвращение), contempt (презрение), fear (страх), shame (стыд), guilt (вину), shyness (смущение, застенчивость), self-hostility (враждебность по отношению к себе)
В. Джемс	Fear (страх), grief (грусть), love (любовь), rage (ярость)
У. Мак-Дугалл	Anger (гнев), disgust (отвращение), elation (воодушевленность), fear (страх), subjection (покорность), tender-emotion (нежность), wonder (изумление)
О. Маурер	Pain (боль), pleasure (удовольствие)
К. Оутли, П. Джонсон-Лаирд	Anger (гнев), disgust (отвращение), anxiety (тревога), happiness (счастье/радость), sadness (печаль)
Дж. Панксепп	Expectancy (предвкушение), fear (страх), rage (ярость), panic (паника)
Р. Плутчик	Acceptance (принятие), anger (гнев), anticipation (предвкушение), disgust (отвращение), joy (радость), fear

	(страх), sadness (печаль), surprise (удивление)
С. Томкинс	Anger (гнев), interest (интерес), contempt (презрение), disgust (отвращение), distress (дистресс), fear (страх), joy (радость), shame (стыд), surprise (удивление)
Д. Гоулман	Anger (гнев), sadness (печаль), fear (страх), enjoyment (наслаждение), love (любовь), surprise (удивление), disgust (отвращение), shame (стыд)
Р. С. Лазарус, Б. Н. Лазарус	Anger (гнев), envy (зависть), jealousy (ревность), anxiety (тревога), fright (испуг), guilt (вина), shame (стыд), relief (облегчение), hope (надежда), sadness (печаль), depression (депрессия), happiness (счастье/радость), pride (гордость), love (любовь), gratitude (благодарность), compassion (сострадание), aesthetic experience (эмоции, вызванные эстетическим опытом)
О. Кондаш, А. Е. Ольшанникова	Joy (радость), fear (страх), interest (интерес), excitement (волнение)
Л. В. Куликов	Vivacity (бодрость), joy (радость), passion (страсть, азарт), anger (гнев), fear (страх), anxiety (тревога), sadness (печаль), guilt (вина), shame (стыд), bewilderment (растерянность)
П. Н. Шишкоедов	Spirit (настроение), anxiety (тревога), frustration (фрустрация), eustress (эустресс), distress (дистресс), affect (аффект), fear (страх), disgust (отвращение), fright (испуг), terror (ужас), paranoia (паранойя), phobia (фобия), aggression (агрессия), joy (радость), surprise (удивление), shame (стыд)
Н. А. Багдасарова	Interest (интерес), excitement (волнение), joy (радость), surprise (удивление), grief (горе/страдание), disgust (отвращение), contempt (презрение), fear (страх), shame (стыд), guilt (вина)
Д. Уотсон	Fear (страх), love (любовь), rage (ярость)
Г. Мандлер	Lust (вожделение)
Б. Вайнер, Л. Грэхем	Happiness (счастье/радость), sadness (печаль)

Интересный подход к изучению эмоционально-чувственных переживаний наблюдается у Р. Плутчика, который изобразил свою адаптационную теорию в виде цветка, или колеса, эмоций (Рис. 2). Базовые эмоции располагаются во второй линии круга от центра, в центре находятся аффекты, т.е. эмоции в их крайнем проявлении, внешний круг составляют эмоции, которые являются более сложными по структуре [Plutchik 2001].

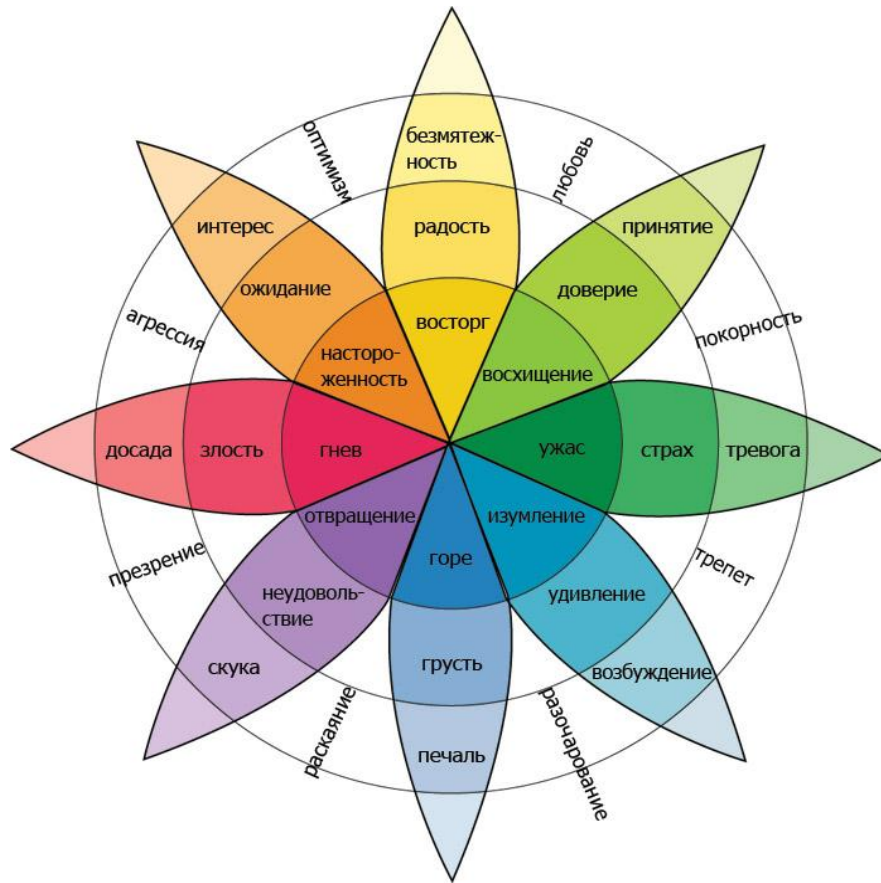

Рис. 2. Колесо эмоций Р. Плутчика

Наряду с критериями выявления эмоций определяют и параметры, которые используются для разграничения эмоций. В работе Е. А. Зуевой представлено 5 таких параметров:

- 1) наличие/отсутствие интеллектуальной оценки (согласно этому положению эмоции делятся на простые и сложные);
- 2) «знак» эмоции (согласно этому положению эмоции делятся на положительные/стенические и отрицательные/астенические эмоции);
- 3) направленность на говорящего (личные – отчаяние, горе, тоска) или на окружающих (неличные – жалость, сострадание, восхищение);
- 4) влияние на деятельность человека (согласно этому положению эмоции делятся на активные – радость, воодушевление – и пассивные – тоска, отчаяние);

5) степень интенсивности (эмоции высокой степени интенсивности – счастье, несчастье – и низкой степени интенсивности – удовлетворение, досада) [Зуева 2006: 150-151].

Как видим, в когнитивной науке, в исследованиях по психологии и философии понятия «эмоции» и «чувства» рассматривают и как отдельные, но и взаимосвязанные явления.

Так, по мнению А. Н. Леонтьева следует различать эмоции и чувства. У эмоций отчетливо выражен ситуационный характер, они выражают «оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них». В то время как у чувств – предметный характер, который возникает «в результате специфического обобщения эмоций, связывающегося с представлением или идеей о некотором объекте – конкретном или обобщенном, отвлеченном (например, чувство любви к человеку, к родине, чувство ненависти к врагу и т. п.)» [Леонтьев 1971: 42]. При этом, и тем и другим свойственны «переключаемость» и амбивалентность. Эмоции могут возникать на базе чувств, и наоборот: например, «эмоция грусти возникает на фоне чувства любви». Чувства же проявляются через эмоции [Ильин 2001: 58].

Г. А. Фортунатов считает эмоциями только определенные формы переживаний чувств [Фортунатов 1970], а Р. С. Немов, как и В. П. Симонов [Симонов 1981], относит чувства, наряду с настроениями, аффектами, страстями и стрессами, к классу эмоций и называет их «чистыми» эмоциями, которые включены во все психические процессы и состояния человека [Немов 2003: 436]. П. А. Рудик приравнивает эмоцию к переживанию и отношению, он пишет, что эмоции – это «психические процессы, содержанием которых является переживание, отношение человека к тем или иным явлениям окружающей действительности» [Рудик 1976: 75]. П. К. Анохин тоже определял эмоцию как переживание, при этом подчеркивая их взаимозаменяемость: переживания – это эмоции, а эмоции – это переживания. Эмоции – это «физиологические состояния организма,

имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения» [Анохин 1964: 339].

В лингвистике эмоции начали рассматривать значительно позже. Эти исследования породили новую науку – эмотиологию – лингвистику эмоций. Эмотиология занимается изучением полистатусной презентации когнитивно-дискурсивной категории эмотивности [Зуева 2006: 149], объединяет когнитивную психологию и лингвистику, выдвигает новую проблематику изучения эмоциональных явлений [Нашхоева 2011: 95]. В круг вопросов эмотиологии входят как вопросы категоризации эмоциональных состояний в языке и тексте [Шаховский 1988, 2008a, 2008b, 2009b, 2010], так и особенности эмоционального интеллекта, эмоционального мозга [Симонов 1981]. Эмотиология использует знания об эмоциях, которые были получены из когнитологии, и на базе этого разрабатывает свою концепцию – лингвистическую концепцию эмоций. Суть данной концепции заключается в том, что «человек (субъект) отражает существующий мир, но не все подряд, а только необходимое или ценное в данный момент» [Нашхоева 2011: 95].

В настоящее время одной из центральных проблем эмотиологии, которая получила достаточно широкое распространение в работах Волгоградской школы в лице В. И. Шаховского и его последователей, является «проблема определения понятия эмоциональной картины мира, проблема номинации эмоций средствами разных языков, национально-культурной специфики выражения эмоций, соотношения лингвистики и паралингвистики эмоций» (см., например, коллективную монографию [Россия лингвистическая 2012: 53]).

С лингвистической точки зрения эмоции рассматриваются и в работах В. Ю. Апресяна. Он выделяет 11 кластеров эмоций – страх, гнев, отвращение, грусть, радость, стыд, гордость, жалость, обида, ревность/зависть, благодарность [Апресян 2011a, 2011b]. В этом ряду представлены те

единицы, которые называют эмоции «в традиционном биологическом и психологическом смысле этого термина – эмоции рассматриваются как непосредственные реакции на некие стимулы». Такие номинации, как *любовь, ненависть, уважение* и др. автор называет чувствами-отношениями и не анализирует их, т.к., по его мнению, «биологически, и психологически, и лингвистически чувства-отношения сильно отличаются от непосредственных эмоциональных реакций», причина их возникновения – не обязательно внешний стимул [Апресян 2011а: 24-25].

В. Ю. Апресян отмечает в эмоциональной метафоре значительную «степень межъязыковой универсальности, например, *страх – это холод, жалость – это боль* и др. [Апресян 2011b: 87], несмотря на тот факт, что существует много специфических для определенного языка метафор, типа *to turn green* ‘позавидовать: букв. позеленеть’ или *to feel blue* ‘грустить: букв. чувствовать синее’».

В ходе изучения репрезентации эмоций в языке З. З. Исхакова предлагает использовать понятие «эмотивный дейксис», который является инструментом эмоционального интеллекта. «Язык в виде эмотивных дейктиков есть ключ к изучению человеческих эмоций» [Исхакова 2010: 646], поскольку именно язык «номинарует эмоции, выражает их, классифицирует, структурирует, комментирует» [Шаховский 2008b: 386].

Наряду с вышеперечисленными учеными вопросами языкового выражения эмоций занимались представители психолингвистического подхода в науке: И. А. Трошина [Трошина 1995], Е. Ю. Мягкова [Мягкова 2000], С. В. Ионова [Ионова 2015], О. Д. Тарасова [Тарасова 2015] и др.

Однако в лингвистике часто возникает вопрос, который не получил достаточного объяснения, – вопрос об универсальности категоризации эмоций и эмоциональных переживаний. Взаимопроникновение идей и понятий может быть обусловлено растущим взаимодействием разных культур, что влечет за собой «размывание четких этнокультурных и этнолингвистических противопоставлений». Эмоции могут служить тем

примером, который демонстрирует «определенные общие тенденции, носящие отчасти биологический, отчасти концептуальный и культурный, отчасти чисто языковой, семантический характер», при этом между языками имеет место типологическое и культурное противоречие, несходство [Апресян 2011а: 21].

Концепция универсальности выражений лица, например для 6 базовых эмоций представлена в работах П. Экмана [Ekman 1999], у А. Вежбицкой находит отражение идея об общности тенденций в концептуализации эмоций разными языками [Wierzbicka 1999].

Интересно, что у Л. Н. Иорданской представлено разграничение эмоциональных состояний и эмоциональных отношений, а также деление эмоций на положительные, отрицательные и нейтральные [Иорданская 1970]. Однако несмотря на то, что некоторые лингвисты разграничивают понятия «эмоции» и «чувства», в цели данного диссертационного описания это не входит. Мы придерживаемся точки зрения, которая позволяет рассматривать чувства и эмоции как единое пространство эмоционально-чувственных переживаний. Существительные, называющие чувства и эмоции, именуются эмонимами. Термин «эмоним», предложенный А. Т. Хроленко [Хроленко 2007], представляется наиболее релевантным для решения задач языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний человека и соответствующим отечественной лингвистической терминологической традиции, ср., *омоним*, *синоним*, *антоним* и т.д. Заметим, что Ю. С. Сорокин допускал объединение чувств и эмоций и предлагал для них термин «эмотивикон» [Сорокин 1965], С. Ю. Перфильева – «эмоном» [Перфильева 2000].

Выбор эмотивной именной лексики в качестве объекта исследования предполагает ограничение материала до обозримого в кандидатской диссертации объема.

Ограничение материала проходило в несколько этапов. Для начала мы рассмотрели существующие классификации эмоций таких авторов, как

М. Арнольд, П. Экмана, В. Фрисена, П. Эворта, Р. Плутчика, П. Шейвера и некоторых других. В итоге у нас получился список из 180 англоязычных номинаций эмоционально-чувственных переживаний человека, в который вошли как базовые, так и вторичные и третичные эмоции, бленды.

На следующем этапе мы проверили все эмонимы по словарю Oxford Learner's Dictionary [Oxford Learner's Dictionary], с привлечением для некоторых случаев Oxford English Dictionary [Oxford English Dictionary] на предмет наличия в их дефинициях слов *feeling* или *emotion*. Как выяснилось, все эмонимы определяются через лексическую единицу *feeling*, исключая собственно слово *feeling*.

Следующим шагом была проверка на частотность их употребления в современном английском языке. Были отобраны имена, относящиеся к первому (*****) и второму (****) уровню частотности по версии Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, 2001 [Collins Cobuild English Dictionary 2001].

Серия корпусных запросов помогла выявить редко употребляющиеся эмонимы. В нашей работе мы применяем критерий «критическая масса», который подразумевает, что «по каждой переменной должно быть представлено не менее 5 наблюдений» [Зыкова 2008: 44]. Этот критерий применялся и в других исследованиях (см., например, [Елисеева, Юзбашев 2002], [Донина 2017]). В результате, на четвертом этапе отбора мы получили список из 23 эмонимов, который получил статус **объекта** диссертационного исследования: *emotion* (эмоция), *feeling* (чувство), *fear* (страх), *terror* (ужас), *distress* (страдание), *anxiety* (тревога), *grief* (горе), *pleasure* (удовольствие), *joy* (радость), *happiness* (счастье), *surprise* (удивление), *passion* (страсть), *hope* (надежда), *pride* (гордость), *shame* (стыд), *guilt* (вина), *relief* (облегчение), *pity* (жалость), *sympathy* (сочувствие), *concern* (участие), *interest* (интерес), *anger* (гнев), *love* (любовь).

Языковая категоризация эмоционально-чувственных переживаний изучается в тесной связи с основными характеристиками дологического

(мифологического) мышления и метафорического представления человеческого опыта, которые мы рассмотрим в следующем разделе.

1.2 Когнитивные принципы выделения метафоры «контейнер»

1.2.1 Признаки дологического (мифологического) мышления

Языковая категоризация эмоционально-чувственных переживаний напрямую связана с дологическим мышлением.

В словаре философских терминов мифологическое мышление определяется как «архаическая форма осмысления действительности, в которой соединялись первобытные верования, образное отношение к миру, зачатки эмпирических знаний» [Кузнецов 2007: 333]. Для мифологического мышления не присуща способность фиксирования характеристики вещей и причисления их к классам вещей. Это было связано с отсутствием логических структур опосредования, обоснования, доказательства. Одна и та же сущность могла иметь разные названия, а различным сущностям приписывалось одно имя. Полисемантизм характерен уже для метафорического мышления [Кузнецов 2007].

А. Ф. Лосев писал, что «миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни» [Лосев 1991: 24]. Само же мифологическое мышление – это действительность, которая не подчиняется принципу непротиворечия. Схема логического мышления часто имеет схему «либо – либо», а в мифологическом мышлении существование противоречия не настолько очевидно. «Можно ли быть одновременно в двух местах?» – «Можно», – отвечает логика чудесного» [Голосовкер 2010: 26].

Основополагающими трудами в разработке вопросов мифологического и дологического мышления являются труды К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 1985, 1994, 2001] и Л. Леви-Брюля [Леви-Брюль 1980, 1994]. Эта проблематика получает дальнейшее развитие в работах В. Я Проппа [Пропп

1976, 1984, 2000] А. Ф. Лосева [Лосев 2001], С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1947], А. А. Потебни [Потебня 1958-1985] и некоторых других ученых.

В сферу интересов К. Леви-Брюля входили законы, управляющие коллективными представлениями. Рассматривая теоретические наработки Э. Дюркгейма, который занимался проблемами познания и собственно мышления [Дюркгейм 1996], он разработал теорию дологического мышления первобытных народов, которая и нашла отражение в его трудах [Леви-Брюль 1980], [Леви-Брюль 1994]. Он отмечал, что дологическое (мифологическое), мышление, не подчиняется элементарным законам логики, «не способно осознавать, судить и рассуждать подобно тому, как это делаем мы» [Леви-Брюль 1994: 7].

Мифологическому мышлению свойственны такие черты, как избыточность, антиказуальность, конкретность, неразличение субъекта и объекта действия, неразличение категорий сущности и явления, нерасчлененность образа и значения, закон неисключенного третьего, синкретизм, протеизм. Все эти характеристики мифологического мышления влияют на языковую систему любого языка в процессе его становления и обуславливают «наивность» языковой категоризации [Борискина, Кретов 2003]. Таким образом, парадоксы в языке являются атавизмом мифологического мышления [Гришаева 2014].

Одной из значимых особенностей мифологического мышления выступает протеизм, в соответствии с которым одна и та же сущность предстает в различных обликах либо формах. Так, морское божество Proteus могло принимать различные облики, Бог Зевс являлся к Данаю в виде золотого дождя (Apollo. II 4, 1), Семеле – в виде молний и грома, Европу он похищает, обернувшись быком (Apollo. III 1, 1), перед Ледой предстает лебедем (III 10, 7), Персефоной – змеем.

Этот принцип соблюдается и в древнегреческой мифологии, и в «Метаморфозах» Овидия, и в афроамериканском представлении мира, в

котором Бог предстает перед человеком «в виде воды, небес, деревьев, зверей и т.п.», на что обратила внимание Е. В. Шустрова [Шустрова 2007: 219]

Архетипические черты древних богов, злых духов, которые несут деструктивное начало и связаны с хаосом, смертью, подземным миром могут быть присущи метафорам отрицательных чувств. Это обуславливается тем, что древние верования в злых и добрых духов транслируются в язык и сохраняются в нем в виде метафорических словосочетаний и становятся «частью культурного поля памяти» [Брагина 2007: 293-297].

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» представлен еще один случай протеизма – явление оборотничества, когда персонажи меняли ипостаси – принимали образ любого существа: другого человека, животного, насекомого, растения, превращались в природную стихию, предмет и т.д. [Славянские Древности 2009: 466-471].

Стоит отметить, что Л. Леви-Брюль считал, что мифологическое и логическое мышление является естественными свойствами и составляющими мышления современного индивида. Дологическое мышление способно сосуществовать с логическим мышлением, т.к. ему присущ закон сопричастия и мистической *встроенности* сознания.

Мифологическое мышление рассматривается как беспочвенная игра воображения, или как примитивная форма философских спекуляций [Леви-Стросс 2001: 214]. Сами же мифы обладают противоречивым характером, и эта противоречивость сравнивается с той, с которой сталкивались первые философы, проявляющие интерес к языку. Этот вопрос был основополагающим при становлении лингвистики как науки. У древних философов был такой же подход к языку, как и у современных ученых к мифологии. Они отмечали, что определенные сочетания звуков имеют соответствие с определенными значениями, и пытались найти объяснение тому явлению, что эти значения и эти звуки объединяются благодаря некой внутренней необходимости. Их попытки были безуспешны, т.к. одни и те же звуки в разных языках связаны с разными значениями. Объяснение было

найденно, когда выявили, что «значащая функция в языке связана не с самими звуками, а со способом их сочетания между собой» [Леви-Стросс 2001: 215].

1.2.2 Метафорическая природа языка

Изучением метафоры занимаются многие лингвисты. Нельзя не вспомнить работы Аристотель [Аристотель 1927] и Ж. Ж. Руссо [Руссо 1961], которые заметили в языке перенос по смежности и по сходству. На протяжении долгого времени метафора рассматривалась как троп, и только в XX веке начали говорить о метафорическом типе мышления. Такие идеи находят место в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], Х. Ортега-и-Гассета [Ортега-и-Гассет 1990], А. А. Кретьова [Кретьов 1987], Ю. С. Степанова [Степанов 2004, 2007], Дж. Лакоффа [Lakoff 1987, 1990] и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], [Johnson 1990] и др.

Так, в работах исследователей встречаются такие понятия, как «архетип» или «метафорический архетип» [Юнг 1991], «концептуальная метафора», «базисная метафора» [Лакофф, Джонсон 2004], «ментальная модель» [Джонсон-Лэрд 1988], «метафорическая модель» [Баранов, Караулов 1991], «образ-схема» [Лакофф 1988], «парадигма образов» [Павлович 2004], «образ» [Илюхина 1998], «модель регулярной многозначности» [Шмелев 1964, 2008], [Шмелев 1994], [Апресян 1995], [Чудинов 1988], «метафорическое поле» [Скляревская 1993] и др.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается «как средство концептуализации незнакомых и абстрактных понятий посредством обращения к опыту номинации знакомого и конкретного. Следовательно, метафора не может быть ограничена только сферой языка, метафора – феномен более широкий, основанный на когнитивной функции мышления – мыслить метафорически» [Абросимова 2015: 33].

Дж. Лакофф и М. Джонсон называют метафору «когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека», т.к. основой процессов метафоризации выступают процедуры обработки структур знаний [Лакофф,

Джонсон 2004: 16]. Основной тезис когнитивной теории метафоры выглядит следующим образом: «в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев» [Лакофф, Джонсон 2004: 9]. Знания, которые реализуются во фреймах и сценариях, – это «обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом» [Лакофф, Джонсон 2004: 9]. На языковом уровне проявляются онтологические метафоры, которые являются отражением опыта непосредственного взаимодействия с материальным миром [Лакофф, Джонсон 2004: 9], они используются для понимания событий, действий, занятий и состояний.

Основой метафоризации выступает взаимодействие двух структур знаний – «когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain)» [Лакофф, Джонсон 2004: 9], соответствия между которыми фиксируются в языковой и культурной традиции общества. Эти соответствия Дж. Лакофф и М. Джонсон называют концептуальными метафорами [Лакофф, Джонсон 2004: 11]. В рамках метафоризации некоторые области цели структурируются по аналогии с источником, таким образом проявляется «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping) [Лакофф, Джонсон 2004: 9].

Согласно идеям Н. Д. Арутюновой метафоризация возникает в результате превращения метафоры «из средства создания образа» «в способ формирования недостающих языку значений» [Арутюнова 1978: 336], а метафора – это источник лексики, который обслуживает «мир событий и абстрактных понятий, конструируемых человеком» [Арутюнова 1978: 337], поэтому важной чертой метафоры считается способность создавать и обозначать вторичные понятия.

Метафора выступает важным средством воздействия на интеллект, чувства и волю адресата в рамках коммуникативной деятельности, о чем говорит А. П. Чудинов в своем глобальном труде «Россия в метафорическом

зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [Чудинов 2001]. В основе его понимания метафоры лежит представление о метафоре как о языковом явлении, отражающем процесс познания мира [Чудинов 1991-2000: 30].

В процессе метафоризации признак, который подлежит метафорическому осмыслению, моделируется по аналогии. Устанавливаются проекционные отношения между моделирующей и моделируемой базами, т.е. компоненты одной структуры проецируются на другую. Итогом метафорического осмысления является тот факт, что «моделируемый признак получает имя, и природа его дополнительно проясняется для сознания через свое отображение в более наглядной модели – по сходству двух предметно-признаковых структур» [Никитин 2007: 269].

Р. С. Кимов называет метафору средством «хранения гносеологического образа мира, как сущности, на которых основывается, прежде всего, эпидигматическая (семантическая) производность, обеспечивая тем самым единство внутрилексемных связей полисеманта и его формальное тождество» [Кимов 2010: 5]. Он подчеркивает, что это не просто средство фиксации результатов познания, а способ «концептуализации и категоризации новой информации, получаемой человеком извне, как средство членения пространственно-временного континуума и формирования языковой картины мира» [Кимов 2010: 5].

В связи с этим бесспорным является тот факт, что в лингвистике метафора рассматривается не как троп, который украшает речь, а как форма мышления, механизм познавательного процесса. Как отмечает Е. Л. Смольникова: «анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания» [Смольникова 2010: 197], хотя идеи, выдвинутые Аристотелем, который считал, что «метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель 1927: 66] актуальны и в настоящее время

Очевидно, что метафорические модели продуцируют метафорические образы, которые являются ментальными единицами, устойчивыми представлениями об объекте окружающего мира. Структурируются эти образы с помощью набора концептуальных метафор.

Вопросы метафоры затрагиваются и в научных трудах, посвященных некоторым вариантам английского языка. Так, метафора рассматривается отдельно в новозеландском [Onyshko 2017], ирландском [Lucek 2017], британском, индийском и нигерийском [Finzel, Wolf 2017], индийском [Ahuja, Techacharoengrungrueang Luksaneeyanawin 2017] и в некоторых новых вариантах английского языка [Callies, Onyshko 2017], [Callies 2017], [Güldenring 2017].

1.2.3 Метафора «контейнер»

Размышления на тему языковых образов мироустройства по аналогии с контейнером находим в работах представителей когнитивного направления в лингвистике, начиная с отцов концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также исследователей пространственной когниции (D. Taylor [Taylor 1995], A. Herskovits [Herskovits 1986], C. Vandeloise [Vandeloise 1991] и др.) и их российских последователей (см., например, Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1999, 2004], Е. В. Рахилина [Рахилина 1994, 2004, 2008, 2010, 2013], В. В. Корнева [Корнева 2008]). Представляется, что данную когнитивную единицу независимо от ее теоретического статуса в лингвистике (*концепт, концептуальная схема, образная схема, spatial schete, топологический тип*) следует признать ключевой в понимании пространственных отношений включенности / встроенности одних объектов в другие, равно как и в семантическом описании производных этих отношений. И это не удивительно, поскольку многие важные для жизнедеятельности вещи устроены именно по принципу помещения одного объекта в другой.

О встроенности одних элементов в другие мы говорили в разделе выше. В исследованиях К. Леви-Стросса подчеркивается, что мифологическое мышление привязано к образам, оно может иметь обобщающий характер, а, следовательно, может быть научным: «оно также действует посредством *аналогий и сопоставлений*, даже если ... его создания всякий раз сводятся к новому упорядочиванию уже имеющихся элементов, характер которых не меняется, фигурируют ли они в инструментальной совокупности или в конечном расположении (и которые, отвлекаясь от внутреннего размещения, образуют всегда один и тот же объект)» [Леви-Стросс 1994: 91], представляя таким образом *встроенность*.

Собственно, в случае с контейнерами, сосудами, прослеживается частное проявление протеизма – одно и то же явление выступает либо содержащим, либо содержимым. Так, Л. Леви-Брюль называет контейнерами, избранными сосудами, некоторые мистические существа, от которых зависит периодичность явлений [Леви-Брюль 1994: 360], или внетелесные души индивидов, которые вмещают в себя жизненные силы всего племени [Леви-Брюль 1994: 76], или какие-то мистические элементы, которые являются проводниками мистической партиципации [Леви-Брюль 1994: 166] и т.д. Эти примеры свидетельствуют о значимости когнитивной модели «контейнер» (которую мы рассмотрим в следующих параграфах) для языковой категоризации явлений реальной и ирреальной действительности в период дологического, мифологического мышления.

Мир мифологического сознания был устроен по принципу встроенности. Л. Леви-Брюль отмечал, что для мифологического мышления окружающий мир, в котором взаимодействуют все сверхъестественные сущности, выступал контейнером для всех явлений, процессов и для самого человека. [Леви-Брюль 1994].

Синкретизм первобытного мышления объясняет единство содержимого и содержащего (контейнера) в природе. Еще одним единством выступают натурфакты и артефакты. С когнитивной точки зрения натурфакты (ямы,

впадины, водоемы, гнезда) – первичны, а артефакты (чаши, сосуды, мешки) – вторичны. Натурфакты часто использовались как контейнеры: например, тыквы и другая бахча, скорлупа ореха, дерево.

Однако в рамках нашего исследования эталоном вместилища выступают артефакты, а натурфакты являются метафоронимами, на которые переносятся образы. Принимая за исходную точку **эталон-артефакт**, все природные вместилища окажутся метафорами. Само понятие «контейнер» ориентировано на артефакты, хотя их аналоги встречаются и в природе.

Метафора входит в число феноменов естественного языка, при попытке словарного описания таких феноменов возникает естественное сопротивление языкового материала. Метафорическая проекция является результатом метафоризации, при которой некоторые области цели структурируются по образцу источника. В когнитивной теории метафоры область источника – это «обобщение опыта практической жизни человека». Знания в области источника организованы в виде «**схем образов**» (image schemas). Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества называются концептуальными метафорами [Баранов 2003, 2014]. В дескрипторной теории метафор А. Н. Баранова выделяются два вида метафорических моделей – фоновые и фигурные. Фоновыми называют М-модели, связанные «с другими М-моделями прагматическими имплицативными отношениями». Фигурные М-модели противопоставляются фоновым: «их выбор для описания фрагмента целевой области почти всегда результат выбора говорящего, а не давление системы языка» [Баранов 2014: 48-49].

Образы-схемы предлагаются Дж. Лакоффом. Эти образы-схемы определяют когнитивные модели для метафорического описания образно-схематических моделей [Lakoff 1987: 113-114]. Автор считает, что образы-схемы являются достаточно простыми структурами, которые мы используем в своей речи [Lakoff 1987]. Одной из таких схем является категория

«контейнер» [Lakoff 1987: 271]. Базовым для схемы «контейнер» является отличие между внутренней полостью и внешней для контейнера средой (IN(SIDE) и OUT(SIDE)).

В качестве примера рассматривается человеческое тело, которое категоризуется во всех описанных языках по аналогии с контейнером (см., например, [Lakoff 1987: 271], [Кубрякова 2004]). Мы представляем наше тело и как контейнер, и как нечто, хранящееся в контейнере, причем структурные элементы будут везде одинаковые – внутренность, границы, внешняя среда [Lakoff 1987: 272], все эти элементы и составляют схему, т.е. они рассматриваются только в совокупности, например, внешняя оболочка не имеет смысла, если она не зависит от схемы контейнера [Lakoff 1987: 284].

Функционально сконструированный и эффективно эксплуатируемый контейнер обладает ограничивающей поверхностью. При этом, чем больше ограничивающая поверхность, тем большее количество субстанции содержится в контейнере [Лакофф, Джонсон 2004: 125].

Сама субстанция, являясь содержащим контейнером, также может выступать контейнером. Такие отношения в лингвистике называют переносом по смежности. Примером выступает ванна, наполненная водой. При погружении в ванну с водой и ванна, и вода выступают контейнером, только разного рода: ванна выступает как ‘container object’/ объект-контейнер, а вода – как ‘container substance’ / субстанция-контейнер [Лакофф, Джонсон 2004: 55].

Для теоретического описания языковой способности структурировать пространство Л. Талми использует понятие *spatial scheme* (*пространственная схема*). В работе “How Language Structures Space” он пишет, что объекты категоризуются в английском языке как контейнер, если употребляются в предложных конструкциях с предлогом *in/into/inside* [Talmy 1983: 239-240], как например, *birdbath* в словосочетании *the water in the birdbath* [Talmy 1983: 259].

Предназначение пространственной схемы – «выделить один объект внутри схемы и охарактеризовать его место в пространстве по отношению ко второму, а иногда и к третьему объекту» [Talmy 1983: 229]. Таким образом, расположение основного объекта характеризуется как бы через призму другого объекта, особенности которого – его расположение или характеристики – уже известны.

Интересно в этом смысле противопоставление языкового образа автомобиля (*car*) и автобуса (*bus*) в английском языке. Для категоризации автомобиля употребляются предложные конструкции [*get in / out of*], в то время как автобус категоризуется, скорее, как площадка, поверхность, поскольку вышеуказанная конструкция для слова *bus* не типична, а типична [*get on / off*], [*hop on / off*] [Talmy 1983: 267], [Talmy 1992].

Дальнейший вклад в разработку проблематики и связанной с этим интерпретации когнитивного потенциала образной схемы «контейнер» внесла Е. С. Кубрякова. Согласно ее концепции «расчленение мира на объекты по принципу встроенности друг в друга позволяет представить и сами объекты как взятые лишь в одном вполне определенном ракурсе их бытия – в качестве контейнеров, или же областей существования для других объектов» [Кубрякова 2004: 484-485]. Эта очевидная и наглядная ситуация повторяется в тысячах разных вариаций, но интерпретируется в конечном счете одной образной схемой – **схемой контейнера**. Это дает основание моделировать – принцип взаимной обратимости – принцип обратимости содержащего и содержимого, контейнера и субстанции.

При помощи такой образной схемы можно описывать отношения между любыми объектами. Даже систему интерпретации объекта можно рассматривать как его контейнер, поскольку объект является включенным в его интерпретацию. В то же время, в объекте, являющемся частью системы присутствует и сама система (ср. идею фракталов и фрактальности, знания о структуре ДНК и записи генетической информации в клетках белка) [Кубрякова 2004].

Понятие 'контейнер' имеет связь с такими онтологическими категориями, как объект и место, или пространство. В результате языковой категоризации некоторого объекта или явления по аналогии с контейнером ему (объекту) приписывается только один значимый в данной ситуации для человека признак – «его способность служить благодаря своим границам для включения в него еще какого-либо предмета/объекта» [Кубрякова 2004: 482]. Идея контейнера – это идея «пустого пространства», «схематизированное и предельно упрощенное представление об универсуме лишь в его способности хранить в себе что-то» [Кубрякова 2004: 482]. Следовательно, и пространство, как и любой объект можно представить неким контейнером, границы которого определяют его физические особенности (емкость, сосуд, мешок и другие контейнеры), его качественную специфичность (вода, воздух и т.п.) и воображаемую отдельность (чувства и состояния). Наделяя образную схему «контейнер» универсальным статусом, Е. С. Кубрякова предлагает использовать ее для исследования языковой метафоры.

Е. С. Кубрякова выделяет различные типы контейнеров:

- 1) контейнеры с полыми пространствами для хранения или содержания чего-либо;
- 2) естественные укрытия или впадины, резервуары и сосуды;
- 3) замкнутые пространства (человеческое тело или поле зрения);
- 4) разомкнутые, разорванные пространства (например, домашняя утварь) [Кубрякова 2004: 487].

Вместо привычного определения образной схемы «контейнер», Е. С. Кубрякова поясняет ее сущность через форму (контуры, видимые очертания контейнера) и функцию контейнера – указывать на нахождение или содержание одного объекта в другом. Примечательно, что вычленение контуров объекта, согласно мнению автора, может происходить только в процессе наблюдения за зрительно релевантными характеристиками объектов в их движении. Объект, известный человеку как трехмерный, видится нетождественно, и выступает на разных этапах перемещения как

двухмерный (плоскость, поверхность) и даже в роли точки [Кубрякова 2004: 488].

Позиция Е. С. Кубряковой в отношении языковых средств реализации данной образной схемы во многом перекликается со взглядами зарубежных ученых. Маркерами встроенности одного объекта в другой выступают предложные конструкции и соответствующие им наречия, которые дополняют представление об особенностях пребывания объекта в контейнере.

Примечательно, что не всякая предложная конструкция русского языка [в чем-то] может диагностировать контейнер. Так, обороты типа *в точке X, в центре X* представляют объект X лишенным всякого объема, без контуров, а значит и без способности вмещать в себя другой объект. Ограниченность диагностирующей функции предложных конструкций в русском языке можно наблюдать, если сравнить обороты *цветы в вазе* и *трещина в вазе*. В первом случае ваза мыслится как реальный контейнер, тогда как в другом, имеется в виду только стенка вазы, т.е. ее контур [Кубрякова 2004: 488].

Е. В. Рахилина для исследования языковой категоризации топологии мира вместо *spatial scheme* Л. Талми предлагает использовать термин «топологический тип». Разрабатывая инструментарий для изучения языкового оформления эталонных форм, например, емкости или поверхности, она вводит в лингвистическое описание топологические типы, которые характеризуются «сложными наборами признаков» и «являются для антропоцентричного подхода к языку ясной альтернативой евклидовой геометрии» [Рахилина 2008: 121]. Е. В. Рахилина определяет топологический тип как «совокупность функционально значимых характеристик формы и размера объекта, взятых в единстве, другими словами, пространственный образ объекта, подчиненный особенностям его функционирования» [Рахилина 2008: 153] или как языковой образ, в «котором его размеры и форма «слиты» [Рахилина 2008: 14]. Топологический тип – это не

абстрактная категория, которая характеризует чистую форму данного объекта действительности с объективной точки зрения [Рахилина 2008: 131].

Примерами топологических типов могут выступать *поверхности, стержни, контейнеры* и прочие типы объектов, если лингвистическое поведение в сочетании с прилагательными, предлогами, глаголами и т. д. этого типа обладает особенными, отличными от других характеристиками [Рахилина 2008: 153-154]. Топологический тип «контейнер», по мнению исследователя, относится к ключевым концептам семантического описания в когнитивной парадигме знания или к базовым «топологическим категориям, которые релевантны для многих языков мира, в основе которого лежит универсалия **дна**, как предел движения внутрь. Такие имена, как *яма, дыра, ров* и некоторые другие «не могут быть поверхностями (ср., например, **по яме / рву шел мостик; *по дырке или нитке* и под.)», в таких употреблениях реализуют только один топологический тип – ‘контейнера’ [Рахилина 2008: 242].

Базовые топологические категории, или топотипы, должны обладать радиальной структурой, с хорошо очерченным центром. В исследуемом нами топотипе к центральным относятся имена объектов типа *ящик* или *миска*. К периферийным относятся имена объектов, которые не подпадают под представления о прототипических контейнерах – такие, например, как *шляпа, ложка* или *лужа*.

Изучением топологического типа «контейнер» занимается группа отечественных лингвистов, работающих над топологической классификацией русских предметных имен в рамках проекта семантической разметки Национального Корпуса Русского Языка (НКРЯ). В фокусе внимания данного лингвистического направления находятся языковые конструкции русского языка, которые отражают представление данного языка о некоторых определенных пространственных характеристиках объектов, комбинаторика прототипических и непрототипических

представителей категории (см., например, [Ляшевская 2007], [Рахилина 2010]).

Так, среди синтаксических конструкций русского языка, которые ассоциируются с предметами, имеющими углубление или полость, описаны:

- «атрибутивные сочетания с прилагательным *глубокий* (*глубокое ведро*),
- локативные конструкции с предлогом *в* – направительная и локативная (*в ведро / в ведре*),
- комитативная конструкция с предлогом *с* (*ведро с водой*),
- генитивная конструкция меры (*ведро воды*)» [Рахилина 2010: 222].

Так, имена существительные русского языка, сочетающиеся с прилагательным *глубокий*, а также употребляющиеся в конструкциях с предлогами *в*, *внутри*, *изнутри*, *наружу* и т.п., называют такие сущности, которые категоризуются в русскоязычной культуре по аналогии с контейнером. Однако не любой объект, ограниченный с трех-четырёх сторон и имеющий полость, может быть назван контейнером. Только тот объект, у которого «измеряется функционально значимая полость», т.е. обладающий полостью, «в которую что-то кладут и откуда что-то вынимают» может считаться контейнером, например, *глубокая пропасть*, *глубокая миска*. Не правомерно, в связи с этим, говорить о кошке, спрятавшейся под письменным столом в пространстве, ограниченном с трех сторон – полом, тумбами и задней стенкой – как об объекте, помещенном в контейнер (*кошка в столе**) [Рахилина 2008: 131]. Заметим, что полость некоторых объектов в одних случаях может быть функциональной, а в других нет. Так, *шляпа*, функционирующая как головной убор, не сочетается с прилагательным *глубокий*, но, если та же шляпа выступает как емкость для сбора милостыни, ее топология изменяется [Рахилина 2008: 132].

Интерпретация контейнера у Е. В. Рахилиной находит отражение в следующих метафорических словосочетаниях: *глубокий ум*, *глубокое изучение*, *глубокий анализ* и т.п. Семантическая структура этих сочетаний является сложной, т.к. «данный метафорический перенос осложнен не только

метонимическим, но и еще одной метафорой». Это связано с тем, что предметное имя выступает в качестве емкости, а предикат понимается как «погружение в эту емкость» [Рахилина 2008: 148]. Прилагательное *глубокий* обычно сочетается с «именами емкостей постоянной формы», причем емкость может быть «развернута горизонтально» (например, *глубокая пещера, нора*) или другим способом (например, *глубокое небо*). Предметы мебели также могут быть интерпретированы как емкость при сочетании с данным прилагательным. Это касается тех объектов, которые «предназначены для сидения и имеют внешнее и функциональное сходство с формой емкости (например, *кресло, диван*)» [Рахилина 2008: 124]. Прилагательным *глубокий* измеряется контейнер «от входного отверстия до его дна – и обратно ...», причем дно выступает «как своеобразный предел движения взгляда наблюдателя» [Рахилина 2008: 135].

В своем докладе «Категориальная структура и грамматика конструкций: контейнеры» Е. В. Рахилина вводит понятие семантической доминанты конструкции, определяет семантические доминанты каждой из рассматриваемых конструкций. Учитывая все это, она определяет виды контейнеров, которые могут быть центральными, периферийными или «неприемлемыми» для той или иной конструкции.

Для нашего исследования актуально то знание, которое Е. В. Рахилина оформила следующим образом: «Между тем, а priori неясно, действительно ли можно представить контейнеры как цельную понятийную категорию с единой структурой – такую, которая одинаково вела бы себя в разных лингвистических условиях». В своих исследованиях Е. В. Рахилина утверждает, что «не понятийная категория определяет семантику той или иной языковой конструкции, а наоборот, каждая конкретная конструкция задает интерпретацию действительности и, так сказать, строит собственную категоризацию» [Рахилина 2004].

На материале русского языка понятие «вместилище» разрабатывается в работах Ю. Д. Апресяна, В. Б. Борщева и Б. Х. Парти.

Одним из средств, помогающих определить принадлежность объекта к классу «контейнер» в русском языке, может выступать конструкция генетива контейнерной меры (ГКМ): «ГКМ-конструкция выделяет сорта *контейнер* и *субстанция*. В русском языке нет подходящего слова, которое точно описывало бы весь класс реалий, относящихся к сорту «контейнер». Этот сорт выступает «объединением сортов *сосуд*, *ящик*, *корзина* и т.п.» [Борщев, Парти 2011: 110]. Область применения специализированного слова *контейнер*, которое является частным случаем вместилища, расширяется в лингвистических исследованиях [Борщев, Парти 2011: 100]. Они приводят следующую цепочку: «все стаканы являются сосудами, все сосуды – контейнерами, а все контейнеры – вместилищами» [Борщев, Парти 2011: 108].

Таким образом, лексемы *стакан*, *ведро*, *ящик*, *корзина* и т.п., выступают определенными контейнерами – «физическими объектами, имеющими полость, предназначенную для заполнения субстанцией» [Борщев, Парти 2011: 123]. Прототипический контейнер «определяется этой полостью», которая образована «стенками или оболочкой контейнера» [Борщев, Парти 2011: 123].

В качестве непрототипических контейнеров могут выступать метафорические контейнеры. Они могут быть не объемными, а «плоскими», и задаваться такими выражениями, как *страница текста*, *три стены фресок* и т.п. [Борщев, Парти 2011: 128].

Ю. Д. Апресян, описывая класс слов *чашика*, *стакан*, *кружка*, *чайник*, *кастрюля*, *ковш*, *кувшин*, *бутылка*, *фляга*, *ведро*, *таз*, *бочка*, *цистерна* и т.п., исходные лексемы которых имеют «в своем толковании в качестве *genus proximum* смысл ‘сосуд’» отмечает, что они также могут обозначать предметы, которые не представляют собой сосуды, как таковые, например, *ящик*, *мешок*, *корзина* и др. [Апресян 1999: 91]. В русском языке данные предметы называются контейнерами, которые больше схожи с английским аналогом *container*, являющимся более специализированным.

Наличие «контейнерных» структур в английских и русских текстах находим в трудах А. П. Бабушкина, например, в его статье «Концепт «Контейнер» в синтаксических конструкциях художественного текста». Объективация схемы контейнер была изучена им на материале сателлитов, категории обладания и поссессивности [Бабушкин 2008: 47-51].

Авторы теории грамматики конструкций утверждают, что каждая синтаксическая конструкция является предпочтительной для определенного класса контейнеров. Выбор той или иной конструкции мотивируется семантикой самой конструкции (см., например, Ч. Филлмор [Fillmore 1988], [Fillmore 1992] и А. Голдберг [Goldberg 1995]).

Понятие 'вместилище' находит отражение и в культурологическом аспекте. Так, Г. Стейн предлагает переформулировать понятие «культура», рассматривая его в новом ракурсе, а именно, что культура – это «контейнер», в котором «представлены бессознательные фантазии, страхи и защиты против них» [Stein 1985: 8]. Основываясь на этих предложениях А. А. Белик в своей работе «Культурология. Антропологические теории культур» заменяет понятие 'коллективные представления', о которых говорил Л. Леви-Брюль, понятием 'вместилище бессознательного' [Белик 1998].

В работах З. Ковечеша рассматриваются не отдельные метафоры эмоций, а дается иерархия таких метафор [Kövecses 1995a], [Kövecses 1995b], [Kövecses 2000]. Автор задается вопросом, существуют ли универсальные метафоры, которые описывали бы только чувственно-эмоциональную сферу человека, и в ходе своего исследования приходит к выводу, что метафоры эмоций являются универсальными. Например, такие эмоции как стыд, счастье, страх и другие рассматриваются как метафора «живое»: *shame is having no clothes on, happiness is being off the ground, fear is a hidden enemy* [Kövecses 2003].

Метафоры эмоций описываются как содержимое контейнера. Концептуальная метафора эмоция-содержимое прослеживается в следующих примерах: *ANGER IS EXCESS AIR or FIRE IN A CONTAINER (ГНЕВ – ЭТО*

ИЗБЫТОЧНЫЙ ВОЗДУХ ИЛИ ОГОНЬ В КОНТЕЙНЕРЕ) [Kövecses 2003: 35]. З. Ковечеш говорит о метафоре-эмоции, выступающей в роли содержимого, в зулусском языке, и переносит такую метафору в английский: *ANGER* – это *PRESSURIZED CONTAINER metaphor* («метафора *КОНТЕЙНЕРА, НАХОДЯЩЕГОСЯ ПОД ДАВЛЕНИЕМ*»): *ANGER IS IN THE HEART* (*ГНЕВ В СЕРДЦЕ*) [Kövecses 2003: 29].

Как видим, эмоции выступают в качестве газообразного, жидкообразного, т.е. содержимого контейнера, а как контейнеры они не рассматриваются.

1.3 Языковая категоризация мира и скрытая категориальность в языке

По мнению Е.С. Кубряковой категоризация – одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, которое показывает «как человек понимает и интерпретирует окружающую его действительность, что попадает в фокус его понимания» [Кубрякова 2004: 9]. Процесс языковой категоризации явлений позволяет формировать более гибкую систему знаний об окружающем мире, сам же процесс протекает на базе идеализированных когнитивных моделей, прототипов и радиальных категорий [Боярская 2011: 27]. Категоризация – это «процесс познавательной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта» [Абросимова 2015: 14].

В когнитивной лингвистике под категорией понимают «определенные концептуальные структуры, или формы осмысления мира в языке, с помощью которых человек упорядочивает полученные знания о мире и которые обеспечивают единство языка как системы во всех его индивидуальных проявлениях» [Болдырев 2006: 5].

Категоризация помогает упростить восприятие [Млодинов 2012: 101], выступает тем приемом, «с помощью которого наш мозг управляется с обработкой информации» [Млодинов 2012: 100].

Понятие 'языковая категоризация' изучается уже достаточно давно, но точки зрения ученых на это явление претерпели изменения.

Вопросами языковой категоризации в науке XIX века занимались В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1984] и А. А. Потебня [Потебня 1958: 38].

О способности языка преобразовывать действительность и порождать тем самым специфическую картину мира, не являющуюся точной копией реального мира, упоминается в работах Э. Сепира и проектах статей Б. Ли Уорфа. Э. Сепир обращал внимание в первую очередь на общие черты языковых характеристик, которые коренятся в содержательной стороне языка, и в прагматических условиях его функционирования. «Внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма, которую мы называем морфологией языка, не что иное, как коллективное искусство мышления, искусство свободное от несущественных особенностей индивидуального чувства» [Сепир 1993: 193].

Значимые работы по вопросам языковой категоризации мира были опубликованы в XX веке (В. Г. Адмони [Admoni 1986], Л. Заде [Zadeh 1965], Э. Рош [Rosch 1973], А.В. Бондарко [Бондарко 1976], Дж. Лакофф [Lakoff 1980, 1986, 1987], Д. Круз [Cruse 1990], В. А. Виноградов [Виноградов 1979 и др.], Д. Тэйлор [Taylor 1995]), однако широкий резонанс эта проблема получила уже в XXI веке (см., например, Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004], Н.Н. Болдырев [Болдырев 2006] и многие другие).

Наряду с теорией и практикой исследования языковой категоризации мира в диссертации рассматривается и понятие 'скрытой категориальности в языке'. Знакомство с работами А. В. Бондарко, В. А. Плунгяна, В. А. Виноградова показывает, что единого определения данного термина нет. В. А. Плунгян считает, что некоторое значение является морфологически обязательным, т.е. обладает свойством категориальности, если это значение «входит в некоторую категорию с еще по крайней мере одним значением, с которым оно синтагматически не совместимо» [Плунгян 2011: 11]. Свойство

категориальности «позволяет выделить из всего множества языковых значений такие, которые объединяются в категории» [Плунгян 2011: 13].

У В. А. Виноградова категориальность рассматривается как более широкое, нежели грамматическая категория, свойство семантических единиц [Виноградов 2011: 35]. Он говорит, что «некоторое значение (компонент значения) считается категориальным, если существует ряд его комбинаций с другими значениями и каждая из таких комбинаций имеет соответствующую форму выражения» [Виноградов 2011: 35]. Из этого следует, что «минимальным полем категориальности является бинарная оппозиция знаковых единиц, общим семантическим основанием которых служит категориальный компонент значения» [Виноградов 2011: 35]. В. А. Виноградов предлагает наделить статусом категориальности многие универсальные семантические элементы при определении их характера в плане содержания и означивания, например, «‘одушевленность’, ‘личность’, ‘предметность’, ‘счетность’, ‘продолговатость’ и т.п.» [Виноградов 2011: 35].

Описанием базовых признаков формы в аспекте классификаторов имен в языках мира занималась К. А. Гилярова. Она описывала классификаторы для таких классов именной лексики, которые обозначают длинные, тонкие, мелкие зерновидные и другие предметы [Гилярова 2001, 2002].

Широкое освещение вопросы языковой категориальности, включая проблемы скрытой категориальности в языке, получают в разработках Воронежской лексико-типологической группы. Языковая категориальность определяется как «свойство некоего множества элементов поддаваться системному членению/объединению по известному критерию, равно как и свойство отдельно взятого элемента этой совокупности обнаруживать в определенных условиях свою принадлежность к подсистеме общего множества, выделенной на основании известного критерия» [Голикова 2018:14]. Такое универсальное для любого языка свойство поддаваться синтетико-аналитическому описанию через определенное количество разрядов (категорий) языковых элементов открывает возможности

унификации изучения явных и скрытых механизмов в языках мира. Привлечение метода криптоклассного анализа [Борискина 2011а и др.] к выявлению скрытой категориальности определенного языка позволяет получить «максимально полную картину языковой метафорики в данном языке».

Системная взаимообусловленность категориальности языка и классности имени дает возможность «регистрировать отнесенность лексемы к предполагаемому скрытому классу через категориальный признак, проявляющийся при определенных условиях, возникающих на стыке грамматического и лексического планов языка» [Голикова 2017:16].

Разработка теории понятийных категорий, которой в отечественном языкознании занимался И. И. Мещанинов [Мещанинов 1945], стала отправной точкой возможностей исследования категоризации, что впоследствии помогло описать и обосновать лексико-семантическую категорию, функционально-семантическое поле, типологическую категорию и другие лингвистические объединения, которые являются категориальными.

А. В. Бондарко, исследуя грамматические категории русского глагола, использует понятие категориальности, оперируя термином «грамматическая категориальность» [Бондарко 1976, 2002]. В рамках категоризации русского глагола работал и А. Л. Шарандин – он рассматривал слово как результат категоризации действительности [Шарандин 2001].

Изучением грамматических и семантико-грамматических категорий занимался и В. Г. Адмони. К грамматическим категориям он относил число, падеж и род. Что касается семантических категорий, то он говорил, что их существует неограниченное количество, и согласно им классифицируются многие существительные [Адмони 1986: 93].

Многие лингвисты говорят о понятийных категориях. В монографии Н. Г. Складовой сформулирована идея о том, что понятийные категории имеют полное право считаться языковыми универсалиями [Складова 2006].

Проблемы именной классификативности начали обсуждаться еще в начале XX века, в 1930-е годы. Подтверждением могут служить работы Г. Ройен „Die nominales Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde“ [Royen 1929], М. Р. Хаас “The Use of Numeral Classifiers in Thai” [Haas 1942], П. М. Ворсли [Worsley 1954] “Noun-classification in Australian and Bantu: Formal or Semantic?”.

Рассмотрим подробнее, что такое именная классификативность и ее результат – языковая категоризация мира.

1.3.1 О классификаторе

Именная классификативность – это «свойство субстантивных лексем объединяться в группы» [Голикова 2017: 13]. Распределение по группам маркируется посредством установленного на определенной стадии развития языка механизма категоризации, т.е. классификатора, и это явление не зависит от степени грамматикализации или лексической мотивированности групп, в которые объединяются субстантивные лексемы [Голикова 2017: 13].

Именная классификативность в разных языках имеет разное выражение. Так, в атапаскских языках для имен существительны в качестве классификаторов выступают личные притяжательные префиксы: сарси si- ‘мой’, ni- ‘твой’, mi- ‘его, ее’, nihi- ‘наш, ваш’, gimí- ‘их’, i- ‘чей-либо’ [Алексеев 2002: 50]. В атапаскских языках широкое распространение находит лексемное противопоставление действий и состояний в зависимости от внешних признаков их референтов, т.е. так называемые классификативные глаголы. Например, «глаголы со значением ‘быть’ в навахо: ?á (о круглых предметах), tá (о длинных предметах), tí (об одушевленных), nil (о совокупности мелких предметов), ká (о вместилищах вместе с содержимым, т.е. о наполненных вместилищах), žóód (о громоздких предметах) и др. [Алексеев 2002: 50].

У истоков зарождения теоретических основ изучения классификаторов в языках мира стоял К. Алан со своим трудом “Classifiers”. Он определяет классификатор как морфемы, появляющиеся в языке при определенных условиях. Классификаторы обозначают «некоторые явно выраженные или приписываемые объекту характеристики, на который ссылается ассоциируемое с ним существительное» [Allan 1977: 285]

Как считает К. Алан, классификаторы имеют значения. Классификатор – это оценка объекта или предмета, который говорящий считает значимым, т.е. «классификатор указывает на воспринимаемые характеристики сущности, которую он классифицирует» [Allan 1977: 308]. «Классификаторы – это лингвистические корреляты восприятия, если восприятие данного объекта меняется, то классификатор тоже меняется» [Allan 1977: 308].

Английский язык не является языком с классификаторами, однако по мнению К. Аллана в нем есть существительные, которые соответствуют лексемам тайского языка, считающимися классификаторами [Allan 1977: 286]. В качестве классификаторов он приводит морфемы *one* и *thing* в английском языке, которые классифицируют людей и объекты, не принадлежащие к человеческому роду:

- 1) *I met someone who is an anthropologist.*
- 2) *I saw something, which was a mouse.*

Однако эти классификаторы могут выступать и лексемами, и тогда они не имеют классифицирующую функцию:

- 3) *One is ringing the bell.*
- 4) *I left that thing on the table* [Allan 1977: 292].

К. Алан предлагает разделить языки на подгруппы согласно используемому в том или ином языке классификатору:

- 1) «языки с нумеративами;
- 2) *concordial classifier languages*;
- 3) языки с предикативными классификаторами;
- 4) языки с интралокативными классификаторами» [Allan 1977: 286].

Развитием теории К. Алана занимается А. Айхенвальд, которая предлагает рассматривать классификаторы шире, как механизмы именной классификативности, и не ограничиваться морфемами и лексемами, а изучать классифицирующие конструкции (*“classifier constructions”*) [Aikhenvald 2000: 13]. Согласно А. Айхенвальд классифицирующие конструкции – это «морфосинтаксические единицы, выбор которых диктуется семантическими характеристиками главного компонента в именной фразе» [Aikhenvald 2000: 13]. Она предлагает семь типов классификаторов: к четырем типам, которые описал К. Аллан, она добавляет еще три: *именные* (noun classifiers), *притяжательные* (classifiers in possessive constructions) и *дейктические* (deictic) [Aikhenvald 2000: 17].

Для дальнейшего описания систем классификаторов различных языков и языковых групп А. Айхенвальд вводит параметры выделения типов классификаторов [Aukhenvald, 2000: 14]. При этом автор использует данные параметры особым образом: каждый из видов классификаторов соотносится с так называемым прототипом (или центральным классом), который отражает все их признаки. Те классы, которые ближе к периферийным значениям, отражают различные точки в последовательности рассмотренных ниже параметров, т.е. обозначают различную степень прототипичных характеристик каждого типа. Фактически А. Айхенвальд предлагает при описании классификативных систем имен существительных конкретного языка не стремиться поместить уникальные для каждого языка механизмы категоризации в тесные рамки уже изученных и установленных типов этих механизмов, которые определены для всех языков без их различия.

Как и К. Алан, А. А. Айхенвальд говорит о существовании языков, в которых имеются числительные-классификаторы (известные как нумеративы), а также тех языков, в которых функционируют существительные-классификаторы. В языке народов майя – акатекском – существительные-классификаторы представляют собой независимые

лексемы, а числительные-классификаторы образуются при помощи суффиксов [Aikhenvald 2000: 90].

М. Хендерсон определяет термин «классификатор» как средство для описания лексико-грамматических и грамматических систем классификации [Henderson 2006: 30]. М. Хендерсон занимается изучением языковых знаков в классифицирующих конструкциях, которые появляются в именной фразе, преимущественно возле существительного», и передают «общие семантические характеристики существительного, которое они категоризируют» [Henderson 2006: 30].

В ранних лингвистических работах, связанных с вопросами именной классификативности, не было разделения классификаторов на виды. Например, у Б. Малиновского, занимающегося исследованием языка киливила, все классификаторы называются «классифицирующими частицами» [Malinowski 1920]. Вслед за Б. Малиновским Г. Зенфт также использует термин «классифицирующие частицы» (classificatory particles). Он говорит, что классификатор, классифицирующая частица, классифицирующие морфемы или классифицирующие формативы – это базовый семантический параметр, который помогает сгруппировать существительные [Senft 2000: 13], и определяет его как «морфемы, которые классифицируют существительные согласно их семантическим критериям» [Senft 2000: 23].

Значительно позже появились такие виды, как ‘sortal classifier’ и ‘mensural classifier’, причем в первом случае классификатор «индивидуализирует все, к чему он относится сквозь призму вида сущности», а во втором – «индивидуализирует все, к чему он относится сквозь призму количества» [Lyons 1977: 463]. Также выделяются ‘identical classifier’ [Fischer 1972], ‘autoclassifier’ [Goral 1978], ‘repeaters’ [Hla 1978], ‘echo classifier’ [Burling 1978].

Г. Корбетт считает, что классификаторы могут развиваться из существительных [Corbett 1991: 311]. К. Крейг также придерживается этой мысли и указывает на то, что классификаторы развиваются из

существительных, которые принадлежат к классу вещественных, абстрактных или подвижных объектов. Затем они начинают идентифицировать абстрактные качества референта существительного, от которого берут начало, в прямом или в переносном – метафорическом – смысле [Craig 1986: 6].

Дж. П. Денни говорит, что функция классификатора – «передать несколько особо важных характеристик класса, к которым относятся объекты, посредством того, как мы с ними взаимодействуем» [Denny 1976: 125]. В языках с классификаторами именные референты классифицируются согласно семантическим характеристикам. Такой тип классификации основывается на семантических принципах, а результатом этой классификации является разделение объектов на такие классы как объекты, живые существа, действия и события и т.п.

Э. Х. Лененберг считает, что описание семантических областей классификаторов должно сопровождаться анализом, который покажет, как образованы эти области, т.е. какие характеристики будут релевантны для описываемой семантической области [Lenenberg 1953: 486]. Все классифицирующие элементы определенного языка, образующие определенную семантическую область, обладают определенными характеристиками, но все же некоторые из них могут наделяться такими характеристиками, которые позволяют им появляться и в других семантических областях [Senft 2000: 28-29].

На материале русского языка вопросами классификативности занимается Л. А. Янда. Широко известна ее работа о глагольных приставках в русском языке как системе глагольных классификаторов [Янда 2012], [Кузнецова 2013]. Система видовых классификаторов предполагает различное поведение приставок, образующих естественные перфективы.

Каждая приставка имеет свое уникальное значение и связана с определенной ситуацией. Значение префикса дает возможность «предсказать, с какими семантическими признаками он сочетается хорошо, а с какими –

плохо» [Янда 2012: 25]. Так, приставка *вы-* передает значение «перемещение из контейнера», а *в-* – наоборот: «перемещение внутрь контейнера», т.е. как бы вход в объект [Янда 2012: 20].

Различное поведение приставок мотивировано их семантикой и тем, что они «с большей частотой встречаются в разных грамматических конструкциях» [Янда 2012: 43]. Здесь же подтверждается и гипотеза М. Вея и К. ванн Схоневельда, которые считают, что приставки пересекаются с глаголами на семантическом уровне и не являются «пустыми», а ранее считалось, что классификаторы – это чисто формальные маркеры при существительных [Янда 2012: 43]. «Большинство классифицируемых объектов должно использовать только один классификатор, а вариативность должна быть систематической и отражать семантические закономерности» [Янда 2012: 30].

Одной из последних работ, посвященных классификаторам, является монография П. Пациони, в которой рассматриваются классификаторы в кантонском диалекте китайского языка. Автор предлагает рассмотреть классификаторы типа [CL-N], конструкцию [ZOENG-CL-NV], классификаторы в притяжательных конструкциях и определительных придаточных предложениях [Pacioni 2019].

1.3.2 О языковой категории, о крипто типе

Б. Ли. Уорф был первым, кто предложил исследовать скрытые языковые категории, введя в лингвистическое описание термины *covert categories* (грамматически невыраженные) и *overt categories* (грамматически выраженные) [Whorf 1956]. Разновидность скрытых именных категорий морфемно невыраженных он предложил называть криптоклассами (*cryptotype*). Определения крипто типа в тех работах, которые удалось найти после его смерти, он не дает, но дает его описание как «лингвистической классификации, подобной категории рода в английском языке, т.е. категории, не имеющей выраженных морфемно индикаторов» [Whorf 1956: 78].

Криптотипы «не характеризуются постоянными морфологическими показателями, но узнаются лишь по характерному для членов подобных классов взаимодействию с контекстами, в которых они могут встречаться» [Блэк 1960: 202].

Принадлежность имен к данной категории определяется посредством невидимой «центральной распределительной станции», в качестве которой выступают слова, связанные синтагматически с именем [Whorf 1956: 78]. Б. Л. Уорф считает, что криптотипы не вписываются в традиционную грамматику, они проявляются на уровне семантики и синтаксической сочетаемости в имплицитной форме и выступают одним из типов скрытой категории.

В отечественном языкознании вопросами скрытых категорий в рамках скрытой грамматики занимался С. Д. Кацнельсон. Он отмечал, что скрытая грамматика представляет собой «грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов» [Кацнельсон 1972: 78]. С. Д. Кацнельсон понимал, что категории скрытой грамматики являются весьма существенными в типологическом ракурсе, но ускользают от внимания исследователей. Именно поэтому он считал, что основной задачей лингвиста является выявление, описание и сравнение скрытых категорий, которые есть в любом языке, и особенно в языках аналитического строя, «грамматический строй которых кажется обедненным как раз потому, что такие языки широко прибегают к приемам «скрытой грамматики» [Кацнельсон 1972: 16].

Исследования скрытых языковых классов или криптотипов не получили должного освещения ни в американской, ни в европейской лингвистике XX века. Однако некоторые ученые использовали криптотип, например, для изучения детской речи [Li 1993, 1996].

Идеи Уорфа получили развитие в теориях некоторых отечественных лингвистов. Так, изучением скрытых категорий занималась Т.В. Булыгина. В ее работах скрытые категории представлены как «семантические и

синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [Булыгина, Крылов 2002: 457]. «Необходимым (и достаточным) условием для отнесения той или иной семантической категоризации к грамматическим криптотипам следует считать грамматический характер ее косвенного отражения» [Булыгина 1980: 338]. Скрытые категории представляют собой значения, которые не выражены в самом слове, и именно они вызывают непосредственный лингвистический интерес [Булыгина 1997: 25]

Т. В. Булыгина рассматривает скрытые категории двух типов – классифицирующие и модифицирующие (или флективные). Классифицирующими они считаются в случае постоянства значения для данной единицы, а модифицирующими – в случае переменности. Классифицирующая скрытая категория несет на себе то значение, которое выступает словарным признаком лексемы, а модифицирующая дает общую характеристику высказывания, являясь при этом продуктом взаимодействия его компонентов [Булыгина, Крылов 2002: 458]. Говоря о скрытых категориях в русском языке, Т. В. Булыгина подчеркивает, что к флективным криптотипам принадлежат нелексические значения, т.е. те, которые возникли в предложении, например, «значение определенности/неопределенности в русском языке», и «многие из так называемых частных значений морфологических категорий» [Булыгина 1997: 25]. К классифицирующим криптотипам она относит многие из значений, которые характеризуют «так называемые лексико-грамматические разряды, например, значение одушевленности (в русском языке)» [Булыгина 1997: 25].

Обращался к изучению скрытых именных категорий в языках Африки и так называемых языках с классификаторами Юго-восточной Азии и В. А. Виноградов. Его интересовали лексико-грамматические категории

существительного, имена которой распределяются по классам согласно их семантическим признакам «при обязательном формальном выражении классной принадлежности имени в структуре предложения» [Виноградов 2002: 173].

И. М. Кобозева также рассматривала вопросы скрытых языковых категорий. Так, к проявлениям скрытой категории она относит специфику лексической и семантической сочетаемости, отмечая при этом, что не каждый семантический признак, который влияет на сочетаемость слова, может быть назван скрытой категорией [Кобозева 2010: 31-32].

В рамках Новосибирской школы криптотип рассматривается «как семиотическое явление», едва уловимый смысл которого возможно декодировать при помощи лингвистического анализа. Этот смысл имеет функциональную значимость. [Орехова 2014: 148]. Согласно концепции авторов, как новый объект грамматической науки криптокласс может быть выявлен в фонологии, грамматике и семантике [Орехова 2014: 148].

В совместных работах С. Г. Проскурина и О. М. Ореховой определяются крипто типы двух видов – «крипто тип Уорфа» и «крипто тип Сводеша», которые они изучают на материале немецкого языка, частично затрагивая и английский местоименный дейксис. По мнению авторов, наряду с «фенотипическими» чертами, которые выступают в качестве совокупности свойств и признаков, «сложившихся в процессе индивидуального развития», существуют «неявные «криптотипические» категориальные компоненты» [Проскурин, Орехова 2008: 54]. Авторы рассматривают крипто тип пространственно-временной сопряженности, просматриваемый в контекстах с индексальными криптофонемами, которые выражаются при помощи начального английского звука [ð] [Проскурин, Орехова 2008: 55].

Они показывают, как «криптотипизация сопряженности в пространственно-временном континууме связывает местоименный дейксис» в немецком языке [Проскурин, Орехова 2008: 56]. В рамках измерения крипто типа выявляется последовательное разворачивание событий в

прошлом, т. е. выстраивается структура с базовым формантом *darauf – gleich darauf, tags darauf* [Проскурин, Орехова 2008: 57].

Криптотип М. Сводеша, «актуализирующийся на базе противопоставления слогов с гласными переднего и заднего рядов» [Проскурин, Орехова 2008: 58–59], рассматривается с семиотической точки зрения и считается иконическим криптотипом бинарного типа, выражающим отношения типа «близкое – далекое», «низкое – высокое», «внутреннее – внешнее». М. Сводеш считал подобное явление примером звукового символизма. Во многих контекстах криптотипизация по Сводешу имеет связь «не только с двойственностью пространства, но и с направлением движения» [Проскурин, Орехова 2008: 62]. Знакомство с работами и других представителей Новосибирской школы («агентивность/неагентивность» [Чиркасова 2012а] и «определенность/неопределенность» в условиях языковой игры [Чиркасова 2012b], предикатного криптотипа «контролируемость/неконтролируемость» в условиях языковой игры [Чиркасова 2013], [Коломейцев 2015, 2016] позволило прийти к выводу, что идеи Б.Ли Уорфа получили вторую жизнь в российском языкознании.

Вопросами скрытой языковой категоризации в типологическом ракурсе занимаются и представители **Воронежской лексико-типологической группы** на кафедре теоретической и прикладной лингвистики ВГУ, где особое внимание уделяется рассмотрению под единым углом зрения классов имен существительных, представленных в разных языках мира, особенно *именных криптоклассов* в бесклассных языке, таких как английский.

Именной криптокласс – это «лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу и имеющая соответствие в явной (морфемно выраженной) грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Титов, Кретов 2010: 9],

Как видим из определения, криптокласс в языке можно выявить при помощи типологического принципа контрастивной грамматики. Если именной класс представлен в грамматике одного языка, но не представлен во втором, то такой класс считается грамматической лакуной второго языка и изучается на уровне скрытой грамматики [Boriskina 2011g: 136].

Криптокласс – это «разновидность скрытой именной классификации, основания которой уходят корнями в недра номинационной категоризации, недоступной прямому наблюдению» [Борискина 2011с: 35].

Значения слов могут меняться со временем, а значения синтаксических структур более устойчивы к изменениям. Различные дефиниции могут появляться в различных синтаксических структурах, но несмотря на этот факт, внутренняя форма слова находит отражение в определенных структурах, т.к. именно эта форма отвечает за идиоматичность и метафоричность слова [Борискина 2010b: 29].

Номинации объектов входят в криптоклассы, связанные между собой сложными иерархическими отношениями, что отражает единство и расчлененность определенного фрагмента мира.

Каждый именной криптокласс характеризуется однородностью, т.к. в его состав входят единицы, которые моделируются языком однотипно. Но вместе с тем криптокласс неоднороден, поскольку в нем выделяется ядро и периферия [Борискина, Кретов 2003: 15], т.е. криптокласс – это полевое образование.

Когнитивная однородность имен в криптоклассе подчиняется закону аналогии, который позволяет классифицировать «абстрактные явления и сущности по типу и подобию предметов». Такого рода категоризация может быть обнаружена в метафорической и традиционной сочетаемости, идиоматике и этимологии [Борискина, Донина 2011f: 85]. Сходства сочетательных предпочтений – это характеристика имен криптокласса. Эти сходства основываются на «единстве признака глубинной семантики имен,

обусловленного когнитивной категоризацией человеческого опыта» [Борискина 2010а: 153-154].

Для реконструкции криптоклассов английского языка был разработан инструмент, который позволяет «проследить наследственную изменчивость абстрактных имен английского языка, и в этом смысле криптокласс следует рассматривать как носитель «скрытой памяти» слова» [Борискина 2011d: 65]. Анализ именного криптокласса может иметь следующий вид: «эталоны → классифицирующие структуры → метафоры». Изучив эталон, можно определить структуры, которые будут отражать метафорическое употребление слов, а также будут использоваться «для диагностики принадлежности любого имени к криптоклассу» [Борискина 2010b: 28].

Именной криптокласс состоит имен-эталонов и метафоронимов. Считается, что оппозиция центральность – периферийность градуирована, т.к. ее можно выразить при помощи количественного метода. Однако центральность не отождествляется с эталонностью. Ближе к ядру могут находиться имена, которые принадлежат к абстрактной сфере, а предметные имена могут и не находиться вблизи ядра криптокласса [Борискина, Доница 2011f: 84].

Синтаксические конструкции, в которых встречаются имена-эталоны и признаковые слова, в которых заложен категориальный признак криптокласса являются классификаторами имен и средством лексико-синтаксического выявления этого класса [Boriskina 2011g: 138].

Для описания слов, принадлежащих к определенному криптоклассу, существует криптоклассный анализ лексики, в основу которого заложен принцип взаимосвязи скрытой категориальной активности языковой единицы и семантико-синтаксической валентности слова [Борискина 2008а: 46]. Метод криптоклассного анализа предполагает «изучение лексической синтагматики с целью выявления распределения предметно-неориентированной лексики по криптоклассам» [Борискина 2008а: 46].

1.4 Варианты английского языка

Проблема определения статуса разновидности языка – одна из важных проблем современной лингвистики. Споры возникают вокруг оппозиции «язык» – «диалект», т.к. единого подхода к решению проблемы отличия языка от диалекта нет, а, следовательно, нет и однозначных, общепринятых критериев для такого разделения. Вопросами особенностей языка и диалекта, их различительными характеристиками занимались как зарубежные, так и российские ученые: Дж. А. Грирсон [Grierson 1927], Б. Казаку [Cazacu 1959], К. Хегер [Heger 1969], Г. В. Степанов [Степанов 1966], Л. Э. Калнынь [Калнынь 1976], Д. И. Эдельман [Эдельман 1980], А. Ю. Мусорин [Мусорин 2001], Е. В. Карпина [Карпина 2014] и некоторые другие.

Для нейтрализации оппозиции «язык» – «диалект» В. А. Виноградов предлагает термин «идиом», который включает в себя и понятие языка, и понятие диалекта. Так, он определяет идиом как «общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и других форм существования языка» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 171]. Термин «идиом» используется в тех случаях, когда определение точного лингвистического статуса языкового образования затруднено (например, для многих языковых ситуаций в странах Африки невозможно однозначно разграничить языки и диалекты) или, когда такое определение несущественно в рамках решаемой задачи (например, при социолингвистическом описании функциональной стратификации сосуществующих в обществе языковых образований). Идиом – понятие чисто функциональное и не предполагает никаких специальных структурных характеристик.

Для того чтобы утверждать, что идиом является языком либо диалектом, необходимо выделить те критерии, которые позволят сделать такой вывод. Ж. П. Саркисян считает, что идиом – это язык, если он:

- 1) «функционально полноценен»;

2) имеет собственный письменный стандарт, независимый от других языков;

3) функционирует в разных сферах письменного и устного общения;

4) имеет определенный официальный статус, закрепленный законодательно на местном или более высоком уровне» [Саркисян 2015: 114]. В ином случае идиом рассматривается как диалект.

В настоящее время английский язык – это многоуровневая лингво-социокультурная система, элементами которой выступают национальные, региональные и социальные варианты языка. Поэтому еще одной актуальной проблемой, которая затрагивается в современных лингвистических исследованиях, является языковая вариативность [Солнцев 1984], [Вишневская 2002], или языковая вариантность [Вербицкая 1984], [Прошина 2010]. Эти два термина, по мнению А. А. Худякова, конкурируют в языкознании. Однако предпочтение отдается вариативности, т.к. под понятием «вариантность» понимаются варианты и инвариант речевых вариантов, который достаточно сложно выделить [Худяков 2005: 166].

Языковыми вариантами, или языковым пространством, называют закрепленные официально стандарты плюрицентрического языка, т.е. языка, который используется в нескольких государствах, причем в каждом есть свой стандартный национальный языковой вариант. Языковое пространство, или языковой ареал, – это «географическое пространство распространения языка или формы его существования» [Словарь лингвистических терминов 2010: 480]. Соответственно, английское языковое пространство, или англосфера, включает в себя те страны, в которых собственно английский язык является национальным, а также те, в которых он, наряду с первым языком страны, закреплен как официальный. Это Великобритания, США, Канада, Австралия, Ирландия, Новая Зеландия, Индия, Шри-Ланка, Пакистан, Бангладеш, Сингапур, Малайзия, Филиппины, Гонконг, ЮАР, Нигерия, Гана, Кения, Танзания, Ямайка и др. Более миллиарда людей в более чем ста странах мира

используют английский язык как родной, второй, иностранный и международный язык.

В связи с появлением большого количества локализованных вариантов английского языка концепция плюрицентризма английского языка сменяет концепцию дихотомии британского и американского вариантов второй половины XX века.

Английский язык обладает плюрицентрическим характером, который проявляется в наличии национальных и региональных его вариантов, каждый из этих вариантов может существовать в новых социально-культурных условиях в определенном регионе [Ильина 2008: 76]. Носители местного языка могут по-разному включаться в англоязычное общество, и это зависит от нормативной модели, которая присутствует в том или ином национальном или региональном варианте. Так, английский язык может использоваться параллельно с местным, а впоследствии и укрепить свои позиции, либо английский язык может быть полностью вытеснен из сфер общественной жизни [Семенец 1985: 157-162].

О. В. Первашова предлагает считать вариантом английского языка реализацию английского языка в речи отдельной нации: английский язык в США – это американский вариант английского языка, английский язык в Австралии – это австралийский вариант английского языка и т.д. [Первашова 2005: 16]. Каждый вариант английского языка – это иерархия, которая состоит из собственно местной национальной формы английского языка и многочисленных пиджинов и креолов. Пиджин – это ненативный язык для местных жителей, это гибридная форма языка, которая возникла «спонтанно вследствие контактов между европейскими языками (языками-источниками) и языками коренного населения континентов Австралии, Азии, Африки и островов Атлантического и Тихоокеанского регионов (языками-субстратами)» [Первашова 2005: 17].

З. Г. Прошина определяет вариант английского языка как особое языковое образование, «характеризующееся специфическими чертами,

отличающими один вариант от другого». У вариантов социолингвистическая природа, они «характеризуют особенности языка социума, а не отдельных индивидов». Вариант не статичен, это социальное явление, функциональный динамичный многомерный континуум [Прошина 2010: 244], который используют билингвы «с разным уровнем владения языком и в разных функциях». Многомерность варианта — значит наличие в нем совокупности разных подвариантов – лектальных зон: акролекта, мезолекта и базилекта («стандартного подварианта», «подварианта, ориентированного на стандарт разговорного языка» и подварианта, «свойственного малообразованным пользователям с начальным билингвизмом») [Прошина 2014: 125].

З. Г. Прошина предполагает, что в случае доминирования локальных признаков вариантов над общезыковыми нормами дивергентные процессы могут привести к исчезновению английского языка, а на его месте возникнут другие языки, например, американский язык, индо-английский и т.д. [Прошина 2010: 247]. Уже сейчас, на современном этапе развития лингвистики, существуют трудности при интерпретации того или иного явления в нативизированном варианте английского языка. Одной из таких сложностей выступает проблема понимания лексических значений слов – культурно-ориентированных реалий, новообразований, калек, фразеологических сочетаний и проч. [Прошина 2010: 248-249]. Ошибки, которые допускают носители определенного варианта английского языка, можно рассматривать «как типизированное, системное узуальное явление, способное со временем изменить норму, пренебрежение к девиациям, представляющим фактически лингвистические признаки варианта английского языка» [Прошина 2010: 249].

В словаре социолингвистических терминов под редакцией В. Ю. Михальченко дается следующее определение языкового варианта: «вариант – это форма существования языка, представляющая собой модификацию инварианта, в качестве которого выступает 1) система и структура языка или 2) норма языка. Варианты языка возникают в результате

дифференциации языка под воздействием различных экстралингвистических факторов» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 35]. З. Г. Прошина подтверждает, что варианты английского языка – это модификации эндонорм, но в настоящее время следует говорить не только об одной универсальной норме, а о существовании нескольких кодифицированных норм английского языка [Прошина 2014: 126].

Все варианты равноправны, в аспекте культурного доминирования нет преимуществ одного варианта над другими. Каждый из них отражает свою собственную культуру [Прошина 2014: 124], отличаются они признаками, которые включают зафиксированные инновации и узуальные девиации от прототипического варианта [Proshina 2007]. Отличительные признаки языковых вариантов можно выделить при изучении типичных признаков, которые свойственны «образованному речевому социуму – на уровне акролекта и мезолекта» [Прошина 2014: 126].

Считается, что различные варианты английского (британский, американский, австралийский и др.) являются одним языком. Одним из критериев такого подхода к английскому языку выступает их использование Странами Британского Содружества [Саркисян 2015: 114]. Л. Смит подчеркивает, что несмотря на существование различных вариантов английского языка, участники коммуникации объединены одним общим – тем, что они все используют английский язык: *“There were almost as many varieties of English – native and non-native, Western and non-Western – as there were participants, including voices from Bangladesh, Singapore, Malaysia, Thailand, India, the Philippines, New Zealand, Britain, Germany, and the USA. Numerous cultural, linguistic, ideological and other differences could be found among the participants, but they all had this one thing in common: all of them used the English language to debate, discuss, and argue questions which concern both native and nonnative users of English, as well as global uses of English in various sociolinguistic contexts in different parts of the world”* [Smith 1981: xiii].

В рамках изучения вариантов английского рассматривают такие понятия, как World English и World Englishes, которые, однако, не взаимозаменяемы: World English – это lingua franca, который используется в бизнесе, торговле, дипломатии и других сферах международной деятельности, а World Englishes – это «разновидности английского языка, большинство из которых возникли на основе английского языка в британских колониях в XVII–XIX вв.» [Беликова 2015: 138-139].

П. Д. Стревенс [Strevens 1992], З. Г. Прошина [Прошина 2010] считают уместным применение множественного числа к языку и предлагают рассматривать его не как отдельный английский язык, а как английские языки – Englishes.

Понятие “World Englishes” появилось во второй половине XX века, это стало результатом проведения двух конференций в 1978 г. в США, одна из которых была организована Л. Е. Смитом в Гонолулу, а вторая Б. Б. Качру в Университете Штата Иллинойс. На конференциях поднимались вопросы социолингвистического и политического характера, которые затрагивали те страны, в которых английский язык используется не в качестве родного, а также факторы, способствующие укреплению английского после окончания колониального периода, социолингвистические и лингвистические особенности каждого варианта английского языка, лингвистический и другие процессы нативизации и аккультурации [International Association for World Englishes Inc. (IAWE)]. Эти конференции стали отправной точкой для исследований, которые посвящены изучению вариантов английского языка в мире и изучению множественности его форм. [International Association for World Englishes Inc. (IAWE)], [Kachru 1982]. С этого времени начали широко использовать концепт “World Englishes”.

В целом же, как подчеркивают Б. Качру и Л. Смит, “Englishes” «символизируют функциональное и формальное изменение в языке, а также его интернациональную аккультурацию, например, в Западной Африке, в Южной Африке, в Восточной Африке, в Южной Азии, в Юго-Восточной

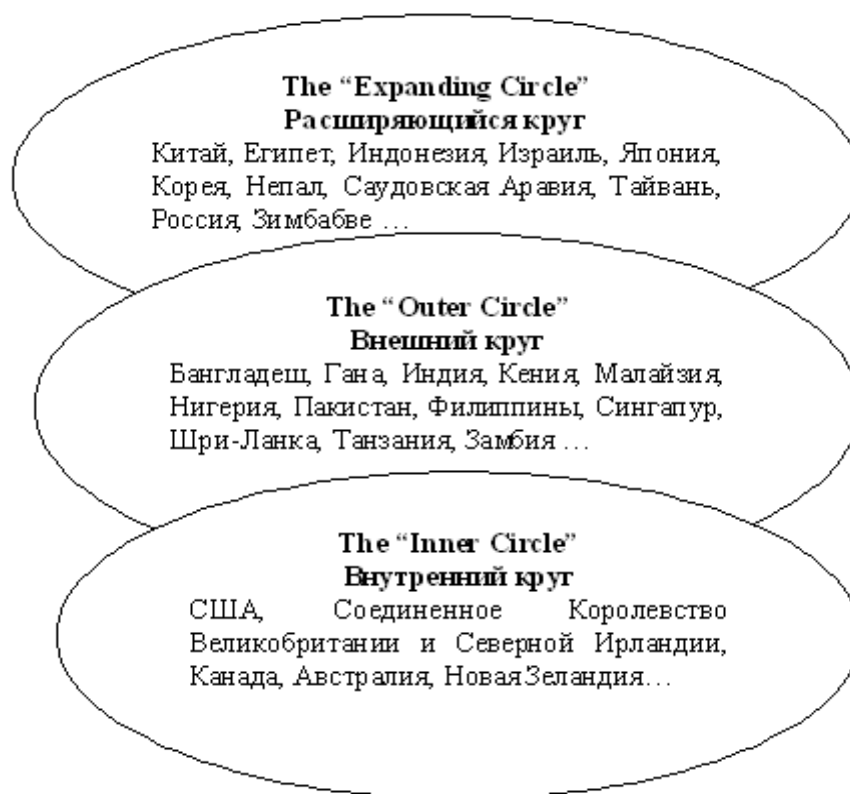
Азии, в Вест-Индии, на Филиппинах, в странах, традиционно использующих английский язык: США, Великобритании, Австралии, Канаде и Новой Зеландии. Язык теперь принадлежит тем, кто использует его в качестве своего первого языка, и тем, кто использует его в качестве дополнительного языка, будь то в его стандартной форме или в его локализованных формах» (*перевод мой – Задобри́вская О. Ф.*) [Kachru 1985a: 210].

Д. Кристал считает, что Englishes формируют «культурные сферы, которые, вероятно, генерируют новый словарный состав, когда английский язык начинает использоваться в таких местах, как Западная Африка, Сингапур, Индия или Южная Африка» (*перевод мой – Задобри́вская О. Ф.*), вследствие чего местные жители, а также те, кто изучат английский язык как второй язык или как иностранный язык, адаптируют его в соответствии с теми коммуникативными требованиями, которые возникают на данной территории [Crystal 2000: 6]. Следовательно, влияние на варианты английского языка оказывают как англоговорящие жители, так и культурный контекст нового окружения. Как утверждает R. Mesthrie, использование вариантов английского языка ненативным населением в различных культурных контекстах, обычно не ассоциирующихся с языком нативного населения, увеличивается [Mesthrie 2008: 28]. Однако, Д. Кристал подчеркивает, что влияние вариантов друг на друга (хотя и варианты – это неотъемлемая часть языка [Crystal 1999:12]), а также на английский язык в целом, не обозначает, что в будущем английский язык будет просто версией, или вариантом, британского или американского английского языка [Crystal 2000]. Аналогичной точки зрения придерживается и С. Пандарангга, который признает трансформации, ведущие к некоторым изменениям в английском языке, а, следовательно, появлению различных Englishes. Возможно, даже количество людей, использующих варианты английского языка превзойдет количество коренных носителей. Несмотря на эти утверждения С. Пандарангга опровергает тот факт, что английский язык как цельный язык в будущем исчезнет [Pandarangga 2015: 95].

При использовании термина “Englishes” подчеркивается автономность и плюральная природа различных видов английского языка, а при использовании понятия «варианты английского языка» – гетерономия этих вариантов основному «английскому» [Bolton 2006a, 2006b]. Вариант языка – это не гомогенная сущность с четкими границами, определенной фонологией, грамматикой и лексикой [Crystal 1999: 13]. Каждая англоговорящая локация в мире имеет свой узус, что делает английский язык отличным от других локальных вариантов, а также делает его «средством создания общности, единства» [Crystal 2011: 21].

Когда речь идет о World Englishes, возникают трудности при разграничении понятий «язык» и «диалект». Дж. Мэлчерс и П. Шау отмечают, что язык автономен, а диалект гетерономен, однако предлагают термины «вариации» и «варианты», являющиеся нейтральными терминами [Melchers 2011]. Дж. Дженкинс предусматривает два пути развития ситуации с World Englishes: варианты могут распространяться повсеместно, и отличия между различными группами говорящих будет увеличиваться. Следовательно, варианты английского языка будут непонятны для носителей других групп. Вторая модель предполагает сближение вариантов английского языка, тем самым нивелирования отличий между ними [Jenkins 2003].

Б. Качру предлагает систематизировать варианты английского языка [Kachru 1990], [Kachru 1992], [Kachru 2006] и представляет три концентрических круга – внутренний, внешний и расширяющийся [Kachru 1990: 4] (или деление языков на нормообеспечивающие (norm-providing), норморазвивающие (norm-developing) и нормозависимые (norm-dependent)) – схему распространения английского языка (Рис. 3).

Рис. 3. Модель трех концентрических кругов Б. Б. Качру

Нормообеспечивающим вариантам присущи собственные стандарты, которые называются эндонормами, нормозависимым вариантам присущи экзонормы, т.е. они ориентированы на нормы других вариантов английского языка, в рамках норморазвивающих вариантов происходит становление эндонорм, которые конкурируют с экзонормами [Прошина 2014: 124].

Во внутренний круг входят страны, в которых английский язык используется как основной язык, т.е. это традиционные исторические и социолингвистические базы английского языка: США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия, англоговорящая Южная Африка и некоторые страны территорий Карибского бассейна. 380 млн чел. «внутреннего круга» используют английский язык [Kachru 1992: 353].

Использование английского языка странами внешнего круга – результат колонизации ряда стран Азии и Африки, благодаря чему появились новые разновидности английского языка – New Englishes. Процесс работоторговли в Западной Африке привел к тому, что английский стал

официальным языком в Гамбии, Сьерра-Леоне, Гане, Нигерии и Камеруне. В Кении, Уганде, Танзании, Малави, Замбии и Зимбабве (Восточная Африка) появились британские поселения, английский язык стал вторым языком общения, а впоследствии получил статус официального [Kachru 1992: 354-355]. Взаимодействие жителей стран внешнего круга с жителями англоговорящих стран незначительно. В некоторых странах, например, Индии, Сингапуре, Филиппинах, Нигерии, в первую очередь ценность приобретают местные приоритеты, нежели международные [Kachru 1990: 10]. World Englishes внешнего круга воспринимаются сквозь призму преимуществ внутреннего круга. Использование английского языка жителями стран внешнего круга обусловлено отношением к языку, и тут речь идет о двух группах пользователей. В первую входят те, которые изучают английский язык с целью получения возможности общаться, а во вторую – те, которые в педагогических целях преследуют распространение английского языка [Kachru 1990: 15].

В странах Южной Азии – Индии, Бангладеш, Пакистане, Шри-Ланке, Непале, Бутане – английский язык начал укореняться во второй половине XVIII в. [Беликова 2015: 139].

Последний расширяющийся круг представлен странами (Китай, Египет, Индонезия, Израиль, Япония, Корея и др.), в которых английский язык (как правило, деловой английский язык) является средством международного общения, но не имеет статуса официального [Kachru 1992: 355].

Некоторые ученые выдвигают точку зрения, в которой вариантом считается только тот идиом, у которого есть свои собственные нормы и стандарты [Bruthiaux 2003], [Dröschel 2011]. Однако в таком случае невозможно говорить о вариантах английского языка, которые входят в Расширяющийся круг.

Несмотря на вхождение одних стран во внешний, а других в расширяющийся круг, Б. Б. Качру отмечает, что четко разграничены эти

круги быть не могут, т.к. у них есть некоторые общие черты, а статус английского языка в этих странах постоянно меняется: в один период в определенных странах английский язык выступает в качестве второго языка (ESL), однако через какое-то время он может выступать в качестве английского иностранного языка (EFL), и наоборот [Kachru 1985b: 13-14]. Поэтому хоть его концепция и соприкасается с традиционной теорией разделения английского языка на EFL (English as a foreign language) – ESL (English as a second language) – ENL (English as a native language), в ней нет жесткой трихотомии. Концепция о трех концентрических кругах Б. Б. Качру допускает диффузию между концентрическими кругами, а также социокультурное внедрение английского языка в национальные языки.

Данные три концентрических круга привнесли в английский язык уникальный культурный плюрализм, разнообразие речи, лингвистическое разнообразие, и World Englishes – это результат взаимодействия различных социокультурных контекстов, различного использования языка с точки зрения международных контекстов [Kachru 1990: 5].

Подобная модель предложена и С. Г. Тер-Минасовой, которая выделяет три типа картин мира, наводящих отражение в английском языке – первичную, вторичную и третичную. Отражение первичной картины мира происходит через английский как родной язык, вторичной – через английский как иностранный, при изучении которого накапливается информация о культуре изучаемого языка, а третичной – через английский язык-посредник [Тер-Минасова 1999: 41]. Как отмечает В. В. Кабакчи, именно говорящие, принадлежащие вторичной и третичной группам, участвуют в формировании английского языка международного общения [Кабакчи 1998: 26].

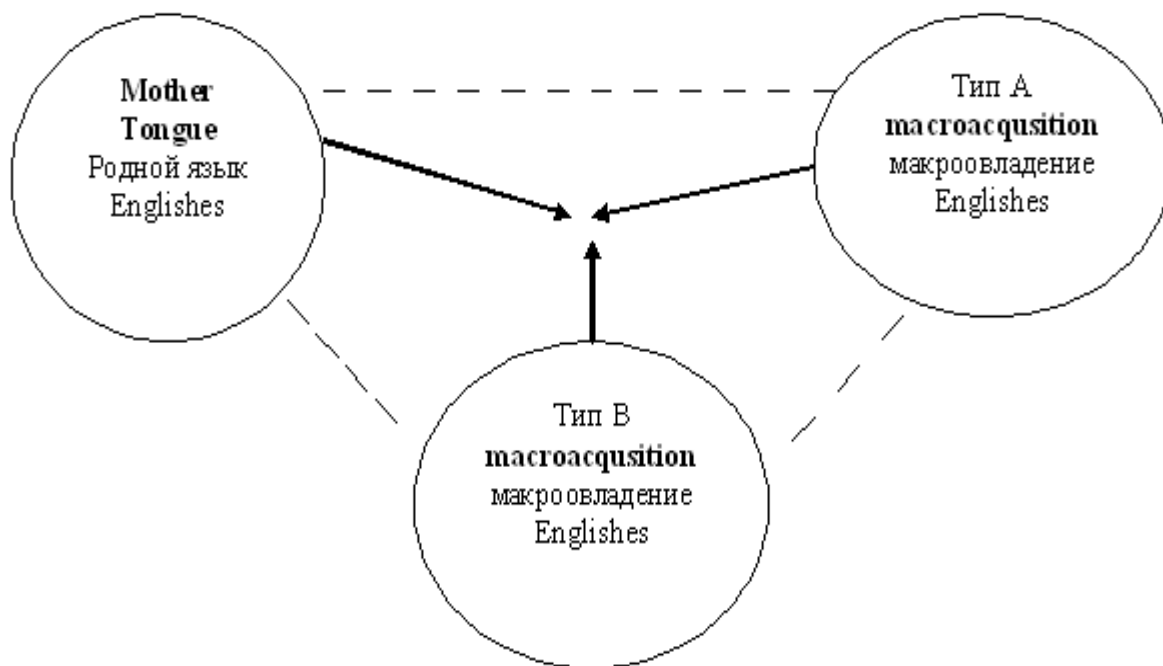
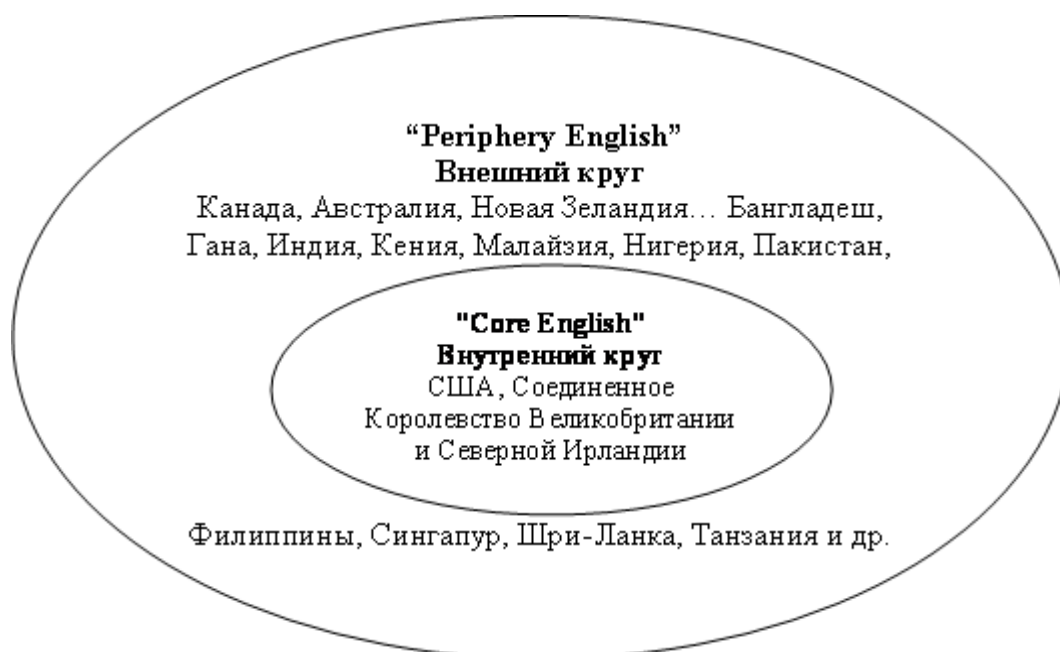

Рис. 4. Языковая конвергенция World Englishes по J. Brutt-Griffer

В монографии J. Brutt-Griffer “World English. A Study of its Development” представлена модель, состоящая, также как и у Б. Качру, из трех кругов, но не идентифицирующая вхождение конкретных стран в тот или иной круг [Brutt-Griffer 2002: 178] (Рис. 4).

Под макроовладением языком J. Brutt-Griffer понимает процесс овладения вторым языком. Это такой вид распространения языка, который формирует принципиально значимый процесс развития World English [Brutt-Griffer 2002: 11]. Будучи лингвистическим процессом, макроовладение языком – это и распространение языка, и его трансформации [Brutt-Griffer 2002: 14].

Р. Кверк является автором модели, состоящей из двух кругов – внутреннего и внешнего. Первый (“Core English”) включает в себя британский и американский варианты английского языка и находится внутри внешнего круга, а второй (“Periphery English”) – все остальные (Рис. 5).

Рис. 5. Модель двух кругов Р. Кверка

Р. Кверк считает, что лингвистические и социолингвистические концепции ненативных вариантов языка являются нелегитимными и рекомендует использовать единую монохромную форму языкового стандарта [Quirk 1985]. Национальные варианты английского языка Р. Кверк рассматривает как неудачную попытку оправдать недостаточно хорошее знание настоящего, грамотного английского языка [Quirk 1990].

Э. В. Шнайдер предлагает еще одну модель – модель распространения постколониальных Englishes, в которой он не затрагивает ни географический, ни исторический аспект при трактовке социолингвистической концепции Englishes. В его работе представлены 5 стадий распространения английского языка: начальная стадия, начальная стабилизация, нативизация, окончательная стабилизация и дифференциация [Schneider 2007: 30]. На первом этапе английский язык благодаря группе поселенцев начинает использоваться в странах, до сих пор не говорящих на английском [Schneider 2007: 33]. Начальная стабилизация ознаменована политическим приспособлением колоний или поселенцев общин к британскому правлению. Родной язык адаптируется под влиянием английского, который становится языком административных органов, образования, юридической системы и

проч. [Schneider 2007: 36]. Этап нативизации, т.е. процесс ассимиляции языка в культуре и обществе, является наиболее важным, это центральный этап культурной и лингвистической трансформации [Schneider 2007: 40]. Местное население полностью принимает двуязычие, которое является синтезом межъязыковых процессов [Schneider 2007: 41]. Окончательная стабилизация – период психологической и политической независимости, культурной и лингвистической автономности. Чувство национальной независимости от Британии объединяет местное население и английских поселенцев [Schneider 2007: 48-52]. Заключительный этап – этап дифференциации – это динамическое изменение употребления языка: в новом английском языке происходит дифференциация, начинают проявляться отдельные варианты английского, однако все эти New Englishes имеют языковое родство [Schneider 2007: 52-53].

Все эти модели распространения английского языка – и моноцентричные, и плюрицентричные – дают адекватное описание современной картины английского языка в социокультурном контексте. Как подчеркивает М. Г. Кочетова, «возможно, разные, на первый взгляд, подходы к английскому языку – это две противоположные концепции, которые не просто сосуществуют, а образуют гармоничную пару таким образом, что центробежные силы одной модели уравниваются центростремительными силами другой» [Кочетова 2015: 105].

Современные тенденции глобализации и языковой унификации приводят в равновесие аккультурацию английского языка и появление его различных вариантов. Особенности вариантов английского языка в первую очередь проявляются на лексико-семантическом уровне, т.к. он наиболее чувствителен к лингвистическим изменениям. Характер несоответствий в фонологической, орфографической, грамматической и лексико-семантической системах не оказывает влияния на систему английского языка в целом, а следовательно, можно утверждать, что варианты английского языка – это разновидности одного и того же языка, а не разные языки.

Выводы

Основными постулатами нашего исследования являются следующие положения:

1. Языковая категоризация эмоций представлена в связке с дологическим (мифологическим) мышлением, метафорическим представлением о мире.

2. Несмотря на достаточно разные точки зрения, порой даже полярные, в настоящем исследовании эмоции и чувства не разделяются, рассматриваются как эмоционально-чувственные переживания и объединяются понятием «эмоним».

3. Инвентарь базовых эмоций (с включением в этот инвентарь первичных, вторичных эмоций, блендов), в зависимости от школы, направления, подхода и т.д., может варьироваться от 6 до 5000 наименований.

4. В связи с тем, что мифологическое мышление приписывало объектам определенные признаки, самому же мышлению приписывается ряд характеристик: избыточность, антиказуальность, конкретность, неразличение субъекта и объекта действия, неразличение категорий сущности и явления, нерасчлененность образа и значения, закон неисключенного третьего, синкретизм, протезизм.

5. Метафора «контейнер» выступает когнитивной единицей, которая рассматривается как ключевая в аспекте пространственных отношений встроенности одних объектов в другие. Данная идея берет начало еще в период мифологического мышления, которое было привязано к образам и могло действовать при помощи аналогий.

6. Принцип встроенности, собственно, и является частным случаем проявления протезизма, а единство содержащего и содержимого – проявлением синкретизма.

7. Топологический тип «контейнер» – одна из пространственных категорий, обладающая своим собственным набором синтаксических конструкций.

8. Классификатор – это маркер принадлежности имени к классу, его целью является структурирование семантического пространства. Он используется для описания лексико-грамматических и грамматических систем классификации, призван обозначить те характеристики объекта, которые выражены неявно, скрыты или те, которые подразумеваются. Классификаторами могут быть флексии, морфемы, лексемы и синтаксические конструкции, причем последние выступают в качестве скрытых механизмов категоризации.

9. Скрытыми категориями считаются семантические и синтаксические признаки слов или словосочетания, которые не выражены эксплицитно на морфологическом уровне (согласно идеям московской школы). Скрытые категории, криптотипы, – это семантические категории, которые явно немаркированы, но сочетание морфем является классификатором для определения криптотипа (согласно идеям американских представителей). Криптотип – это новый объект, который может быть выявлен в фонологии, грамматике и семантике, может существовать два вида криптотипов – криптотип Уорфа и криптотип Сводеша (согласно исследованиям ученых новосибирской школы, проведенных на материале немецкого языка).

10. Криптокласс, являясь скрытой категорией, выступает частью языковой картины мира, в которую закладывается самый когнитивный опыт, когнитивная категоризация мира. При помощи криптоклассной категоризации мира возможно трактовать скрытую языковую категорию.

11. Для нейтрализации рассмотренной оппозиции «отдельный язык» – «диалект какого-то языка» предлагается термин «идиом», который является общим термином для указания на некое языковое образование и сочетает в себе оба понятия.

12. В настоящее время отмечается диверсификация английского языка, в результате чего он распадается на различные варианты, т.к. каждая страна, в которой английский является национальным, официальным, устанавливает свой собственный вариант английского языка. Английский язык принадлежит к плюрицентрическим языкам, поэтому разные официально закрепленные его стандарты принято называть языковыми вариантами, а страны, в которых эти варианты используются, английским языковым пространством – англосферой.

13. Выделить культурное доминирование какого-то отдельного варианта достаточно сложно, т.к. считается, что все варианты равноправны. Одним из первых, кто начал заниматься изучением вариантов, был Б. Качру, который предложил модель трех концентрических кругов – внутреннего, внешнего и расширяющегося. Одним из недостатков работ, посвященных национальным вариантам языка, является недостаточная представленность африканского и карибского кластера.

Глава II. Эмонимы как метафорнимы криптокласса английского языка «Res Continens»

Для того, чтобы предложить описание языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний по аналогии с вместилищем в двадцати вариантах английского языка, нужно идентифицировать членство отобранных ранее эмонимов в именном криптоклассе английского языка, в основании которого лежит семантический признак *‘предмет стабильной формы, полый, содержащий что-то или предназначенный для содержимого’*. В данной главе будут рассмотрены методология выявления именного криптокласса английского языка «Res Continens» (содержащий, вмещающий), а именно типологический принцип выделения и классификаторы криптокласса, устройство криптокласса, а также будет дан криптоклассный анализ эмоций, категоризирующихся в английском языке по аналогии с вместилищем.

2.1 Методология выделения криптокласса

Рассмотрим принципы и этапы выявления *именного криптокласса английского языка «Res Continens»*.

2.1.1 Типологический принцип выявления криптокласса «Res Continens»

Определим, получает ли выражение семантический признак *‘предмет стабильной формы, полый, содержащий что-то или предназначенный для содержимого’* в языках мира?

В русском языке данный признак может маркироваться специальными суффиксами, т.е. грамматически, на что обратил внимание Б. А. Серебрянников [Серебрянников 1973]. Так, суффикс *–ица* указывает на названия помещений: *темница, светлица, больница, горница, мельница, кузница, песочница* или сосудов: *чернильница, мыльница, криница, пепельница, перечница*.

Занимаясь изучением когнитивной категории локативности в русском языке, Л. А. Чицова выделила следующие дифференциальные признаки, которые отличают «вместилище» от пространства:

- 1) ограниченная территория, замкнутое пространство;
- 2) «границы и само вместилище могут быть/не быть продуктом деятельности человека/другого живого существа» [Чицова 2011: 5].

Исследователь описала различные способы выражения категории локативности в русском языке в виде словообразовательных моделей:

2. Модель 1: роза → розарий; мыло → мыльница. Данная модель действует, когда определяется «вместилище неживых существ».

3. Модель 2: прибегать / прибежать → прибежище. Данная модель действует, когда определяется «вместилище неживых и живых существ».

4. Модель 3: корова → коровник. Данная модель действует, когда определяется «вместилище живых существ, не людей».

5. Модель 4: дворня → дворницкая. Данная модель действует, когда определяется «вместилище живых существ, людей» [Чицова 2011: 14].

В аварском языке наряду с лексическими средствами, указывающими на принадлежность объекта к классу «вместилище», имеется местный падеж, который может обозначать «пребывание в предмете, имеющем внутри пустоту, которая может быть вместилищем для чего-либо, например: гоqоb «в доме», qanssinib «в сундуке» [Жирков 1924: 164]. Интересно, что «нахождение объекта в водной или иной среде» также маркируется местным падежом (салуль «в песке», лъель «в воде») [Саидов 1967: 731].

В чеченском языке аналогичное значение имеет так называемый вещественный падеж, который выражает в основном следующие значения: «пребывание, нахождение, а также движение предмета внутри другого предмета или сплошной массы (обычно жидкости)» [Серебренников 1988: 42]. Как видим, оппозиция *предмет с полостью VS среда* нейтрализуется в некоторых кавказских языках.

В финском языке также имеются падежи, указывающие на помещение одного объекта во внутрь другого либо изъятие одного объекта из другого. Маркером, как и в предыдущих случаях, выступает суффикс (Табл. 2).

Таблица 2. Финские локативные падежи

Падеж	Суффикс	Английский предлог	Пример	Перевод примера
Инессив	-ssa	In	talossa	in (a) house
Элатив	-sta	from (inside)	talosta	from (a) house
Иллатив	-an, -en (-Vn)	Into	taloon	into (a) house

Инессив обычно указывает на **нахождение объекта в пределах/внутри** другого предмета, элатив – на **движение изнутри** чего-либо, а иллатив – на **движение внутрь** чего-либо [Падежи в финском языке].

В языке ацугеви существуют суффиксы, которые являются аналогом предлога *into*. Отличие состоит в том, что суффиксы указывают не только на помещение объекта внутрь другого, но и на тип вмещаемого: «**-wam** (down into a gravatic container), **-ict** (into a liquid – пример нейтрализации оппозиции контейнер VS среда), **-cis** (into a fire)» [Talmy 1983: 239].

В языке навахо есть классификатор *khq* для всего класса имен, которые обозначают ‘контейнер с твердыми краями вместе с содержимым’ [Allan 1977: 301].

В одном из **атапаскских языков**, распространенных на Аляске, Верхнекускоквимском (Upper Kuskokwim) имеется грамматический класс с категориальным признаком ‘предмет стабильной формы с полостью, открытый’ и грамматический класс с категориальным признаком ‘предмет нестабильной формы типа мешок, закрывающийся’. Функцию классификатора имен выполняют глагольные основы. Существительные, обозначающие открытые контейнеры, типа *стакана воды*, и закрытые, типа *мешка* или *сумы*, сочетаются с разными глагольными основами. Так, чтобы сказать, что *вода находится в ведре* (предмет стабильной формы, пример 1а), необходим глагол *konh*, а если *ягоды помещены в мешок* (предмет

нестабильной формы, пример 1b) – нужен глагол *tonh* [Kibrik 2004], [Кибрик 2008, 2014].

(1a) *zi-konh* - *Water in a bucket.*

(2b) *zil-tonh*- *Berries in a sack.*

Указание на местонахождение одного объекта внутри другого является категоризирующим признаком 18ого класса в языках банту, 9ого класса в про-банту (маркирован префиксом *ni-*), именного класса сосудов (вместилищ) в языках манде [Топорова 1996].

Статья Р. С. Кимова, посвященная сравнительному описанию именного криптокласса «контейнер» на материале русского, английского и кабардинского языка, явилась откликом на нашу статью [Задобри́вская 2017]. Р. С. Кимов заинтересовался изучением категориального признака '*предмет стабильной формы, полый, содержащий что-то или предназначенный для содержимого*' в кабардинском языке. Предметом рассмотрения в статье являются четыре криптотипа, в которые объединяются кабардинские имена существительные, обозначающие вместилище, при опоре на превербы – прилагательные префиксальные морфемы [Кимов 2018: 502-503]. К первому криптотипу принадлежат названия объектов, которые употребляются в контексте преверба *и-*, концептуально коррелирующего с предлогом *in* в английском языке и предлогом *в* в русском языке; ко второму – в контексте преверба *дэ-*, концептуально коррелирующего с предлогом *между*; к третьему – в контексте преверба *шIэ-*, концептуально коррелирующего с предлогами *under* и *под*; к четвертому – в контексте преверба *хэ-*, концептуально коррелирующего с предлогом *в* [Кимов 2018: 503-504].

Как видим, признак '*предмет стабильной формы, полый, содержащий что-то или предназначенный для содержимого*' лежит в основании именных классов во многих языках мира. Наличие в языках мира явных классов (грамматических разрядов) существительных с данным категориальным признаком является достаточным типологическим основанием для выделения в английском языке криптокласса «Res Continens».

На данный момент Воронежской лексико-типологической группой выделено и описано семь криптоклассов английского языка: *Res Liquidae* («Жидкое»), *Res Filiformes* («Нитевидное»), *Res Rotundae* («Круглое»), *Res Longae Penetrantes* («Длинно-тонкий предмет стабильной формы»), *Res Acutae* («Острое»), *Res Parvae* («Рукоятное») [Борискина 2011e], *Res Planae* («Плоское») [Голикова 2018].

Как видим, традиционно криптоклассам английского языка присваиваются латинские названия, представляющие собой двухсловные номинации, состоящие из *Res*, маркирующее предметность, и причастия, идентифицирующего сам криптокласс: например, «*Res Filiformes*» (нитевидное), «*Res Liquidae*» (люющеея) и т.д.

Выделяемому в рамках настоящего исследования именному криптоклассу английского языка присваивается имя «*Res Continens*», что значит ‘предметы вмещающие, или предметы содержащие’.

2.1.2 Устройство криптокласса «*Res Continens*»

На первом этапе нам предстояло определиться с именами-эталоном криптокласса. Для этого был проведен контекстный анализ эталонов и предикатных слов в согласовательных синтагмах с учетом качественно-количественного описания системных и синтагматических свойств имен.

The screenshot displays the NOW Corpus interface. At the top, there are navigation tabs: SEARCH, FREQUENCY, CONTEXT, and OVERVIEW. The 'CONTEXT' tab is selected. Below the tabs, there is a search bar containing the word 'box'. To the right of the search bar, there are icons for help, search, and other functions. Below the search bar, there is a table of search results. The table has columns for 'FIND SAMPLE', 'PAGE', 'CLICK FOR MORE CONTEXT', 'DATE', 'SOURCE', and 'CONTEXT'. The 'CONTEXT' column shows snippets of text from various news sources, with the word 'box' highlighted in blue. The results are numbered 1 through 12.

Рис. 6. Результаты поискового запроса по имени-эталоноу *box* в корпусе NOW

На этом этапе осуществлялся отбор наиболее релевантных и частотных имен эталонов криптокласса в результате изучения их левого и правого окружения. На Рисунке 6 представлен электронный вид контекстного окна языкового корпуса NOW.

Криптокласс «Res Continens» состоит из имен-эталонов и имен-метафоронимов. Эталоны данного криптокласса образуют топотип «Вместилище» (см. раздел 1.2.3. о корреляции топотипа и криптокласса). Предметных имен, обозначающих объект стабильной формы, полый, предназначенный для хранения, достаточно много в английском языке. К часто употребляющимся относятся: *box* (коробка, ящик), *glass* (стакан), *cup* (чаша, чашка), *bowl* (миска), *bucket* (ведро), *basket* (корзина).

Рассмотрим этимологию имен-эталонов:

Box: “rectangular wooden container,” usually with a lid, Old English *box*, from Late Latin *buxis*, from Greek *pyxis* “boxwood”, from *pyxos* “box tree,” which is of uncertain origin [Online Etymology Dictionary].

Cup: “small vessel used to contain liquids generally; drinking vessel”, Old English *cuppe*, Old Northumbrian *copp*, from Late Latin *cuppa* “cup” (source of

Italian coppa, Spanish copa, Old French coupe “cup”), from Latin cupa “tub, cask, tun, barrel”, Greek kype “gap, hole”, Old Church Slavonic kupu, Lithuanian kaupas “heap”, Old English hyf “beehive”, which is thought to be cognate with Sanskrit kupah “hollow, pit, cave” [Online Etymology Dictionary]. Как видим, артефакт чаша или кубок (cup) берет свое название от натурфакта типа впадина, яма или пещера, ограниченное пространство для помещения внутрь чего-либо.

Bowl: “round, low vessel to hold liquids or liquid food”, Old English bolla “pot, cup, bowl”, from Proto-Germanic *bul- “a round vessel” (source also of Old Norse bolle, Old High German bolla), from PIE root *bhel- (2) “to blow, swell”. Formerly also “a large drinking cup”, hence figurative use as an emblem of festivity or drunkenness [Online Etymology Dictionary].

Bucket: “pail or open vessel for drawing and carrying water and other liquids”, mid-13c., from Anglo-French buquet “bucket, pail”, from Old French buquet “bucket”, which is from Frankish or some other Germanic source, or a diminutive of cognate Old English buc “pitcher, bulging vessel”, originally “belly” (buckets were formerly of leather as well as wood), both from West Germanic *buh- (source also of Dutch buik, Old High German buh, German Bauch “belly”), possibly from a variant of PIE root *beu-, *bheu- “to grow, swell” [Online Etymology Dictionary].

Glass: Old English glæs “glass; a glass vessel”, from Proto-Germanic *glasam “glass” (source also of Old Saxon glas, Middle Dutch and Dutch glas, German Glas, Old Norse gler “glass, looking glass”, Danish glar), from PIE root *ghel- (2) “to shine”, with derivatives denoting bright colors or materials. The PIE root also is the ancestor of widespread words for gray, blue, green, and yellow, such as Old English glær “amber”, Latin glaesum “amber” (which might be from Germanic), Old Irish glass “green, blue, gray”, Welsh glas “blue” [Online Etymology Dictionary]. Следует отметить, что конструкция *glass of smth.* в работах Тейлора расценивается как мерный классификатор существительных [Taylor 1995].

Basket: early 13c., from Anglo-French *bascat*; of obscure origin, from Latin *bascauda* “table-vessel”, or from Celtic British, originally meant “wicker basket”. [Online Etymology Dictionary].

Очевидно, этимология слов *box* (коробка, ящик), *cup* (чашка), *bowl* (миска), *bucket* (ведро) указывает на свойство обозначаемых предметов вмещать (содержать) другие предметы. Этимологические цепочки лексических единиц *glass* (стакан), *basket* (корзина) удлиняются за счет корня “*vessel*”, в этимологии которого есть и слово “*container*”, и слово “*receptacle*”, которые являются единицами метаязыка. (с. 1300, “*container*”, from Old French *vessel* “*container, receptacle, barrel; ship*” (12c., Modern French *vaisseau*) from Late Latin *vascellum* “*small vase or urn*” [Online Etymology Dictionary]) Это дает основание считать данные лексемы именами-эталоном криптокласса «Res Continens».

Рассмотрим, что выражает ключевое для разрабатываемой тематики слово английского языка *container*. Данная лексема содержит в себе указание на то, что ‘содержавшее содержит содержимое’, или ‘вмещающее вмещает помещенное в него’.

Анализ словарной статьи этимологического словаря [Online Etymological Dictionary] для лексемы *container* показал, что слово вошло в словарный состав английского языка в середине XV века как производное от глагола *contain*. Этимологическая цепочка для этого глагола выглядит следующим образом:

late 13 century, from Old French *contein-*, stem of *contenir*, from Latin *continere* (transitive) “*to hold together, enclose*”, from *com-* “*together*”+ *tenere* “*to hold*” [Online Etymological Dictionary].

В этимологическом словаре [Dictionary.com] мы обнаружили следующее этимологическое развитие слова:

1250-1300; Middle English *conte* (y) *nen* < Anglo-French *contener*, Old French *contenir* < Latin *continēre*, equivalent to *con-* + *tenēre* ‘to hold’ [Dictionary.com].

Как видим, значение слова *contain* – «со-держать, вмещать», а слово *container* обозначает предмет содержащий, вмещающий другой предмет.

Проанализировав дефиниции в толковых словарях английского языка, мы выявили следующие значения лексемы *container*.

В словаре [Dictionary.com] даются следующие толкования лексической единицы:

1) anything that contains or can contain something, as a *carton, box, crate, or can* (*что-либо, что содержит или может содержать что-то, как, например, картонный короб, коробка, ящик или консервная банка*);

2) a large, vanlike, reusable box for consolidating smaller crates or cartons into a single shipment, designed for easy and fast loading and unloading of freight (*большая, подобная фургону, коробка многократного использования для объединения ящиков или картонных коробок меньшего размера в одну партию, предназначается для легкой и быстрой загрузки и разгрузки фрахта*) [Dictionary.com].

Толковый словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary предлагает следующие дефиниции:

1) an object for holding or transporting something (*объект для хранения или транспортировки чего-либо*);

2) a large metal box of a standard design and size used for the transport of goods by road, rail, sea, or air (*большой металлический ящик стандартного дизайна и размера, используемый для транспортировки товаров автомобильным, железнодорожным, водным или воздушным транспортом*) [Oxford Advanced Learner's Dictionary].

Webster's dictionary определяет container как *one that contains: such as* (*объект, который что-то содержит, например*):

a) a receptacle (such as a box or jar) for holding goods (*вместилище (например, коробка или банка) для хранения продуктов*);

b) a portable compartment in which freight is placed (as on a train or ship) for convenience of movement (*переносная камера, в которую помещен*

фрагмент (как например, в поезде или на судне) для удобства передвижения) [Webster's dictionary].

Рассмотрим еще одну лексическую единицу, релевантную задачам нашего исследования – *receptacle*. Словарная статья этимологического словаря [Online Etymological Dictionary] дает следующую этимологическую цепочку:

late 14 century, from Old French *receptacle* (14 century) and directly from Latin *receptaculum* “place to receive and store things”, from *receptare*, frequentative of *recipere* “to hold, contain”.

В словаре Dictionary.com этимология слова *receptacle* выглядит следующим образом:

1375 – 1425; Middle English (<Old French) <Latin *receptāculum* reservoir, equivalent to *receptā(re)* to take again, receive back (frequentative of *recipere* to receive) +*-culum*-cle.

Несмотря на то, что лексемы английского языка *container* и *receptacle* называют типичные вместилища, они не относятся к именам-эталонам криптокласса, поскольку в результате широкого коммуникативного обращения они перестали принадлежать тексту, став по сути словами метаязыка.

Данное обстоятельство позволило нам ввести метаязыковой знак *container* в состав синтаксических конструкций, классифицирующих имена по разрабатываемому в работе криптоклассу.

Заметим, что вхождение номинаций различных сред (напр., водной, земли) в данный криптокласс в качестве имен-метафоронимов и типологически (см. 2.1.1), и системно обосновано, поскольку названия сред состоят в метонимических отношениях с именами-эталоном криптокласса.

Параллельно с работой по определению базовых имен-эталонов криптокласса, проводилась работа по формированию пула классификаторов криптокласса, представляющих собой лексико-синтаксические средства выражения признака, который не маркируется в английском языке явно, т.е.

морфемно. *Классифицирующие конструкции* выявлялись в процессе контекстного анализа имен-эталонов. В результате этой работы был сформирован набор лексико-синтаксических конструкций, классифицирующих имена по криптоклассу «Res Continens». Подробнее об этом см. в разделе 2.2.

На следующем этапе диссертационного исследования каждый из 23 эмонимов тестировался на возможность замещать позицию метаязыкового знака *container* в лексико-синтаксических конструкциях – классификаторах криптокласса «Res Continens», типа: [*a container contains smth*], [*SV_{exist} in/inside a container*], [*VO in/into/out of a container*], [*a container is Adj.*], [*an Adj. container*]. Описанию результатов криптоклассного анализа эмонимов посвящен раздел 2.3. В разделе 2.4. даются принципы когнитивного моделирования эмоций по аналогии с вместилищем.

2.1.3 Автоматическая выборка по запросу, ручная обработка и сортировка материала

Для проведения контекстного анализа использовались электронные языковые корпуса М. Дэвиса [Собрание корпусов М. Дэвиса].

Основными источниками материала исследования являлись корпуса Corpus of Global Web-Based English (GloWbE) и Newspapers on the Web (NOW). Однако для проверки отдельных положений теории скрытой категориальности использовались данные всех корпусов.

Корпус Corpus of Global Web-based English (GloWbE) (URL: <http://corpus.byu.edu/GloWbE>, 1,9 млрд. словоупотреблений), создан в апреле 2013 г., насчитывает 1,9 млрд. словоупотреблений (tokens) из 1,8 млн. текстов, собранных за период – 2012-2013 гг. Представляет собой собрание текстов из различных веб-страниц из 20 англо-говорящих стран: США (US), Канады (CA), Великобритании (GB), Ирландии (IE), Австралии (AU), Новой Зеландии (NZ), Индии (IN), Шри-Ланки (LK), Пакистана (PK), Бангладеш (BD), Сингапура (SG), Малайзии (MY), Филиппин (PH), Гонконга (HK),

Южной Африки (ZA), Нигерии (NG), Ганы (GH), Кении (KE), Танзании (TZ), Ямайки (JM).

Корпус News on the Web (NOW) (URL: <http://corpus.byu.edu/now>, 7,4 + млрд. словоупотреблений), создан в мае 2016 г., содержит 7,4 млрд словоупотреблений (на 10.03.2019) из различных Интернет-журналов, газет, блогов в 20 вариантах английского языка. Сбор материала начался в 2010 г. и продолжается по настоящее время, пополняется ежемесячно на 150-170 млн. словоупотреблений, или на 1,8 млрд словоупотреблений в год.

В сравнительной таблице 3 представлены ключевые данные по корпусам *GloWbE* и *NOW*.

Таблица 3. Данные по корпусам *GloWbE* и *NOW*

№ п/п	Ресурс	Доступ	Объем (количество словоупотреблений)	Временной период	Время создания
1	GloWbE	http://corpus.byu.edu/GloWbE/	1,9 млрд.	2012-2013	2013 г.
2	NOW	https://corpus.byu.edu/now/	7,4 млрд +	2010 – настоящее	май 2016 г.

Оба корпуса состоят из 20 подкорпусов (по вариантам английского языка) разного объема, поэтому перед анализом данных, полученных в результате корпусных запросов, представлялось целесообразным вычислить коэффициент подкорпусов, что позволило получить и обрабатывать корпусные данные в относительных величинах.

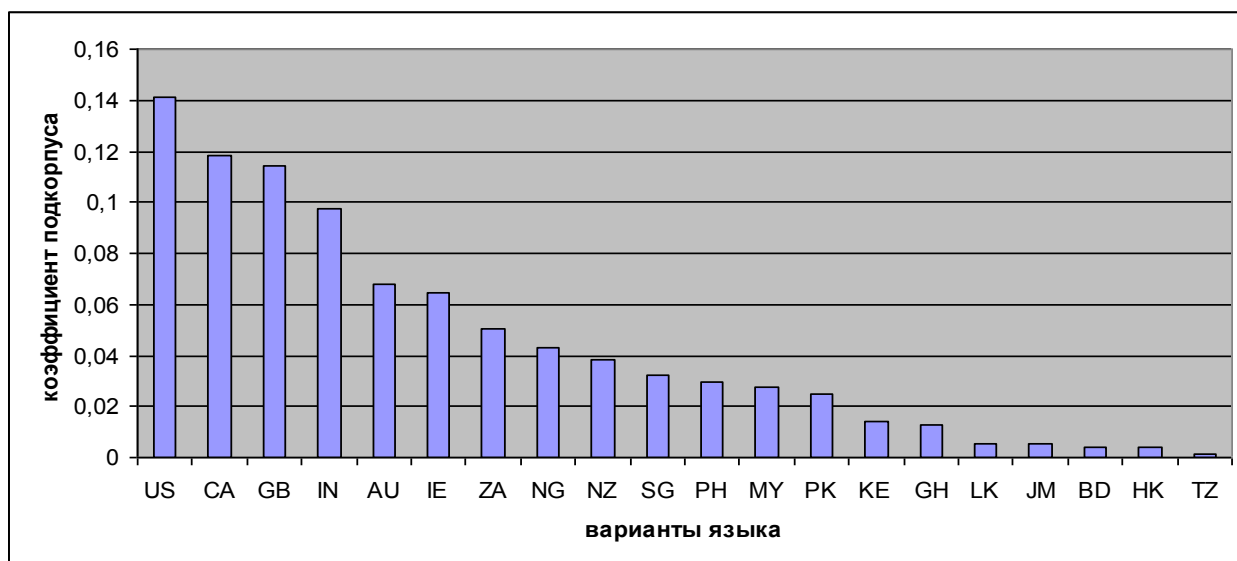

Рис. 7а. Коэффициенты подкорпусов в корпусе NOW

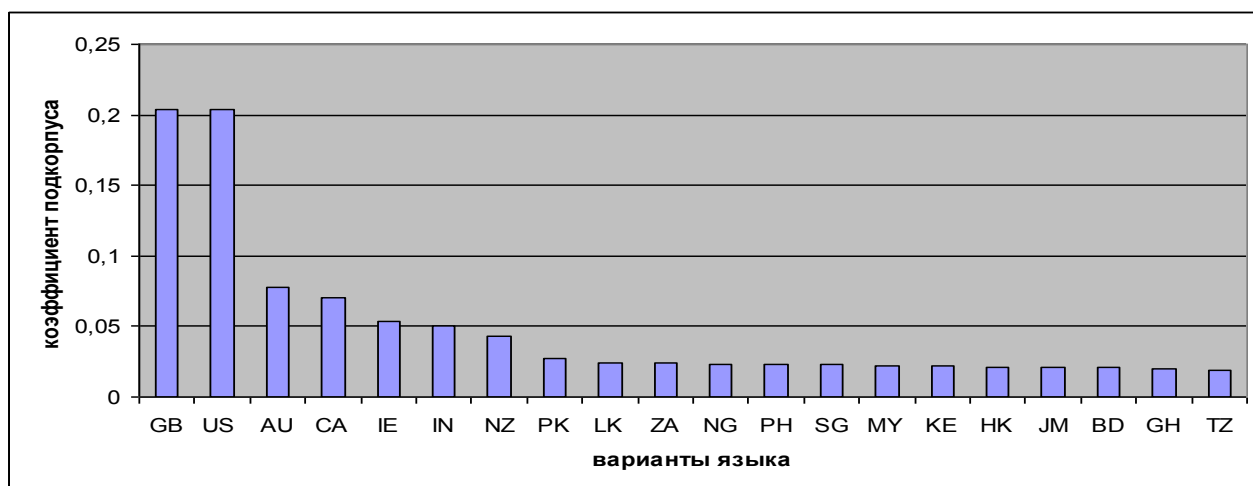

Рис. 7b. Коэффициенты подкорпусов в корпусе GloWbE

Как видим, и в корпусе NOW (Рис. 7a), и в корпусе GloWbE (Рис. 7b) наибольшее количество словоупотреблений приходится на американский, канадский, британский, австралийский ирландский и индийский варианты английского языка. Все, за исключением индийского, относятся к так называемым *устоявшимся* вариантам английского. Индийский, по всей видимости, является «линией водораздела» устоявшихся и неустоявшихся вариантов английского. Отметим, что распределение корпусных данных по остальным вариантам английского более сбалансировано в корпусе GloWbE. Это, вероятно, связано с тем, что данный корпус, сформированный в 2013 как сбалансированный, не пополняется.

В разгар работы, связанной с формированием и обработкой данных корпусных запросов, стали доступными новые корпуса, которые также использовались для проверки рабочих гипотез исследования:

- The intelligent Web-based Corpus (iWeb), 14 млрд словоупотреблений/, что в 25 раз больше корпуса COCA и примерно в 140 раз больше BNC. Материал корпуса собран из 22 млн. Интернет-страниц, 95 000 веб-сайтов, в 6 вариантах английского языка: США (US), Канады (CA), Великобритании (GB), Ирландии (IE), Австралии (AU), Новой Зеландии (NZ).

- The TV Corpus, 325 млн. словоупотреблений, из 75 000 неофициальных ТВ-шоу (например, комедии, драмы). Дает возможность изучить изменения в разговорном языке за последние 70 лет, а также особенности разговорного английского языка в 6 его вариантах: США (US), Канады (CA), Великобритании (GB), Ирландии (IE), Австралии (AU), Новой Зеландии (NZ);

- The Movie Corpus, 200 млн. словоупотреблений. Корпус представляет собой собрание контекстов из 25 000 киносценариев за последние 90 лет. Как и предыдущие два, представляет собой собрание контекстов разговорного английского языка в 6 его вариантах: США (US), Канады (CA), Великобритании (GB), Ирландии (IE), Австралии (AU), Новой Зеландии (NZ).

Также привлекались:

- Corpus of Contemporary American English (COCA), 560млн. словоупотреблений из устных и письменных текстов (художественная литература, публицистика, научный и научно-популярный дискурс) американского варианта английского языка;

- British National Corpus (BNC) (является версией британского национального корпуса), 100 млн. слов, заимствованных из источников второй половины XX века, но не принадлежащих к какой-то определенной области, стилю или жанру. Содержание корпуса отражает состояние британского английского языка конца XX – начала XXI вв. Большая часть корпуса (90%) представлена отрывками из письменных источников (отрывки из газет, периодических журналов, научно-популярной литературы, различного рода эссе, писем, меморандумов, записи формальных и неформальных разговоров, выступления на шоу, телефонные разговоры). Авторами выступают люди различного пола, возраста и социального статуса.

В сравнительной таблице 4 представлены ключевые данные по пяти дополнительным корпусам: *iWeb*, *The TV Corpus*, *The Movie Corpus*, *COCA* и *BNC*.

Таблица 4. Данные по корпусам *iWeb*, *The TV Corpus*, *The Movie Corpus*, *COCA* и *BNC*

№ п/п	Ресурс	Доступ	Объем (количество словоупотреблений)	Временной период	Время создания корпуса
1	iWeb	https://corpus.byu.edu/iweb/	14 млрд.	2017 г.	май 2018 г.
2	The TV Corpus	https://www.english-corpora.org/tv/	325 млн.	1950 – 2018 гг.	февраль 2019 г.
3	The Movie Corpus	https://www.english-corpora.org/movies/	220 млн.	1930 – 2018 гг.	февраль 2019 г.
4	COCA	https://corpus.byu.edu/coca/	560 млн	1990 – 2017 гг.	2000 – 2003 гг.
5	BNC	https://corpus.byu.edu/bnc/	100 млн	1980-е гг. – 1993 г.	1994 г.

В процессе исследования посредством поисковых ресурсов, предоставляемых разработчиками корпусов, создавались запросы, цель которых – полуавтоматическая выборка словоупотреблений с заданными параметрами. Формировались тысячи запросов на встречаемость каждого из имен-эталонов криптокласса или эмонимов в лексико-синтаксических конструкциях, диагностирующих криптокласс. Результаты выборки, полученной автоматически, обрабатывались вручную.

В поисках контекстов словоупотребления имен-эталонов криптокласса, максимально релевантных целям исследования, приходилось варьировать параметры контекстного окна. Так, при изучении сочетаемости эмонимов с атрибутивными и глагольными локативными классификаторами ширина контекстного окна выбиралась $\langle 4, 0 \rangle$, а при изучении сочетаемости эмонимов с предикативными классификаторами ширина контекстного окна – $\langle 0, 4 \rangle$. При изменении ширины в меньшую сторону (например, $\langle 0, 3 \rangle$), количество контекстов соответственно сокращалось, а при изменении в большую сторону (например, $\langle 0, 5 \rangle$) – увеличивалось, а, следовательно, увеличивался и нерелевантный целям исследования материал.

2.1.4 Корпусная проверка сочетаемости эмонимов

Корпусные запросы формировались так: в секции *group by* устанавливается параметр *lemmas*, который помогает получить наиболее релевантный для исследования материал.

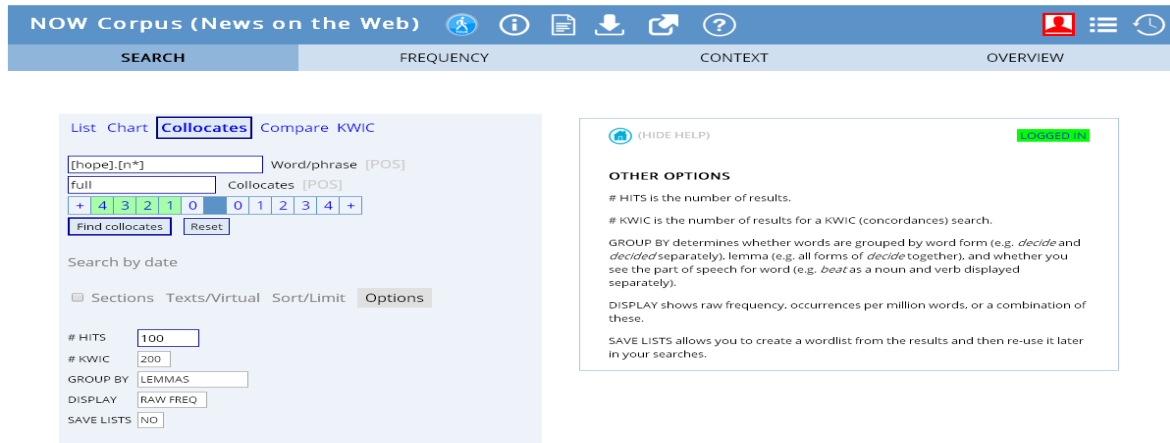

Рис. 8. Формирование запроса в корпусе

Другие параметры – *words*, *none*, *both words* – не дают полную картину сочетаемости слов, а параметр *both lemmas* увеличивает долю нерелевантного материала (Рис. 8). Результаты корпусных запросов (Рис. 9) обрабатывались вручную.

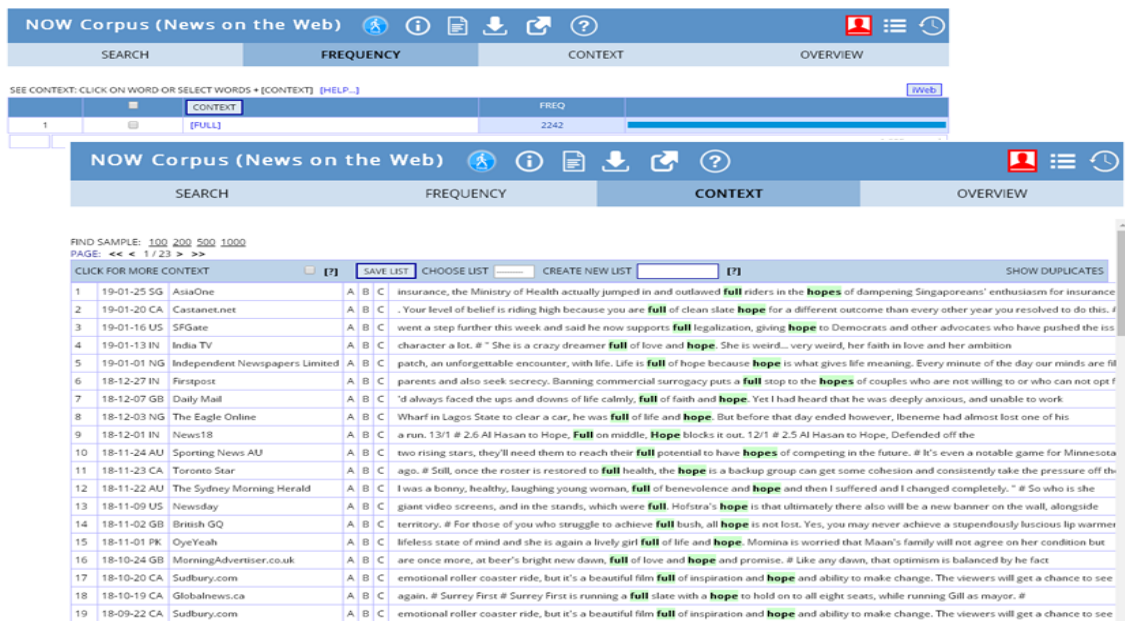

Рис. 9. Фрагмент результата корпусных запросов

После обработки данные накапливались и систематизировались в таблицах. На рисунке 10 представлен фрагмент сводной таблицы.

ЭМОНИМ	A	B	C	D	E	F
Идиом	US	CA	GB	IE	AU	
emotion	[a full container] 3 сл/употр	[a full container] 3 сл/употр	[a full container] 3 сл/употр	[a full container] 4 сл/употр	[a full container] 2 сл/употр	
	[an empty container] 4 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 1 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	
	[a deep container] 214 сл/употр	[a deep container] 110 сл/употр	[a deep container] 142 сл/употр	[a deep container] 55 сл/употр	[a deep container] 72 сл/употр	
	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 1 сл/употр	[a shallow container] 2 сл/употр	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 3 сл/употр	
	[a container is full] 1 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 2 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	
	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	
	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	
	[a container is deep] 1 сл/употр	[a container is deep] 2 сл/употр	[a container is deep] 3 сл/употр	[a container is deep] 4 сл/употр	[a container is deep] 2 сл/употр	
	[a container is shallow] 1 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	
	[V in/into/inside a container] 40 сл/употр	[V in/into/inside a container] 30 сл/употр	[V in/into/inside a container] 25 сл/употр	[V in/into/inside a container] 13 сл/употр	[V in/into/inside a container] 2 сл/употр	
	[V out of a container] 11 сл/употр	[V out of a container] 9 сл/употр	[V out of a container] 3 сл/употр	[V out of a container] 6 сл/употр	[V out of a container] 2 сл/употр	
surprise	[a full container] 1 сл/употр	[a full container] 0 сл/употр	[a full container] 2 сл/употр	[a full container] 3 сл/употр	[a full container] 0 сл/употр	
	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	
	[a deep container] 3 сл/употр	[a deep container] 2 сл/употр	[a deep container] 1 сл/употр	[a deep container] 1 сл/употр	[a deep container] 0 сл/употр	
	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 1 сл/употр	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 0 сл/употр	
	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	
	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 1 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	
	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	
	[a container is deep] 1 сл/употр	[a container is deep] 0 сл/употр	[a container is deep] 1 сл/употр	[a container is deep] 0 сл/употр	[a container is deep] 0 сл/употр	
	[a container is shallow] 0 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	[a container is shallow] 0 сл/употр	
	[V in/into/inside a container] 15 сл/употр	[V in/into/inside a container] 5 сл/употр	[V in/into/inside a container] 12 сл/употр	[V in/into/inside a container] 7 сл/употр	[V in/into/inside a container] 2 сл/употр	
	[V out of a container] 1 сл/употр	[V out of a container] 1 сл/употр	[V out of a container] 1 сл/употр	[V out of a container] 0 сл/употр	[V out of a container] 2 сл/употр	
passion	[a full container] 2 сл/употр	[a full container] 2 сл/употр	[a full container] 4 сл/употр	[a full container] 0 сл/употр	[a full container] 5 сл/употр	
	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	[an empty container] 0 сл/употр	
	[a deep container] 157 сл/употр	[a deep container] 129 сл/употр	[a deep container] 67 сл/употр	[a deep container] 51 сл/употр	[a deep container] 52 сл/употр	
	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 0 сл/употр	[a shallow container] 3 сл/употр	
	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	[a container is full] 0 сл/употр	
	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	[a container is filled] 0 сл/употр	
	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	[a container is empty] 0 сл/употр	

Рис. 10. Накопление и систематизация материала исследования

2.1.5 Количественный анализ материала и его интерпретация

После обработки более 80 тысяч контекстов словоупотреблений всех эмонимов, объем материала, релевантного цели исследования, составил 26.312 словоупотреблений.

Размещение релевантных цели исследования данных в относительных величинах на платформе COEL [Cryptotypes of the English Language] дало возможность получить криптоклассные портреты эмонимов, построенные по количественным показателям: ИРа (индекс разнообразия сочетаемости эмонима с классификаторами криптокласса, который выражается в дробных числах – $0 < ИРа < 1$) и ПоКА (показатель активности эмонима в образовании словосочетаний с классификаторами криптокласса по отношению к другим эмонимам).

Параллельно были вычислены показатели встречаемости каждого эмонима в классифицирующих конструкциях в вариантах языка в абсолютных и относительных величинах.

Интерпретация материала явилась заключительным этапом исследования. После получения количественных вхождений эмонимов в криптокласс была изучена *коммуникативная востребованность* каждого классификатора криптокласса «Res Continens» в вариантах английского языка, а также *мера представленности* эмонимов в исследуемом криптоклассе английского языка по вариантам.

Для удобства интерпретации мы пользовались кластеризацией вариантов английского языка по географическим ареалам, предложенной О. В. Дониной: американский ареал (варианты английского языка США и Канады), австралийский ареал (варианты английского языка Австралии и Новой Зеландии), европейский ареал (варианты английского языка Великобритании и Ирландии), азиатский ареал (варианты английского языка, на которых говорят в Индии, Сингапуре, Гонконге, Шри-Ланке, Бангладеш, Пакистане, Малайзии и на Филиппинах), африканский ареал (варианты английского языка, которые являются официальными в Гане, Нигерии, Танзании, Кении и ЮАР) и карибский ареал (вариант английского языка Ямайки) [Донина 2017: 111-112].

2.2 Классификаторы криптокласса «Res Continens»

Классификаторы криптокласса английского языка «Res Continens» представлены тремя видами конструкций: глагольной (глагольной субъектной, глагольной объектной, глагольной локативной), предикативной и атрибутивной:

1. Глагольные классификаторы:

- а) глагольные субъектные классификаторы [*a container contains*];
- б) глагольные объектные классификаторы [*to fill a container (with smth.)*], [*to empty a container*];
- с) глагольные локативные классификаторы.

Среди глагольных локативных условно можно выделить конструкции, диагностирующие:

- нахождение предмета внутри вместилища – глагольные интранзитивные локативные классификаторы [SV_{exist} in/inside a container], например, [be/exist/lie in/inside a container] или [there VS in a container], а также глагольные транзитивные [find smth. in a container], [have smth. in a container], [keep/hold/hide smth. in a container];
- помещение предмета во вместилище – глагольные транзитивные локативные классификаторы [VO in/into a container], например, [put/place smth. in(to) a container], [throw smth. in(to) a container] и интранзитивные классификаторы [V in/into a container], например, [fall, get in/into a container];
- изъятие предмета из вместилища – глагольные транзитивные локативные классификаторы [VO out of a container], например, [take/get smth. out of a container], [pull smth. out of a container] и глагольные интранзитивные локативные классификаторы [V out of a container], например, [fall out of a container].

2. Предикативные классификаторы [*a container is full (of smth.)*], [*a container is filled (with smth.)*], [*a container is empty*], [*a container is deep*], [*a container is shallow*].

3. Атрибутивные классификаторы представлены парой [*a full container*] VS [*an empty container*]. Атрибутивные конструкции [*a deep container*] vs [*a shallow container*] не рассматривались в работе в качестве классифицирующих, поскольку их диагностирующая криптокласс функция представляется ненадежной. Глубина, как постоянная величина, является характеристикой не только предмета стабильной формы с полостью для помещения и хранения других предметов (т.е. Вещающего), но и уровнем водной среды и натурфактов, типа водоемов, ср. *deep water, river* (глубоководье, глубокая река).

2.2.1 Глагольные классификаторы

Рассмотрим каждый из классификаторов криптокласса «Res Continens».

2.2.1.1 Глагольный субъектный классификатор [a container contains]

Глагольный субъектный классификатор [a container contains] указывает на свойство субъекта выступать содержимым для других, как правило мелких, предметов или субстанции (сыпучей, водной). Если позицию субъекта данной конструкции замещает эмоним, это свидетельствует о категоризации эмоционально-чувственного переживания по аналогии с вмещаемым и, соответственно, о вхождении эмонима в криптокласс «Res Continens».

Практически для всех рассматриваемых в диссертации эмонимов зарегистрировано окказиональное словоупотребление с данным классификатором. Узуальное словоупотребление было зарегистрировано только с эмонимами *love* и *concern* (примеры 1-3).

1) *All healthy love contains the fear of not letting the other person be fully free (MY).*

2) *When we love someone our love will contain a number of healthy fears, a number of areas within which we will be healthily cautious and reticent (MY).*

3) *In fact, developmental concerns also contain various technicalities, which is why politics linked with development requires technical people (IN).*

В некоторых примерах мы наблюдаем принцип взаимной обратимости эмоций, частный случай протеизма, когда эмоции категоризируются как по аналогии с содержащим, так и по аналогии с содержимым.

Так, например, любовь выступает содержащим для страха (пример 1-2), где страх (*fear*) является содержимым, тогда как в примерах 4 и 5 страх выступает содержащим, при этом в страхе, как во вместилище, содержится правда (пример 4) или ирония (пример 5).

4) *My analysis might be wrong but I hope my fears contain truths which need to be retold (US).*

5) *That fear contains a deep irony: The current vaccine, in use for about 20 years, replaced an older and more effective one that went out of use because vaccine critics charged it had too high a rate of side effects (US).*

Контексты употребления эмонимов с данным классификатором были зафиксированы в девяти вариантах английского языка – американском, британском, индийском, ирландском, канадском, новозеландском, австралийском, филиппинском и малазийском (Рис. 11).

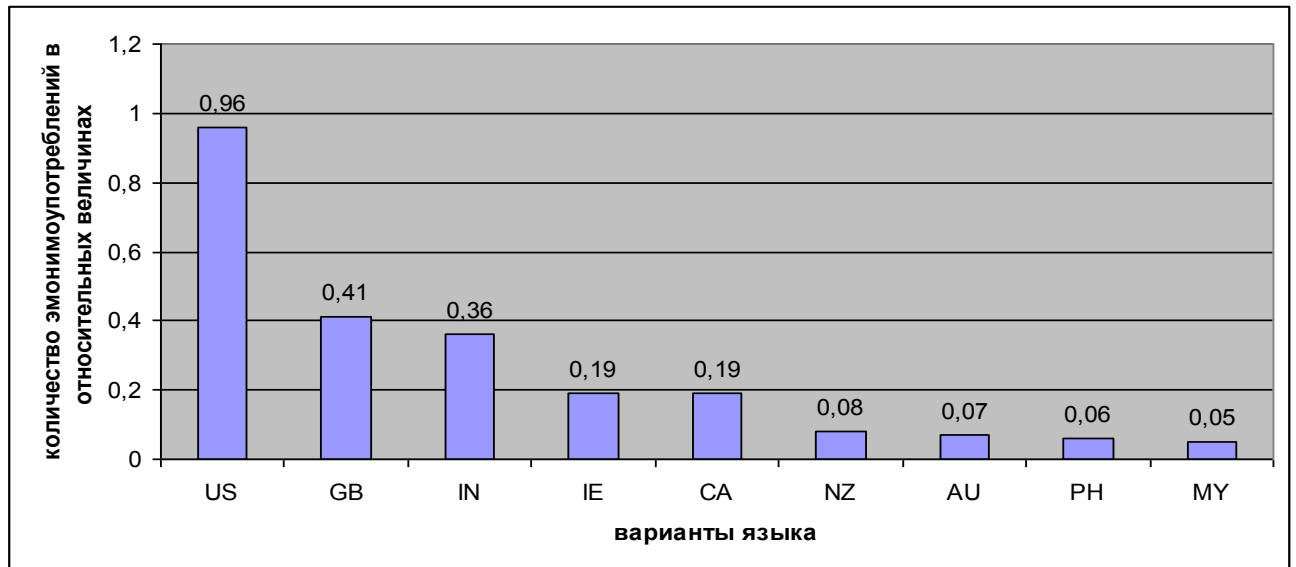

Рис. 11. Встречаемость эмонимов с классификатором [a container contains] по идиомам

В американском и ирландском новостном дискурсе обнаружены контексты эмонимов, обозначающих только базовые эмоции *emotion, fear, hope, happiness, concern, relief*. Заметим, что в чувствах и эмоциях может содержаться как что-то хорошее, положительное (важная полезная информация для личного и социального функционирования, центробежные силы, сдерживающие натиск других стран (примеры 6-7), так и нечто отрицательное (какие-то неприятные ситуации или другие эмоции, например, оксюморон в словосочетании «счастье содержит горе» – примеры 8-9). В примере 9 счастье (*happiness*) выступает вместилищем для другого эмоционально-чувственного состояния – горя (*grief*).

6) *Emotions can contain important information that can be useful to personal and social functioning, but sometimes these emotions can also overwhelm us, and make us act in ways we would rather not (US).*

7) *The hope contains the centrifugal forces from spreading to the rest of the EU (US).*

8) *I began to realise the honour I was likely to receive but any positive **emotion contained** a serious asterisk (IE).*

9) *She is excellent at capturing contradiction and the complexity of human emotions – how **happiness** can **contain grief**, how the act of writing can make the writer powerful and vulnerable at once (IE).*

В примерах 10-12 представлены словоупотребления из новозеландского, канадского и британского вариантов языка, в которых вместилищем выступают удовольствие (*pleasure*), участие (*concern*), и горе (*grief*) – для другой эмоции – страдания (*distress*). Как видим, в примере 12 страдание становится содержимым и помещается в эмоцию-вместилище *grief*.

10) *A life marked by nonelitist **pleasures** which **contain** at least a small dose of self-destruction and risk is more open (US).*

11) *Housing **concern** **contain** a message for clients (CA).*

12) ***Grief** **contains** distress, loneliness, pangs of remorse and a gnawing and restless yearning (GB).*

Несмотря на свою малочисленность и низкую коммуникативную значимость для англоязычного пространства метафоры эмоций в конструкции [*a container contains*] являются одними из самых ярких, т.к. уже в самом глаголе есть прямое указание на принадлежность к криптоклассу английского языка «Res Continens».

14 эмонимов (*emotion* (эмоция), *pleasure* (удовольствие), *sympathy* (сочувствие), *love* (любовь), *grief* (горе), *distress* (страдание), *fear* (страх), *feeling* (чувство), *hope* (надежда), *happiness* (счастье), *pride* (гордость), *interest* (интерес), *concern* (участие), *relief* (облегчение)) обнаруживают свое вхождение в криптокласс «Res Continens» по факту их встречаемости с классификатором [*a container contains*].

2.2.1.2 Глагольные объектные классификаторы [fill a container (with smth.)] и [empty a container]

Глагольные объектные классифицирующие конструкции показывают, что вместилище можно чем-то заполнить или опустошить.

Рассмотрим этимологию признаков слов данных конструкций *to fill* и *to empty*:

To fill: Old English *fyllan* “to fill, make full, fill up, replenish, satisfy; complete, fulfill”, from Proto-Germanic *fulljanan “to fill” (source also of Old Saxon *fulljan*, Old Norse *fylla*, Old Frisian *fella*, Dutch *vullen*, German *füllen*, Gothic *fulljan* “to fill, make full”), a derivative of adjective *fullaz “full”.

Так, глагол *to fill* является производным прилагательного *full*, а прилагательное *full* происходит от староанглийского слова, в котором есть указание на то, что предмет содержит в себе что-то: “containing all that can be received”.

Глагол *to empty* образован от прилагательного *empty*, в этимологии которого содержится указание на пустоту полости вмещающего.

Empty: 1200, from Old English *æmettig* “containing nothing, unoccupied”, “at leisure, not occupied” from *æmetta* “leisure”, from Proto-Germanic **e-mot-ja-*, with a prefix of uncertain meaning + Germanic **mot-* “ability, leisure”.

В глагольной объектной конструкции [*fill a container (with smth)*] было зарегистрировано 15 словоупотреблений эмонимов в 10 вариантах английского языка. Контекстов не было обнаружено в идиоме Новой Зеландии, некоторых азиатских идиомах – идиомах Шри-Ланки, Бангладеш, Филиппин, Малайзии и Гонконга и некоторых африканских идиомах – идиомах Нигерии, Ганы и Танзании и в карибском – идиоме Ямайки. Наибольшее количество примеров приходится на американский, канадский и индийский варианты английского языка (Рис. 12).

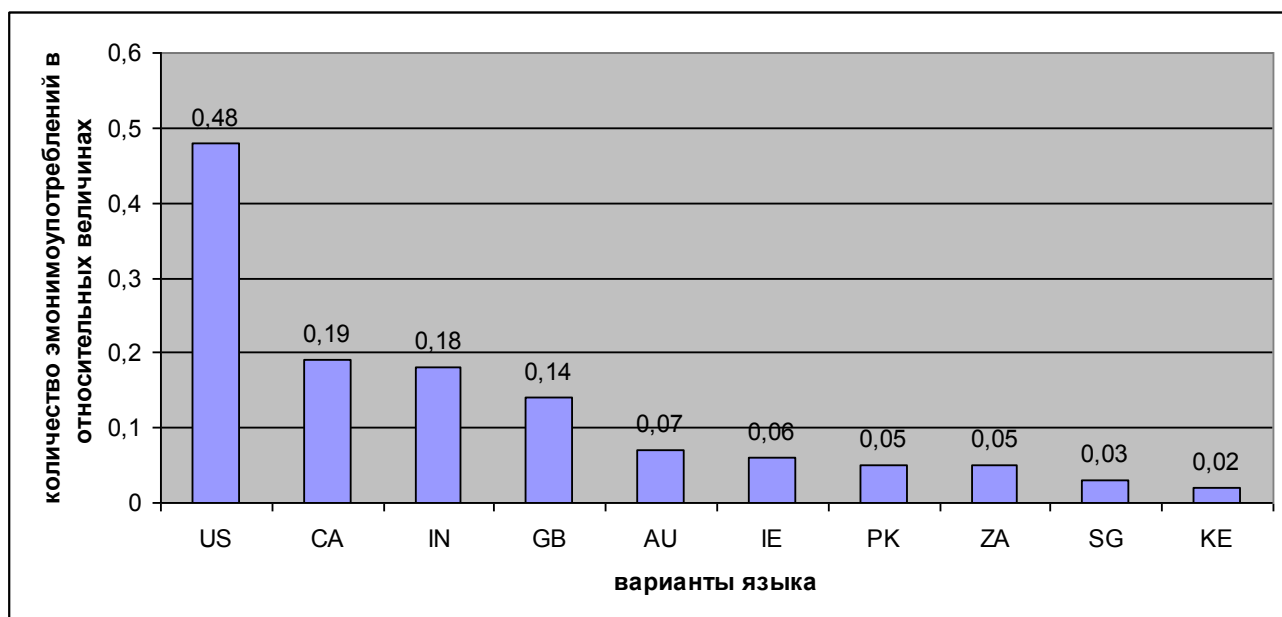

Рис. 12. Встречаемость эмонимов с классификатором [*fill a container (with smth)*] по идиомам

Встречаемость эмонимов с классификатором [*fill a container (with smth)*] окказиональная. Позицию объекта данной конструкции замещают 8 ЭМОНИМОВ: *passion* (страсть), *sympathy* (сочувствие), *pleasure* (удовольствие), *love* (любовь), *happiness* (счастье), *feeling* (чувство), *hope* (надежда) и *terror* (ужас). Наибольшее количество словоупотреблений было зарегистрировано со словом *love* (3 словоупотребления) (пример 13).

13) *I definitely expected to **fill** that overwhelming **love** for my daughter when she was born (US).*

Примеры 14-16 демонстрируют употребление эмоций в качестве вместилища, причем в последнем (пример 16) одна эмоция – надежда (*hope*) – заполняется другой эмоцией – радостью (*joy*).

14) *Many heartbroken people used their former partners to **fill** their **feelings** of emptiness or loneliness (GB).*

15) *Intension was to **fill** **terror** (IN).*

16) *His arrival is heralded by the very stars, **filling** **hope** with joy (CA).*

Чувство пустоты и одиночества также можно заполнить (пример 17), а любовь превращается в содержимое и помещается в другую эмоцию – сочувствие (*sympathy*) (пример 18).

17) *Many heartbroken people used their former partners to **fill** their feelings of emptiness or loneliness (US).*

18) *Our love filled sympathy to the family (PK).*

Встречаемость эмонимов со вторым глагольным классификатором [*empty a container*] также окказиональная. Лишь пять эмонимов (*emotion* (эмоция), *anger* (гнев), *fear* (страх, пример 19), *grief* (горе), *joy* (радость)) употребляются с данным классификатором.

19) *It's as if you **empty** the fears (GB).*

Любопытно, что во всех случаях опустошается не просто страх, а страхи. В идиоме Ирландии зафиксирован контекст, в котором опустошаются эмоции (*emotion*) (пример 20), в идиоме Новой Зеландии – горе (*grief*) (пример 21), в идиоме Пакистана – радость (*joy*) (пример 22), а в идиоме США – гнев (*anger*) (пример 23).

20) *Her band and backing singers bulk up the sound a great deal, but Pink's power in her lungs – even when suspended upside down – is matched only by the fist-clenching fans **emptying** their emotions (IE).*

21) *Talking to me was a chance for them to **empty** their grief and toss it to the winds (NZ).*

22) *The huge destruction has **emptied** our joy of any meaning (PK).*

23) *“Military murderers,” she wrote, **emptying** her anger until the lipstick ran out (US).*

Встречаемость эмонимов с классификатором [*empty a container*] была зафиксирована в шести вариантах английского – американском, британском, австралийском, ирландском, новозеландском и пакистанском (Рис. 13). Несмотря на то, что данная классифицирующая конструкция не является частотной и ее функциональная нагрузка мала, ее диагностирующий потенциал не следует недооценивать, поскольку знание о том, чтоместилище можно опустошить (сделать пустым) представляет когнитивную ценность для категоризации ментальных образов по аналогии с предметом, полость которого может опустошаться.

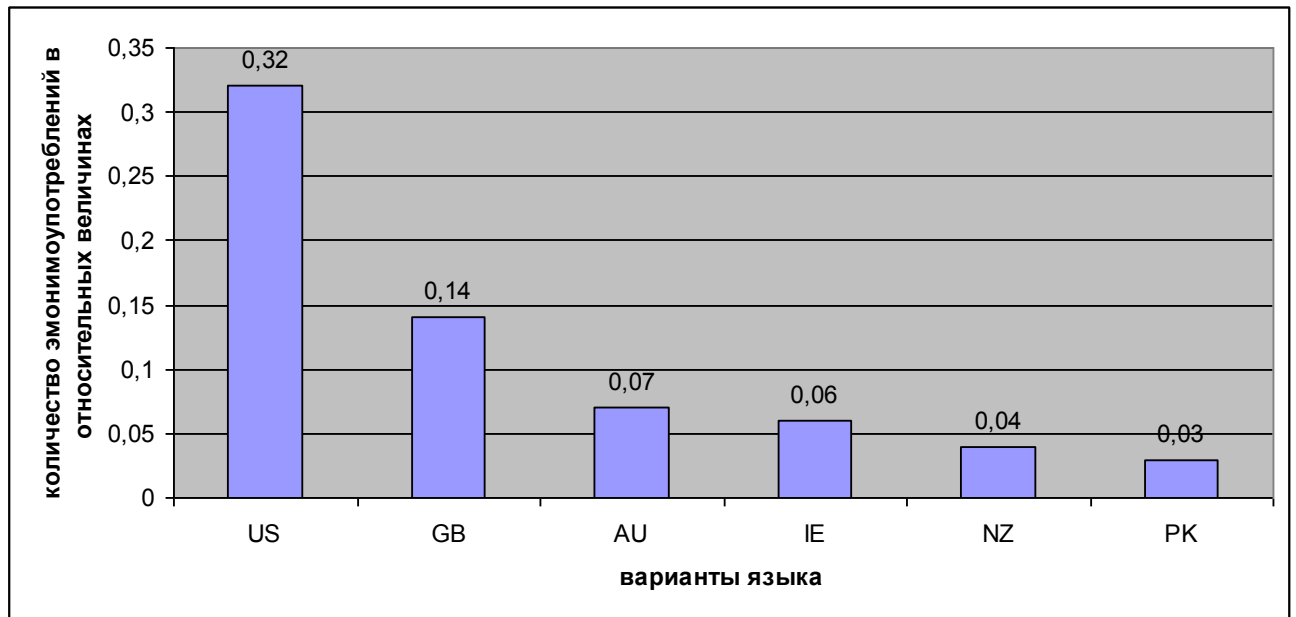

Рис. 13. Встречаемость эмонимов с классификатором [empty a container] по идиомам.

2.2.1.3 Глагольные локативные классификаторы

Локативные классифицирующие конструкции (см. Рис. 14) условно разбиты на диагностирующие классность эмонима по принципу маркирования основных позиционных семантических признаков:

- нахождение предмета внутри вместилища – глагольные интранзитивные локативные классификаторы [SV_{exist} in/inside a container], например, [be/exist/lie in/inside a container] или [there VS in a container], а также глагольные транзитивные, например, [find smth. in a container], [have smth. in a container], [keep/hold smth. in a container];
- помещение предмета во вместилище – глагольные транзитивные локативные классификаторы [VO in/into a container], например, [put/place smth. in(to) a container], [throw smth. in(to) a container] и интранзитивные классификаторы [V in/into a container], например, [fall, get in/into a container];
- изъятие предмета из вместилища – глагольные транзитивные локативные классификаторы [VO out of a container], например, [take/get smth. out of a container], [pull smth. out of a container] и глагольные интранзитивные локативные классификаторы [V out of a container], например, [fall out of a container].

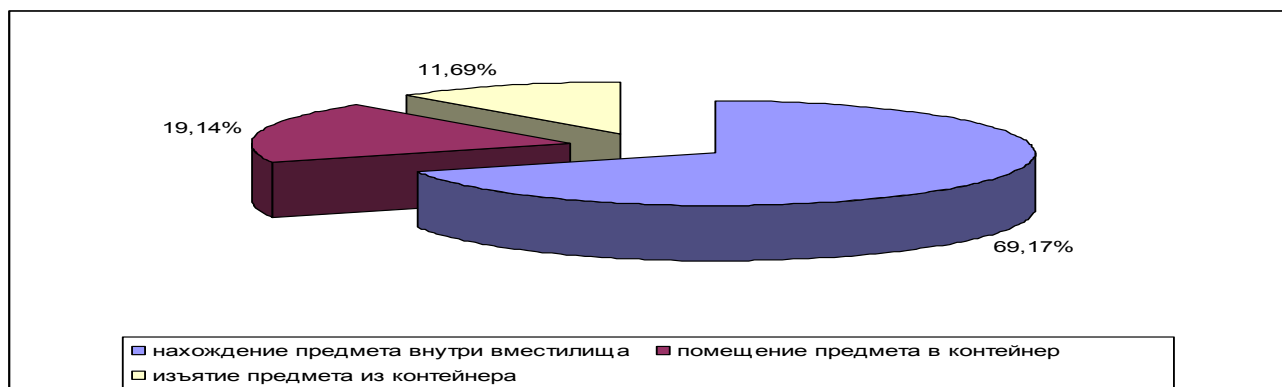

Рис. 14. Долевое распределение видов локативных классификаторов согласно данным корпусов NOW и GloWbE

Как видим, доля глагольных локативных классификаторов, маркирующих ‘нахождение предмета внутри вместилища’, больше доли классификаторов, маркирующих ‘помещение предмета во вместилище’, в 3,6 раза, а доли классификаторов, маркирующих ‘изъятие предмета из вместилища’, больше в 5,9 раз.

Рассмотрим встречаемость эмонимов в локативных классифицирующих конструкциях $[SV_{exist} \text{ in/inside a container}]$, $[VO/V \text{ in/into a container}]$ и $[VO/V \text{ out of a container}]$.

а) Классификатор $[SV_{exist} \text{ in/inside a container}]$.

Среди конструкций, в которых маркируется признак ‘нахождение предмета внутри вместилища’ наиболее частотной является экзистенциальная конструкция $[SV_{exist} \text{ in/inside a container}]$, присущая всем эмонимам. Конструкция свидетельствует о том, что все эмоционально-чувственные состояния человека категоризируются по аналогии с вместилищем, т.е. являются содержащим для других предметов, часто людей и абстракций.

Идеальным, но далеко не самым приятным, вместилищем, в котором может находиться человек, по данным нашего исследования, оказался страх – базовая эмоция, в которую «способны поместиться целые страны (пример 32) или отдельные личности (33).

32) *During the Napoleonic wars in 1805 when the British were in fear of invasions by the French, a ship was wrecked off the coast of Hartlepool (GB).*

33) *He would lie in his sickbed in mortal fear of being sucked down into its moral abyss (IE).*

В примерах 34-35 также показано нахождение человека в страхе. В примере 34 люди находятся в страхе из-за того, что на их селение снова будет совершено покушение. В примере 35 в страхе находятся журналисты, на которых, как на животных, ведется охота.

34) *They are in fear the men will come, seek revenge, burn them out (IE).*

35) *<Journalists> especially those practising 'watchdog' journalism that stands for public interest, are in fear because they are being hunted like animals by their tormentors (TZ).*

На Рисунке 15 представлены эмонимы, встречающиеся в корпусах в классифицирующей конструкции [SV_{exist} in/inside a container], маркирующей признак 'нахождение предмета внутри вместилища'.

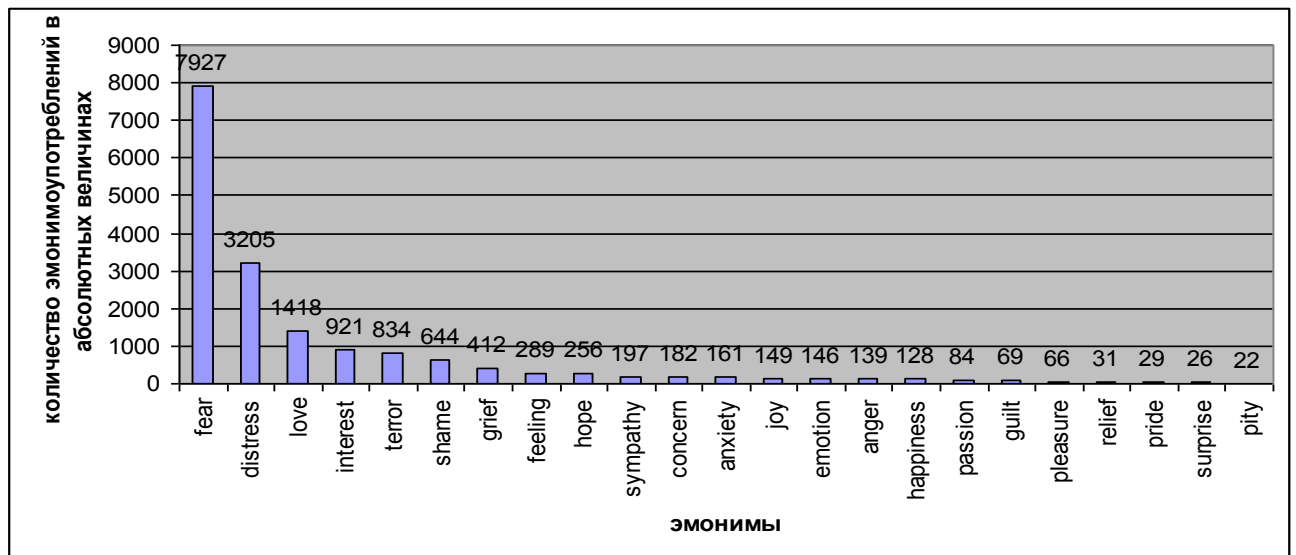

Рис. 15. Встречаемость эмонимов с классификатором [SV_{exist} in/inside a container]

Интересно, что любовь категоризуется как вмещающее и Человека влюбленного, и «объект воздыхания»: другого человека (ср., пребывать в любви с Эммой, пример 36) или автомобиль (пример 37), или работу (38).

36) *She explains that she reiterates her commitment issues, observes that Will is still in love with Emma (who is now officially single) (US).*

37) *Zeke was so in love with his Audi that he kept it in the garage and rode the bus back (US).*

38) *You are to be deeply in love with your job to the point of pain (GB).*

Заметим, что и русскоязычному сознанию также не чужд образ чувства-вместилища, ср., «находиться в подавленном состоянии» или «в расстроенных чувствах» (пример 39).

39) *Whenever Andhra Pradesh was in distress, Telangana stepped forward to help (IN).*

Подорванное душевное состояние, страдание также категоризируется по аналогии с вместилищем, в котором может находиться люди (пример 40) или сельское хозяйство (пример 41).

40) *On Friday, Ginola took to Twitter to reassure fans that he was not in distress despite the heart scare (IE).*

41) *If agriculture is in distress, then what is there to celebrate? (IN).*

В интралокативной экзистенциальной конструкции [*there is smth in a container*] по образу и подобию вместилища могут категоризоваться чувства, в которых, например, содержатся различные абстрактные явления: в избыточных чувствах – опасность (пример 42), сложности, когда у человека двойкие чувства по поводу той или иной ситуации (пример 43), решительность по отношению к маме, в случае необходимости отстаивать свои права и свой взгляд на проблему (пример 44); в гордости народа Китая – ирония, которая связана с тем, что Китай «славится» производством изделий, продаваемых по низкой цене, но обладающих низким качеством (пример 45); в радости – нечто отрицательное – подрыв веры и надежды (пример 46).

42) *There is danger in the exuberant feeling of ever-growing power which the advance of the physical sciences has engendered (GH).*

43) *There is a difficulty in both feelings existing at the same time (US).*

44) *<...> there is no resolution in her feelings towards her mother (GB).*

45) *There are ironies galore in China's pride in surpassing the U.S. in auto production (US).*

46) *Key understands something essential: there's subversion in joy (IE).*

В примерах 47 и 48 по аналогии с вместилищем категоризуется озабоченность (участие, озабоченность). Она может вызываться различными жизненными проблемами. Предметом нарастающей озабоченности жителей страны может выступать установка телефонных вышек (пример 47). Заметный рост в озабоченности врачей связан с повышением числа пациентов, испытывающих проблемы с сердечно-сосудистой системой, имеющих психические расстройства, нарушения мозгового кровообращения (пример 48).

47) *Ms. L. said anecdotal evidence suggests there has been an increase in concerns expressed by residents over the placement of cellphone towers (CA).*

48) *At the same time, there was a marked increase in concerns about ailments including heart disease, dementia and stroke <...> (GB)*

Отсутствие содержимого в содержащем, который в норме что-то содержит, также передается классификатором [*there is smth in a container*]. В счастье отсутствует рывок, способствующий внутреннему удовлетворению жителей Великобритании и США (пример 49); в надежде отсутствует стыд за стремление поучиться некоторым вещам даже у соперника (пример 50), в озабоченности – проблема перехода от рискованного предпринимательства к аутсорсингу в области интеллектуальной собственности (пример 51).

49) *Yet over the same period there has been no increase in happiness (in Britain or the US), as measured by surveys (GB).*

50) *The report also said that there was no drop in concerns amongst businesses of the risks to intellectual property (IP) of outsourcing (GB).*

51) *<...> there is no shame in their eternal hope (PK).*

Функциональная нагрузка классификатора [*have smth in a container*] намного меньше [*there is smth in a container*], тем не менее, она также маркирует признак наличия чего-то во вместилище. Обеспокоенность

содержит зарождение проблемы, возникшей из-за появления бестселлеров и электронных книг, на которые установлены низкие цены (пример 52). В глубоких чувствах предательства, измены находится первопричина проблем в отношениях между людьми (пример 53).

52) *The case **has its origins in concerns** by publishers that had emerged by 2009 about low prices for best-seller and new e-books (ZA).*

53) *It **had its origins in deep feelings** of betrayal and treachery and the belief (GB).*

Следует отметить, что в чувстве как во вместилище довольно часто содержатся истоки (примеры 52-53) или изменения (пример 54).

54) *People with depression **have a real change in their feelings** about themselves and about the future (NZ).*

Данная конструкция также маркирует эмоции, например, любовь, как вместилище для людей (пример 55) или для опыта (пример 56).

55) *At the end of his life, he didn't **have a partner in love** (US).*

56) *I **had a failure experience in love** (IN).*

Встречаемость эмонимов с классификатором [*find smth in a container*] показывает, что чувства и эмоции ассоциируются и с закрытым вместилищем, в котором хранится что-то скрытое и которое можно обнаружить. Так, в чувстве замешательства, которое находится еще в одном вместилище – душе, человек может **найти** резонанс, отклик на то, что происходит в его жизни (пример 57). В озабоченности можно найти различия (пример 58).

57) *Paulinho might **find resonance in that feeling** of bewilderment, of the erosion of the conviction that he has held in his soul (GB).*

58) *It's not easy to **find differences in concerns** or approaches between artists from different milieus (CA).*

В стрессовом переживании, как правило, находятся люди, с которыми что-то произошло или которых что-то волнует (примеры 59-60).

59) *Edmond was **found in distress** about 16 minutes later (US).*

60) *Twenty three years earlier, another major financial institution **found itself in distress** but for a very different reason (GB).*

В чувствах можно затеряться (пример 61); в счастье – обнаружить то, что так долго искали для своего благополучия (62); в надежде – находиться, представляя себе, что эта надежда – укрытие от бед и невзгод (пример 63). Можно находиться в радостях и горестях, будто в ловушке внутренних чувств (пример 64).

61) *Instead of that mundane, we are taken **inside the emotional feeling** of being lost, cut off from home <...> (AU)*

62) *Maybe we will discover **inside the happiness** that has eluded us for so long while we've been searching in all <...> (GB)*

63) *The most you can do is to be **inside that hope**, running down its hallways, touching the walls on both sides (IN).*

64) *From being trapped within myself, **inside the joys** and sorrows that make up Peter Fin and which reside like tiny, floating <...> (GB)*

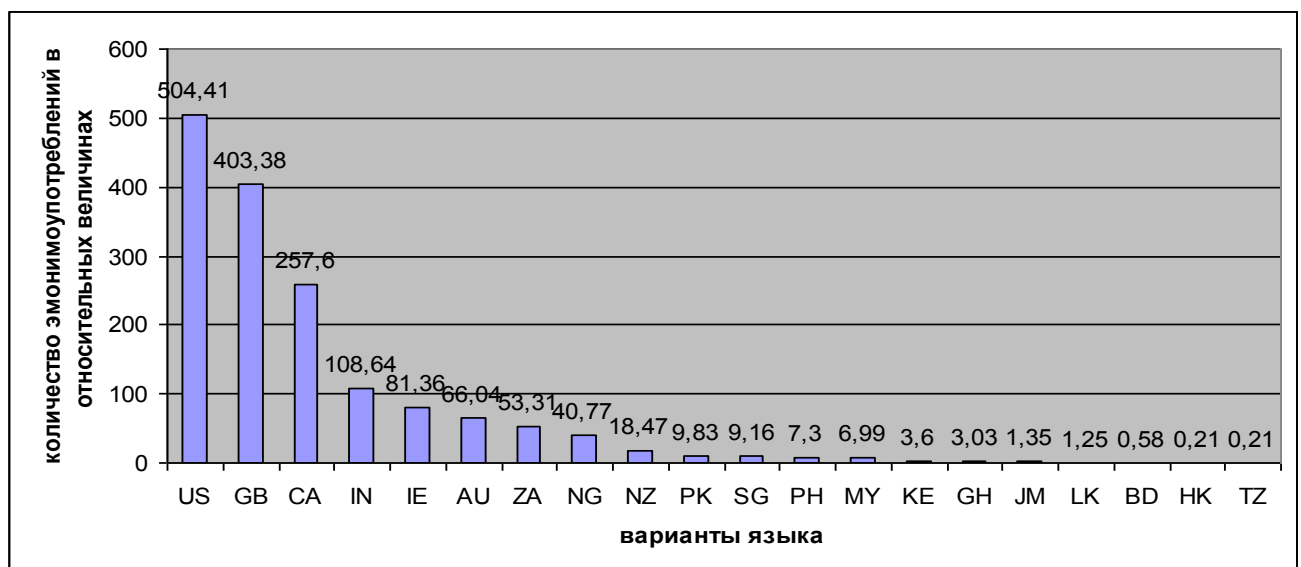

Рис. 16. Встречаемость эмонимов с классификатором [SV_{exist} in/inside a container] по идиомам

Наиболее частое употребление эмонимов в экзистенциальной конструкции было зафиксировано в американском и европейском ареалах, а также в варианте английского языка Австралии и Индии (Рис. 16). Немалое

количество примеров также было обнаружено в нигерийском и южноафриканском вариантах английского.

В американском и британском вариантах английского все 23 эмонима встречаются с классификатором [*SV_{exist} in/inside a container*]. В австралийском и пакистанском английском не найдено свидетельств употребления *pride* в данной конструкции, а в нигерийском английском то же можно сказать о *relief* (облегчение), в канадском – *pride* (гордость) и *pity* (жалость), в ирландском – *relief* (облегчение) и *concern* (участие), в индийском – *pride* (гордость) и *relief* (облегчение).

б) Классификатор [*VO/V in/into a container*].

Классифицирующая конструкция [*VO/V in/into a container*] используется для описания помещения объектов в некотороеместище. Практически все эмонимы, за исключением *sympathy* (сочувствие) употребляются с данным классификатором. На Рисунке 17 представлены эмонимы, встречающиеся по данным корпуса с данным классификатором.

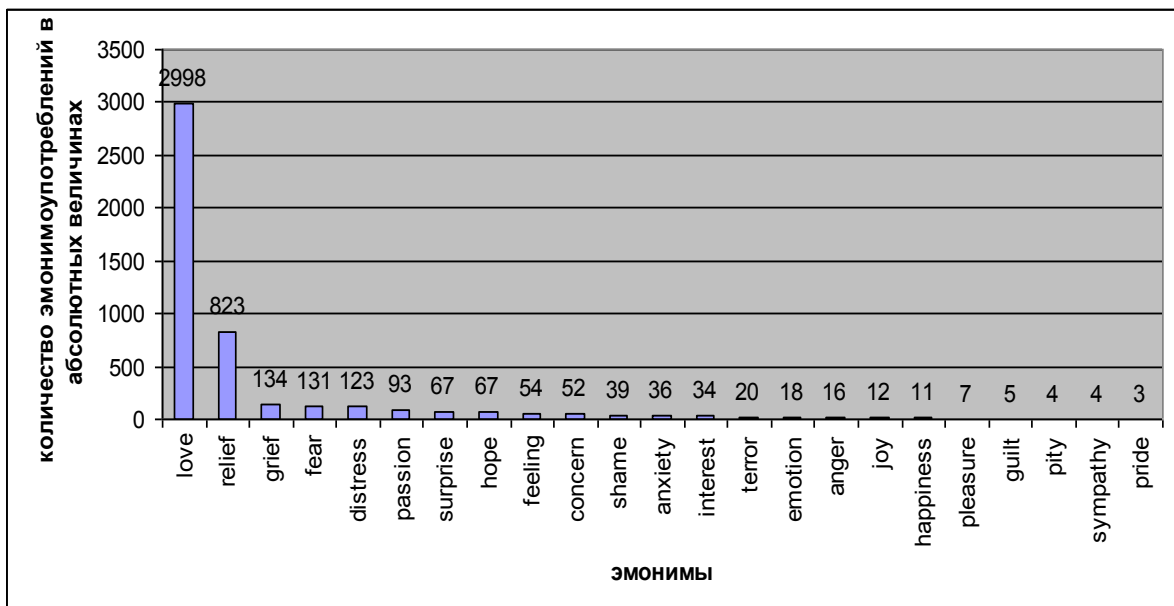

Рис. 17. Встречаемость эмонимов с классификатором [*VO/V in/into a container*]

Максимальное количество словоупотреблений в данной глагольной локативной конструкции приходится на имя *love* (57,07%

словоупотреблений). Самым коммуникативно востребованным из локативных классификаторов типа *[VO/V in/into a container]* является *[fall in/into a container]*.

Человека, как предмет, можно поместить, буквально бросить, в чувства (пример 65), в радость или в ужас (пример 66).

65) *The problem is that men don't take time between rounds to **be thrown into their feelings** (ZA).*

66) *I'm incredibly grateful I had the opportunity to **be thrown into the joy and terror** that makes up a year in Cory's life (US).*

В филиппинском варианте АЯ мысли можно сложить в счастье (пример 67), а в канадском английском человек сам себя помещает в гордость (68).

67) *You should **put a great deal of thought into the happiness** that you are able to give (PH).*

68) *By justifying his callous deeds, he **puts himself in pride** (CA).*

Вкладывая что-то в свои чувства, человек надеется получить из этого выгоду для себя, для своего благополучия. Так, энергия и силы, которые «вкладываются» в счастье и времяпрепровождение с семьей, принесут то самое благосостояние, о котором каждый мечтает (пример 69). В примере 70 гордость и радость ассоциируются с содержащим, в который кладут (вкладывают) время и вложения.

69) *We can **put more energy into wellbeing, happiness and spending time with family and friends** (GB).*

70) *The scrupulous hours of dedication and investment that Luke **put into his pride and joy**, showed what a conscientious person he was (GB).*

В надежду можно вложить вред, который ставит под сомнение способность избежать поражения (пример 71).

71) *This will **put a dent in Sunderland's hopes** of avoiding a defeat (ZA).*

Только в варианте английского Танзании не зафиксировано употребление эмонимов с классификатором *[VO/V in/into a container]*.

Наибольшее количество примеров было обнаружено в американском, британском, индийском и канадском идиомах; наименьшее количество – в бангладешском, шриланкийском и гонконгском вариантах (Рис. 18).

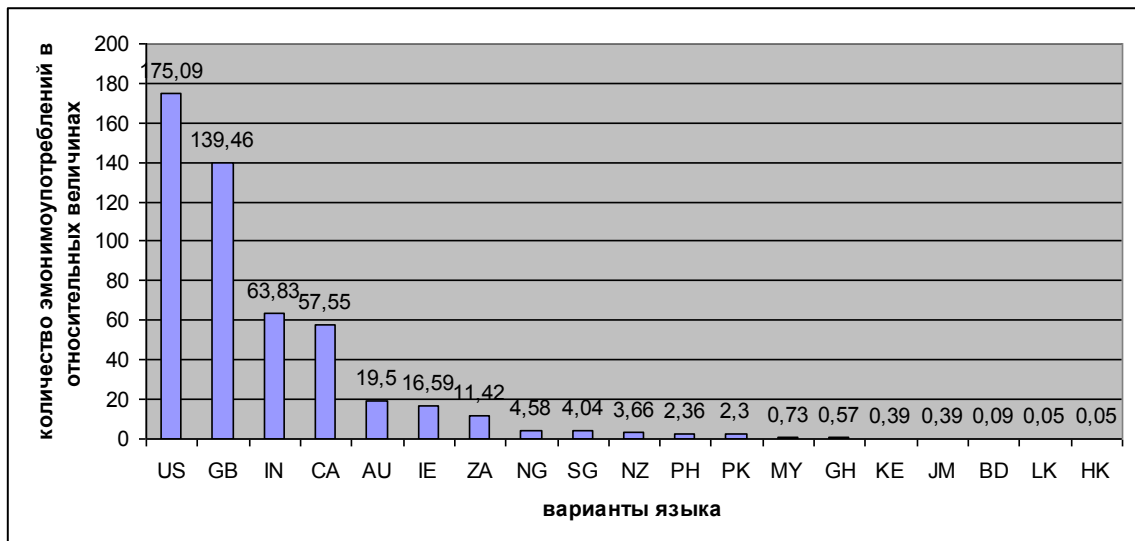

Рис. 18. Встречаемость эмонимов с классификатором [VO/V in/into a container] по идиомам

Гипотетически, наличие полости, заполненной или пустой, предполагает, что ее можно заполнить. Однако в американском английском не обнаружено языковых свидетельств того, как наполняют гордость (*pride*), в канадском и британском идиомах не обнаружено примеров со словами *joy* (радость), *pleasure* (удовольствие) и *sympathy* (сочувствие), в индийском варианте – *sympathy* (сочувствие), *pride* (гордость), *pity* (жалость) и *guilt* (вина) (Рис. 19).

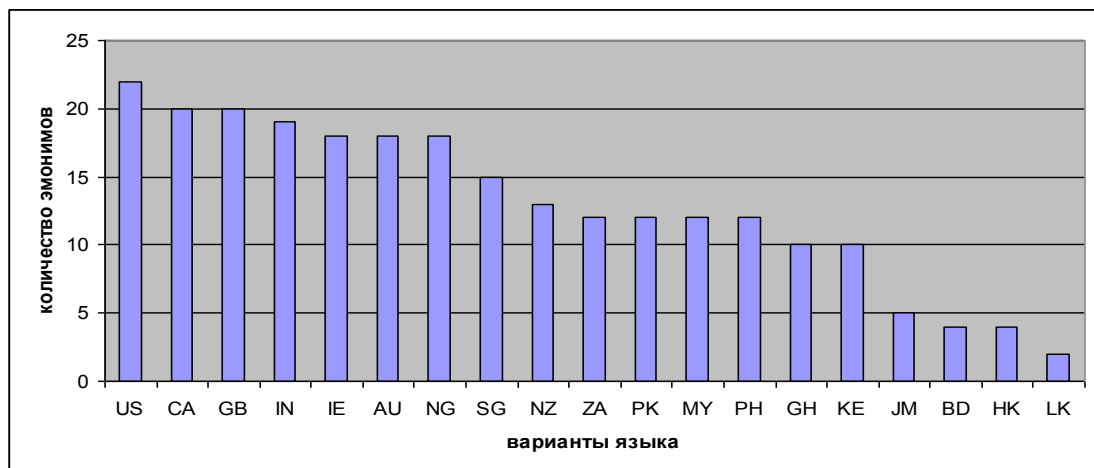

Рис. 19. Количество эмонимов с классификатором [VO/V in/into a container] по идиомам

Объяснением может быть принцип экономии, согласно которому, например, метафора наполняемости гордости избыточна для американского языкового сознания в определенный момент времени (см. подробнее в разделе 2.3.). Однако при благоприятных обстоятельствах такой сочетательный потенциал лексемы *pride* может быть реализован в тексте на американском английском (примеры 72-73).

72) **I found social inhibitions of the Americans in their pride.*

73) **What does the USA put in their pride?*

Интересно отметить, например, тот факт, что в малазийском английском были найдены контексты с 16 эмонимами, встречающимися в классификаторе [*VO/V in/into a container*], но практически со всеми (за исключением трех лексических единиц – *love* (любовь), *feeling* (чувство) и *relief* (облегчение)) были зарегистрированы окказиональные словоупотребления.

с) Классификатор [*VO/V out of a container*].

Анализ выборки показал, что все эмонимы встречаются в классифицирующей конструкции [*VO/V out of a container*], однако ее функциональная нагрузка в языковой категоризации эмоций по образу и подобию вместилища более, чем в 1,5 раза меньше коммуникативной значимости классификатора [*VO/V in/into a container*] и почти в 6 раз меньше классифицирующей конструкции [*SV_{exist} in/inside a container*] (см. Приложение). Примечательно, что классификатор [*fall out of a container*], при довольно большой частотности в маркировании признака ‘покинуть, дословно, выпасть из вместилища’, присущ исключительно одному имени – *love* (пример 74). Сочетательная избирательность имени (СИ), однако, обеспечивает устойчивость коммуникативного обращения выражения *fall out of love*. Сначала человек по-надает в любовь-вместилище, потом из него выпадает. Так устроен мир, а в языке этом мир отражается. Такие случаи в

лингвистике квалифицируются как фразеологизмы, идиомы или просто устойчивые выражения.

74) *They had **fallen out of love** by then, but she blamed herself for the shooting because she irritated him (JM).*

Общее количество словоупотреблений в классифицирующей конструкции [VO/V out of a container] – составляет 2928 словоупотреблений (11,12%). Только одно имя *pride* встречается с данным классификатором окказионально (0,03% словоупотреблений), все остальные эмонимы – рекуррентно. На Рисунке 20 представлены эмонимы, встречающиеся в конструкции [VO/V out of a container].

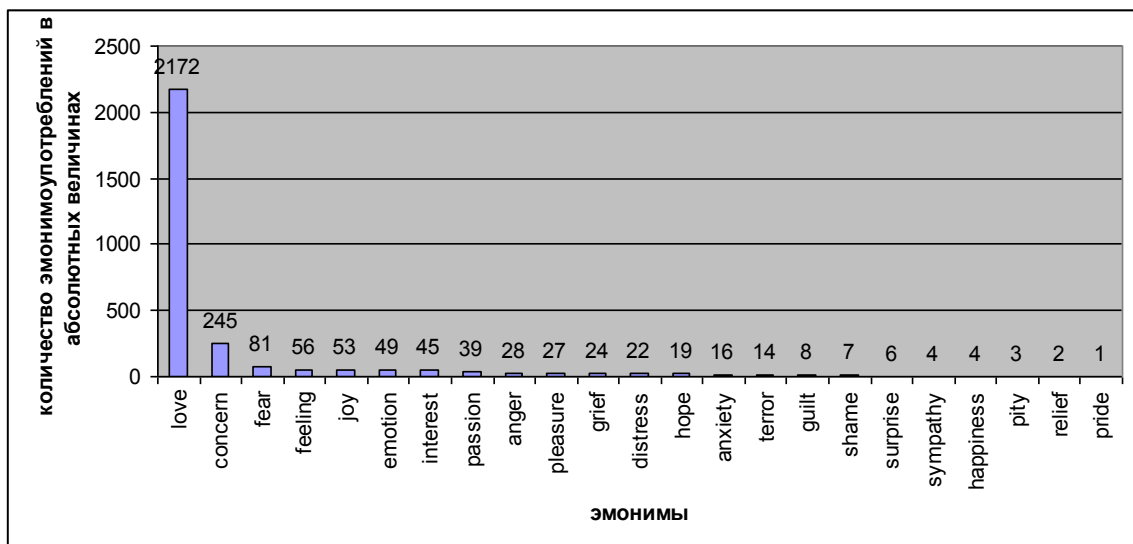

Рис. 20. Встречаемость эмонимов с классификатором [VO/V out of a container]

Из радости «достають» счастье (пример 75).

75) <...> *the amount of happiness he **took out of the simple joy** of playing football (IE).*

На примерах 76 и 77 хорошо показать принцип матрешки, согласно которому радость одного человека содержится в (и извлекается из) радости другого, а та, в свою очередь, извлекается из удовольствия. Ср., русские народные сказки (про жизнь Кашея). Более подробно данный принцип будет рассмотрен в разделе 2.4.

76) *I **take joy out of his joy** (US).*

77) *I am unable to **take joy out of the simple pleasures** of life (CA).*

Из дореволюционной императорской гордости автор извлекает свои истории (пример 78), а из чувств, возникших после просмотра фильма, можно вытащить человека (пример 79).

78) ***Taking out of pre-revolutionary imperial pride, and historic Orthodox culture, his patriotic narrative was invoked to justify** <...> (CA)*

79) *Sometimes they even **take you out of the feeling** of the movie you just watched (AU).*

Из радости других людей можно достать надежду для тех, кто находится в расстроенных чувствах (пример 80). Душевное спокойствие – это комфортные условия, наслаждения, которые можно извлечь из простых радостей жизни (пример 81). Вдохновение можно черпать, буквально ‘вытащить’, из ужаса и террора (пример 82).

80) *For those who will be disappointed, they must now **take hope out of the joy of the others**, and stand strong in the belief that soon, they will be happy (NG).*

81) *Quietism affirms the value of comfort and convenience and the gratification **taken out of the simple pleasures** of life (CA).*

82) *What kind of a country it was that **took inspiration out of terror** (IN)?*

Любовь любящих, родных и близких людей может поддерживать и вдохновлять. Если же из любви-вместилища «вынимают» чувства и эмоции, то она опустошается (пример 83). Опустошение может возникнуть и в случае смены вкусов, предпочтений к тому или иному роду деятельности. В примере 84 человек перестал черпать вдохновение из музыки – он находится вне радости-вместилища.

83) *<...> if love was to be **taken out of your love**, your love will have no depth or substance (KE).*

84) *I have become ever more **taken out of the joys of feeling music** (AU).*

Радость от проведенных дней с семьей и друзьями велика и глубока. В примере 85 говорится о долгом путешествии, которое не будет находиться во

вместилище – будет изъято из него, а в примере 86 дается совет ‘изъять’ себя из эмоций, освободиться от личных обид и переживаний.

85) <...> *but Ms Bruce says it can be a long way **taken out of the traditional joy of sharing the day with family and friends** (AU).*

86) *Take any personal grievances out of your approach and **take yourself out of your emotions** (AU).*

Из безответной любви можно *извлечь* вдохновение для написания поэтических произведений (пример 87), которое, однако, можно черпать и из страстного увлечения музыкой и театром (пример 88). Страстное увлечение является вместилищем, из которого можно ‘вытащить’ свою индивидуальность (пример 89) или мужество, бодрость духа, необходимые для преодоления неурядиц (пример 90).

87) <...> *and just as Yeats **got a lot of poetry out of unrequited love for Maud Gonne**, so Cohen has written best out of failure <...> (IE).*

88) *I **get a lot of my inspiration out of passion and intensity**, be it music, art, performances or a good book (CA).*

89) *You ultimately **get your identity out of the passion and intensity you have within you** (IN).*

90) *We **get courage out of your passion** (PK).*

Для актеров некоторые роли могут быть судьбоносные, поэтому играть нечто, предвещающее несчастье, не каждый соглашается. Необходим катализатор, фактор, вызывающий перемены во мнении и настрое, для того чтобы избавиться от настоящего ужаса, связанного с предстоящей работой (пример 91).

91) *What was the catalyst to **get you out of sheer terror** (SG)?*

В отличие от предыдущих двух видов классификаторов в глагольной локативной конструкции [VO/V out of a container] на первое место при распределении по вариантам выходит британский вариант английского языка, на который приходится 26,3% словоупотреблений от общего количества примеров по этой конструкции. Наименьшую представленность в

данной конструкции имеют варианты английского языка азиатского ареала (шриланкийский, бангладешский, гонконгский, пакистанский, малазийский и сингапурский), а также Ганы и Кении.

Схожим с другими локативными конструкциями является то, что первые шесть мест, наряду с британским, занимают американский, канадский, ирландский, индийский и австралийский варианты. В танзанийском английском не было зафиксировано ни одного контекста.

Ни в одном из вариантов не обнаружено примеров со всеми 23 эмонимами. В американском идиоме с классификатором [*VO/V out of a container*] употребляется 19 эмонимов. Нет контекстов с *sympathy* (сочувствие), *pride* (гордость), *pity* (жалость), и *relief* (облегчение) (Рис. 21).

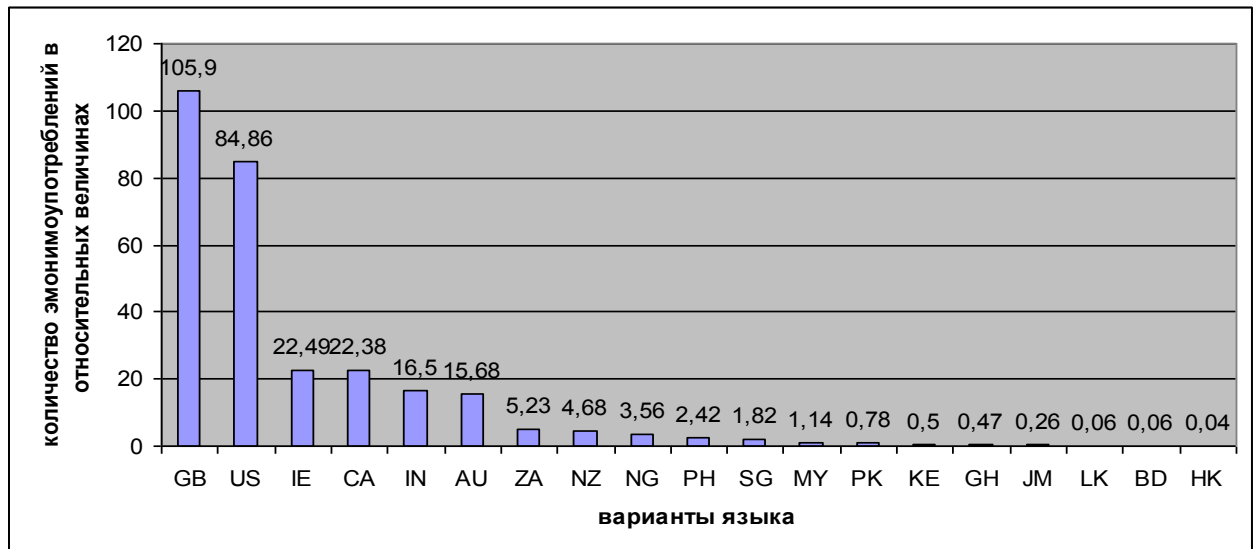

Рис. 21. Встречаемость эмонимов с классификатором [*VO/V out of a container*] по идиомам

Итак, мы проанализировали функциональную нагрузку и коммуникативную востребованность по идиомам глагольных локативных классификаторов. Теперь рассмотрим предикативные классификаторы.

2.2.2 Предикативные классификаторы

Рассмотрим результаты анализа употребления эмонимов в предикативных конструкциях [*a container is deep*] VS [*a container is shallow*]; [*a container is full*], [*a container is filled (with)*] VS [*a container is empty*],

классифицирующих рассматриваемый криптокласс, в двадцати вариантах английского языка. Доля коммуникативной значимости конструкций в языковой категоризации эмоций и чувств по образу и подобию вместилища в англоязычном пространстве показана на рисунке 22. Так, мы видим, что наибольшее количество словоупотреблений приходится на классификатор *[a container is deep]* (66,49% от общего количество словоупотреблений во всех рассматриваемых предикативных конструкциях). Это почти в 3 раза больше эмонимоупотреблений в следующем на втором месте классификаторе *[a container is full]* – 22,89%. Наименьший показатель приходится на классификатор *[a container is empty]* (1,36%).

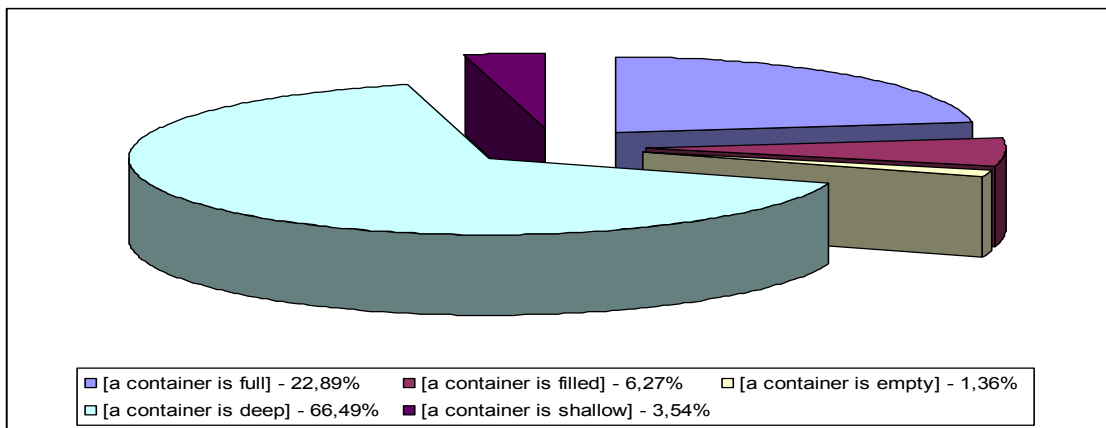

Рис. 22. Коммуникативная значимость предикативных классификаторов по данным корпусов NOW и GloWbE

На Рисунке 23 представлена информация о количестве метафоронимов, встречающихся в предикативных конструкциях по данным корпусов.

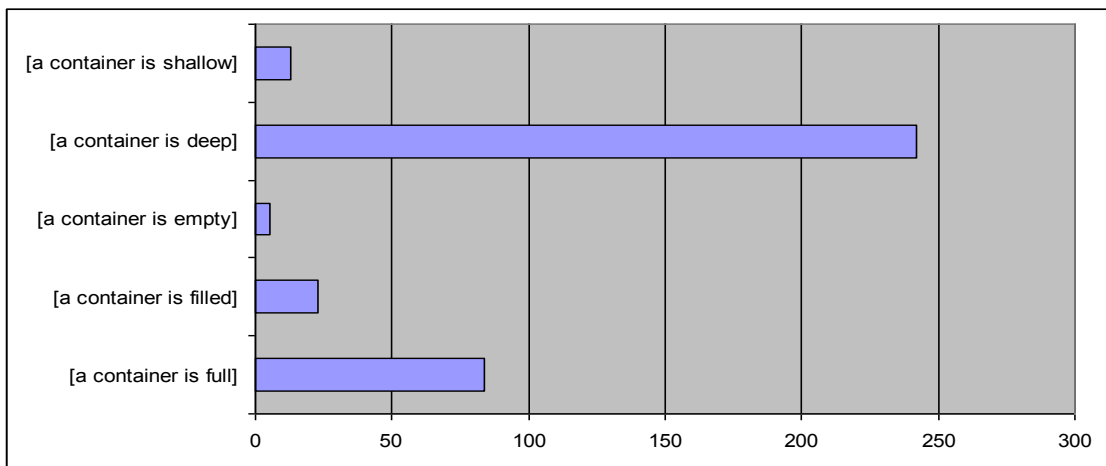

Рис. 23. Распределение словоупотреблений по предикативной конструкции *[N is Adj.]* согласно данным корпусов NOW и GloWbE

Как видно из диаграмм на рисунках 22 и 23, частотность той или иной предикативной конструкции всегда соотносится с количеством имен, встречающихся в ней. Так, например, в классифицирующей конструкции [*a container is deep*] зарегистрировано больше словоупотреблений, чем в других; количество эмонимов, употребляющихся в ней (20), также наибольшее.

Рассмотрим каждый классификатор в отдельности.

2.2.2.1 Классификатор [*a container is deep*]

Самой коммуникативно востребованной из предикативных является конструкция [*a container is deep*].

Представим этимологию признакового слова *deep*:

Deep: Old English *deop* “having considerable extension downward”, especially as measured from the top or surface, from Proto-Germanic *deupaz (source also of Old Saxon *diop*, Old Frisian *diap*, Dutch *diep*, Old High German *tiof*, *Germantief*, Old Norse *djupr*, Danish *dyb*, Swedish *djup*, Gothic *diups* “deep”), from PIE root **dheub-* “deep, hollow” (source also of Lithuanian *dubus* “deep, hollow”, Old Church Slavonic *duno* “bottom, foundation”, Welsh *dwnf* “deep”, Old Irish *domun* “world”, via sense development from “bottom”). Как видим, признак глубины вместилища, измеряемой глазом, связан с дном.

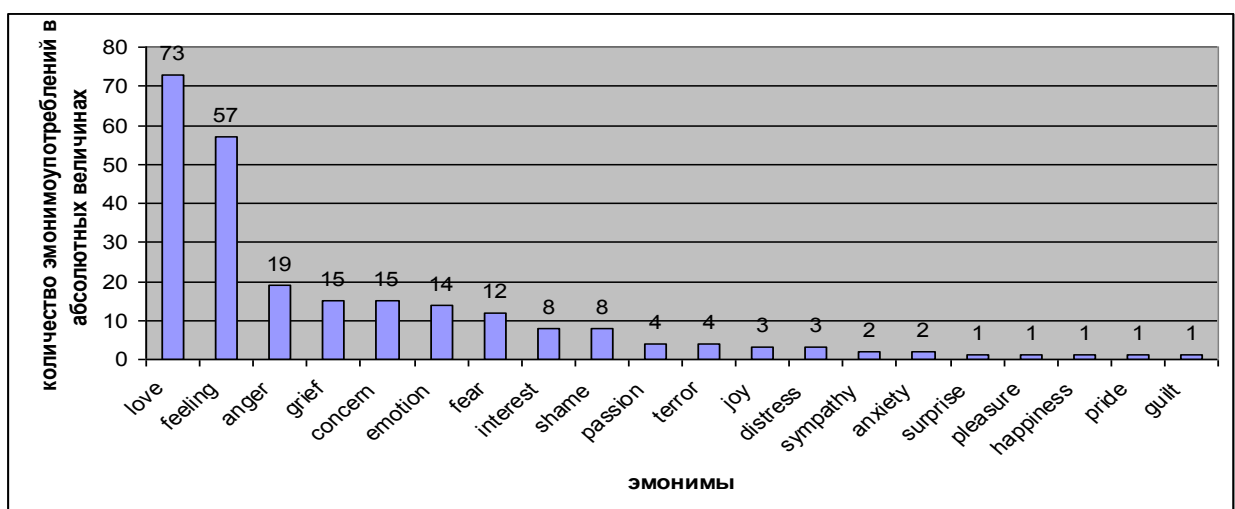

Рис. 24. Эмонимы в предикативной конструкции [*a container is deep*]

Анализ данных корпусного исследования показал, что в конструкции *[a container is deep]* употребляются 20 эмонимов (Рис. 24).

Что касается распределения по вариантам языка, то только в двух идиомах – в вариантах АЯ Бангладеш и Танзании – словоупотреблений зафиксировано не было. Наибольшие количественные показатели были зарегистрированы в американском и британском вариантах английского; окказиональные словоупотребления зафиксированы в вариантах АЯ Гонконга, Шри-Ланки, Ямайки, Пакистана и Сингапура (см. Рис. 25).

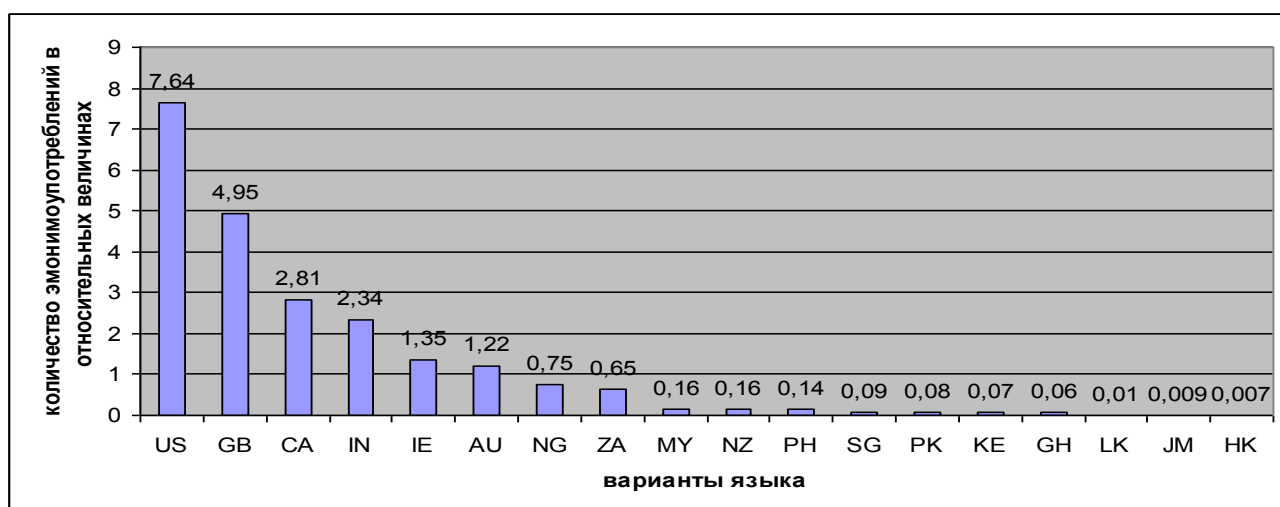

Рис. 25. Встречаемость эмонимов с классификатором *[a container is deep]* по идиомам

Практически все эмонимы (за исключением *pity* (жалость) и *relief* (облегчение)) употребляются с данным классификатором. Максимальное количество словоупотреблений в конструкции *[a container is deep]*, приходится на имя *love* (29,92% словоупотреблений, примеры 92-94).

92) *This is heartbreaking for both of us as our love was very deep, but in the last year we have become estranged (CA).*

93) *The pictures shared here may be a sharp contrast upon viewing them but then, love is very deep and goes beyond things like that (NG).*

94) *Love is very deep and incomprehensible (US).*

Интересно, что глубину любви можно измерить на глаз. Возможность замерять глубину любви-вместилища маркируется во всех вариантах

английского сравнительными конструкциями (глубже – *deeper*, *намного глубже* – *much deeper*, *такая глубокая, что so deep ... that*) (примеры 95-97).

95) *There is a healer, his love is deeper than the sea (US).*

96) *We form a circle around you to show you that our love is much deeper than any kind darkness and hatred that exists in our world (CA).*

97) *God's love is so deep that no-one will ever understand it (AU).*

Наряду с любовью (*love*) по образу и подобию вместилища категоризируются все чувства (*feeling*), 57 контекстов (примеры 98- 99).

98) *If the feelings are so deep, then it might negatively affect tourism and everything (NG).*

99) *The feeling is so deep and the gratitude so powerful that I am left almost without expression (US).*

2.2.2.2 Классификатор [a container is shallow]

Предикативная конструкция [*a container is shallow*] является оппозицией конструкции [*a container is deep*]. Это указано и в этимологии данной лексической единицы: мелкий (*shallow*) значит неглубокий (*not deep*):

Shallow: schalowe “not deep”, probably from Old English *sceald*.

Классификатор криптокласса [*a container is shallow*] представляет особый интерес. Если наполняемость воображаемого вместилища безусловно измеряется в терминах полный – пустой, причем любой из этих параметров может выступать как временный: *full pleasure can be empty* или *an empty feeling can get full*, то глубина вместилища – величина достаточно стабильная, если только это не *водоемкость*. Рекам и озерам, как известно, свойственно мелеть. Именно семантический признак ‘быть/становиться мелким’, отвечающий в когнитивном плане за временное состояние вместилища определенного вида (водоемкости), оформляется предикативной конструкцией [*a container is shallow*]. Неудивительно, в свете сказанного, что большинство эмонимов с этим классификатором не встречается, а если и встречается, то окказионально, в основном в американском варианте языка.

Максимальное количество словоупотреблений в предикативной классифицирующей структуре *[a container is shallow]* приходится на имя *love* (25% словоупотребл.). Временный для чувства любви признак ‘быть/стать мелким’, (пример 100), равно как и ‘быть/стать более глубоким’ (101) маркируется данным классификатором в американском и филиппинском английском.

100) *The shallower your love, the more fleeting your heartbreak is (US).*

101) *My first love was shallow but that it can be deepened (PH).*

Функциональная нагрузка классифицирующей конструкции *[a container is shallow]* очень мала: 10 словоупотреблений в 7 идиомах. Как видим, если признак глубины чувств и эмоций значим в англоязычном пространстве, то признак отсутствия этой глубины не столь коммуникативно значим: количество словоупотреблений в классифицирующей конструкции *[a container is deep]* в 24 раза больше, чем количество словоупотреблений в конструкции *[a container is shallow]* (см. Приложение).

На Рисунке 26 представлены эмонимы, встречающиеся с этим классификатором, а на Рисунке 27 распределение эмонимоупотреблений по вариантам английского. Максимально признак отсутствия глубины значим для носителей американского, а минимальный – южноафриканского английского.

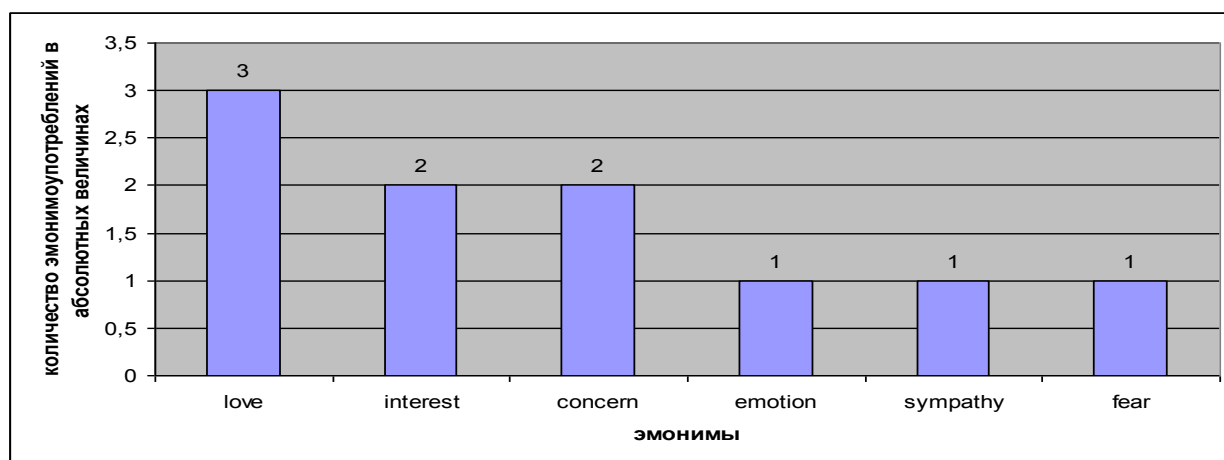

Рис. 26. Встречаемость эмонимов с классификатором *[a container is shallow]*

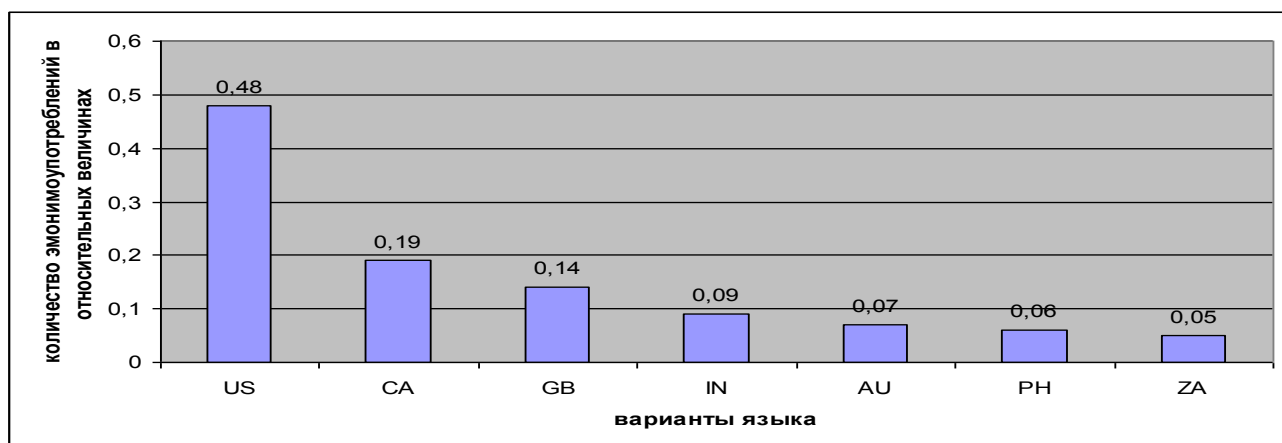

Рис. 27. Встречаемость эмонимов с классификатором [*a container is shallow*] по идиомам

2.2.2.3 Классификаторы [*a container is full (of smth.)*] и [*a container is filled (with smth.)*]

Прилагательное **full** происходит от староанглийского слова, которое обозначает “containing all that can be received; filled; perfect, entire, utter”, “from Proto-Germanic *fullaz “full” (source also of Old Saxon full, Old Frisian ful, Dutch vol, Old High German fol, German voll, Old Norse fullr, Gothic fulls), from PIE root *pele- (1) “to fill”.

Функциональная нагрузка классификатора [*a container is full (of smth.)*] намного меньше атрибутивной [*a full container*] и по идиомам, и по метафоронимам криптокласса, которые употребляются с данными классификаторами. Исключением являются имена **joy** (10,08% словоупотреблений, пример 102-103) и **love** (6,81% словоупотреблений, примеры 104-106). Радость – это вместилище, которое может быть наполнено любовью (пример 103). При этом любовь – содержимое (пример 103) и содержащее (примеры 104-106).

102) *Our joy is full because we have been living in bondage for so long (NG).*

103) *His mother was a joy, which was full of life and love (AU).*

104) *Throughout all these years that I have lived without freedom, our love was full of bitterness imposed by outside circumstances (GB).*

105) *Love is full of hope, happiness and belonging (US).*

106) *You are probably the first woman who made me conscious of the reality that love is full of uncertainties (PH).*

Рисунок 28 дает информацию о словоупотреблениях по идиомам в предикативной конструкции *[a container is full]*. Эмонимы встречаются в данной конструкции в 14 вариантах английского, причем только в шести (канадском, американском, британском, а также в идиомах Нигерии, Филиппин и Ганы) употребляются рекуррентно.

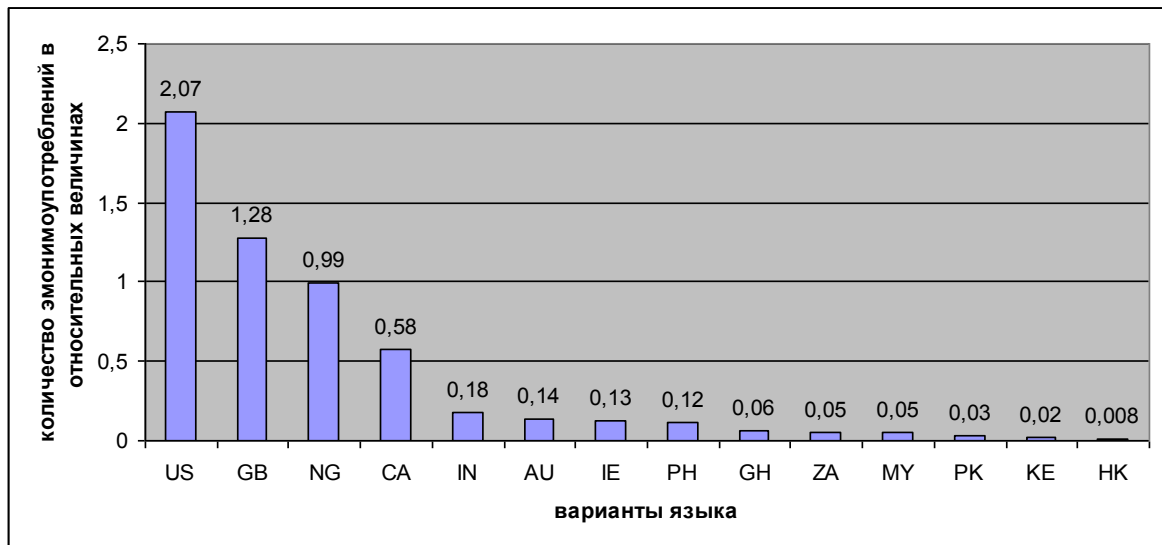

Рис. 28. Встречаемость эмонимов с классификатором *[a container is full]* по идиомам

Еще одним классификатором криптокласса, маркирующим в речи функционально значимое свойство формы «вместилище», является предикативная конструкция *[a container is filled (with smth.)]*, которая, по сути, представляет собой производное от глагольной транзитивной (объектной) конструкции *[fill a container (with smth.)]* (наполнить вместилище чем-то). Так, надежды заполняются благими желаниями (пример 107), любовь – чувственными удовольствиями (пример 108), горе – гневом (109), а эмоции – радостью (110).

107) *“My hopes are filled with well wishes that they get to feel what my little treasure, York Banks Asla, feels like in my arms,” she stated (US).*

108) *Tolstoy believed that if two married people stay together and their initial love is mostly filled with sensual pleasure and carnal love it can quickly turn into hatred (LK).*

109) *However, **grief filled with anger** was visible on their faces and every one wanted an answer (IN).*

110) *When she finally tracked her son on the Internet, her **emotions were filled with joy** (IN).*

В 11 идиомах эмоции осмысляются как заполненное вместилище (Рис. 29)

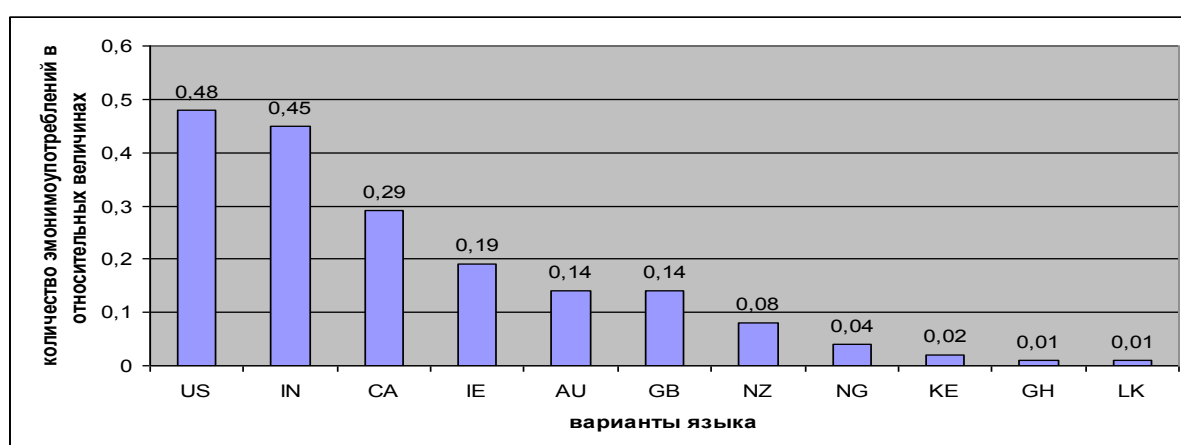

Рис. 29. Встречаемость эмонимов с классификатором [a container is filled] по идиомам

Действительно, роль данного классификатора в категоризации эмоций по образу и подобию вместилища при маркировании временного признака ‘заполняемости вместилища’ мала и, на первый взгляд, как будто не важна. Однако, на наш взгляд, именно с такими классификаторами – предикативными – связана высокая вероятность появления авторских метафор, в частности, для рассматриваемых в работе эмонимов. Примеры 111 и 112 представляют собой теоретически возможные высказывания, сконструированные по правилам расширения сочетательного потенциала имени в соответствии с принципами реализации именем своих криптоклассных интенций. Об этом подробнее см. в [Борискина 2011e].

111) * *His **concern is filled with** good intentions.*

112) * *Her **fears are filled with** rejections and superstitions.*

Уникальность образной схемы «контейнер» состоит в том, что действует принцип обратимости эмоций и чувств: в одних контекстах они выступают содержащим, а в других они уже становятся содержимым. Эмоции являются вместилищем в примере 113, но содержимым в 114 и наоборот радость является вместилищем в 114, но содержимым в 113.

113) *Her emotions were filled with joy.*

114) *Her joy was filled with emotions.*

На Рисунке 30 представлены имена, которые встречаются в корпусе в предикативной конструкции [*a container is filled*].

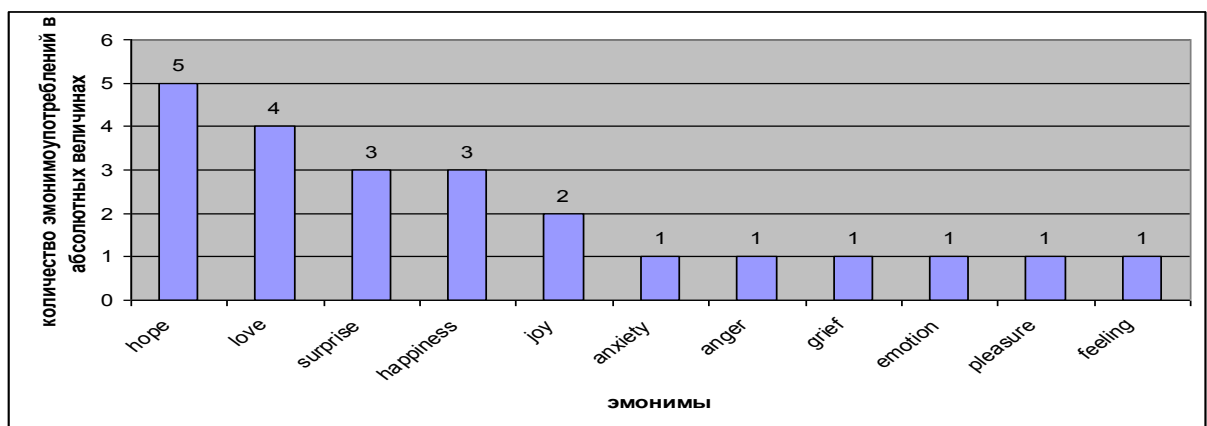

Рис. 30. Встречаемость эмонимов с классификатором [*a container is filled*]

В примерах 115 и 116 любовь заполнена отрицательными явлениями, что ведет к появлению смешанных чувств. Когда любовь заполняется болью (пример 115), или неопределенностью и рисками (пример 116), это доставляет неудобства, мешает человеку работать.

115) *Karan Johar wants love which will be filled with pain (IN).*

116) *Love is filled with uncertainties and risks (US).*

Согласно корпусным свидетельствам, эмоции и чувства с положительной коннотацией наполняются чем-то положительным. Так, эмоции могут быть заполнены радостью (пример 117), удивление, возникшее вследствие услышанного, – надеждой и одобрением (пример 118), или восхищением, которое резко сменяется эмоцией страха (пример 119).

117) *But when she finally tracked her son on the Internet, her **emotions were filled with joy** (IN).*

118) *I saw the eyes, which had been widened with surprise, and this **surprise was now filled with hope and recognition** (IN).*

119) *It was a huge **surprise, which was filled with delight**, followed swiftly by **fear**, when they informed me a few months ago that we'd been accepted (NZ).*

Тревога и горе уже сами являются негативными эмоциями, поэтому будучи наполненными чем-то отрицательным, они превращаются в пороховую бочку. В примере 120 тревога заполняется чувством беспокойства, которое провоцирует еще большее раздражение, а в примере 121 горе заполнено гневом, что отражается на лицах людей.

120) *<...> keeping him in a heightened sense of **anxiety filled with trepidation** (KE).*

121) *However, **grief filled with anger** was visible on their faces and everyone wanted an answer (IN).*

2.2.2.4 Классификатор [a container is empty]

Этимологическое развитие слова *empty* представлено в параграфе 2.2.1.2. Конструкция [*a container is empty*], характерная только для четырех эмонимов *feeling* (чувство), *pleasure* (удовольствие), *hope* (надежда) и *guilt* (вина) является наименее коммуникативно нагруженной. Данный классификатор, по всей видимости, маркирует отклонение от нормы. Если признать, что в норме удовольствие должно быть полным (наполненным вместилищем), и у говорящего нет необходимости в языковом маркировании нормального положения дел, то отсутствие полного удовольствия провоцирует человека на создание образа, соизмеримого с пустым сосудом. Так, в примере 122 удовольствию приписывается временный признак 'пустого вместилища'.

122) *A life that is built on fame, fortune or **pleasure, which are empty**, is shallow and they will pass away (US).*

Примеров употребления непредметных имен в предикативной конструкции [*a container is empty*] мало, и все они окказиональные. Что касается языковой вариативности, то образ пустого чувства-вместилища коммуникативно актуализируется в англоязычном дискурсе США, Канады, Австралии и Нигерии. В остальных вариантах английского языка ни для одной из рассматриваемых эмоций этот образ не идентифицируется, возможно, в силу недостаточной репрезентативности данных подкорпусов.

Примеры 123-124 иллюстрируют окказиональное употребление эмонимов *feeling* и *hope* с классификатором [*an empty container*]. В примере 124 говорится о том, что необходимо брать в свои руки инициативу и не надеяться только на счастливую случайность, возвращая в себе ничем не подкрепленную надежду.

123) *Scent is empty. Taste is empty. Even feelings are also empty (CA).*

124) *<it's > necessary to take control of our destiny, hope is empty (NG).*

2.2.3 Атрибутивные классификаторы

Рассмотрим результаты анализа встречаемости эмонимов в атрибутивных конструкциях [*a full container*], [*an empty container*] в двадцати вариантах английского языка.

Доля коммуникативной значимости атрибутивных конструкций в языковой категоризации эмоций и чувств по аналогии с вместилищем в англоязычном пространстве показана на Рисунке 31.

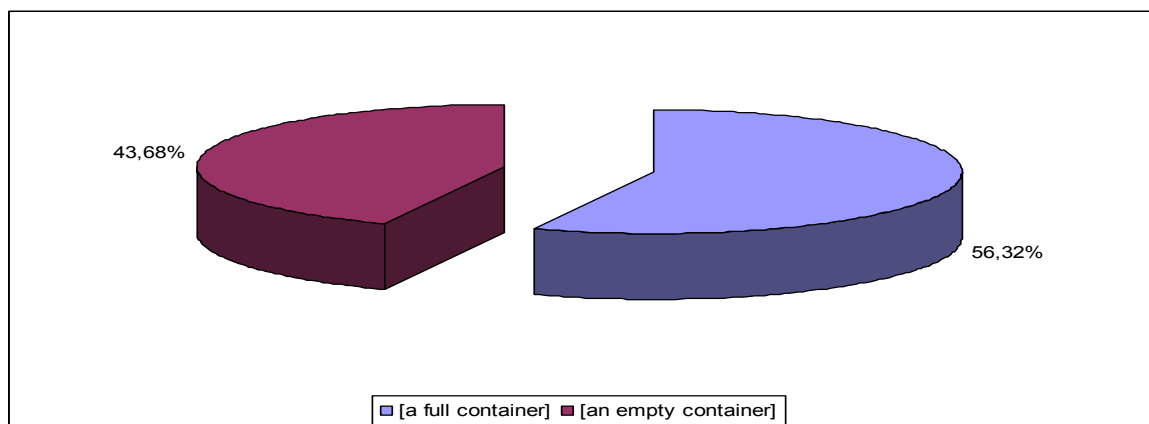

Рис. 31. Доля коммуникативной значимости атрибутивных конструкций

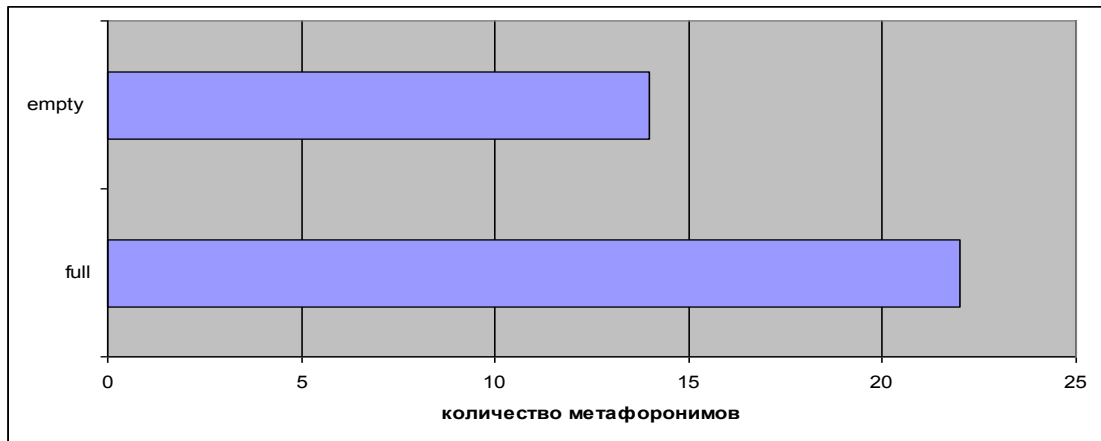

Рис. 32. Метафоронимы с атрибутивными классификаторами

На Рисунке 32 представлена информация о количестве эмонимов, встречающихся с каждым классификатором по данным корпусов NOW и GloWbE. Как видим, *[a full container]* более функционально нагружен, чем *[an empty container]*.

Рассмотрим каждый из атрибутивных классификаторов в отдельности.

2.2.3.1 Классификатор *[a full container]*

Наряду с формой метафорического вместилища для языковой категоризации эмоций когнитивно значим и признак его наполненности, который в английском языке представлен не только рассмотренными выше глагольными и предикативными классификаторами (см., разделы 2.2.2.3 и 2.2.2.4), но и бинарной оппозицией атрибутивных конструкций *[a full container]* VS *[an empty container]*.

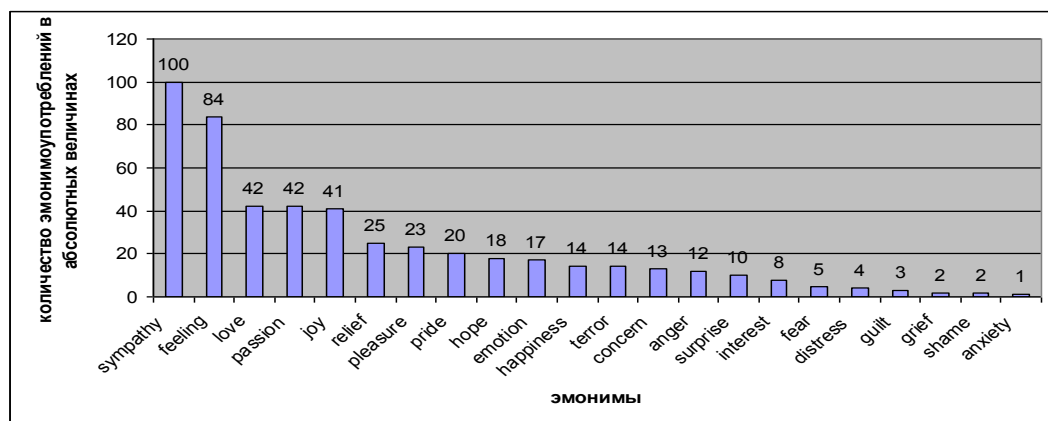

Рис. 33. Метафоронимы, встречающиеся в атрибутивной конструкции *[a full container]*

Корпусные данные свидетельствуют о том, что практически все эмоции-вместилища (кроме *pity*) могут быть наполнены. На Рисунке 33 представлены все имена, встречающиеся в корпусе в атрибутивной конструкции [*a full container*].

При сравнении корпусных словоупотреблений по вариантам языка выясняется, что категоризация эмоций по аналогии с наполненным (а иногда и переполненным) вместилищем свойственна для всех вариантов английского языка за исключением идиома Танзании (Рис. 34).

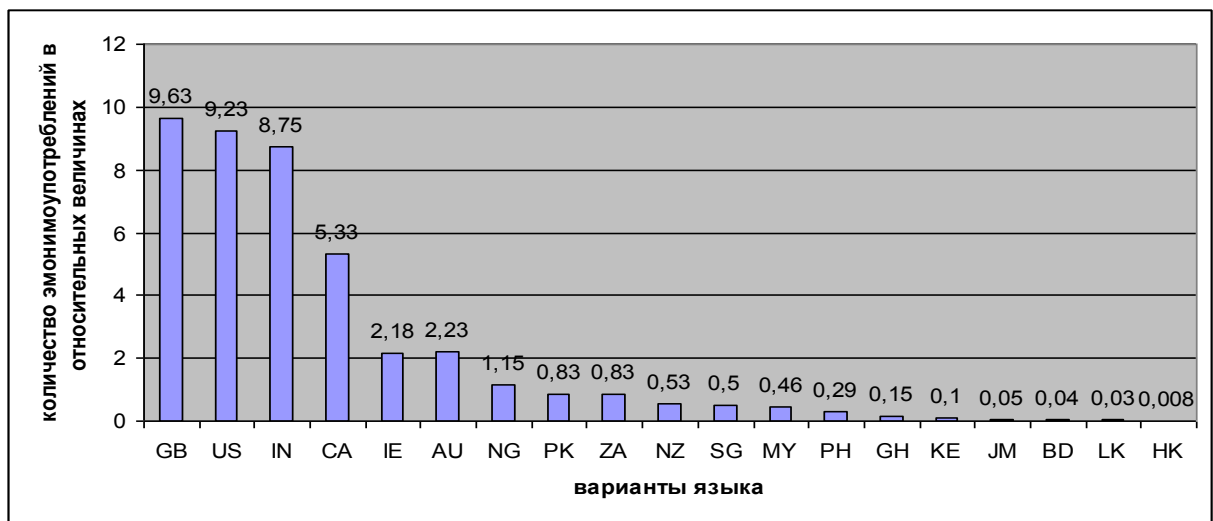

Рис. 34. Встречаемость эмонимов в конструкции [*a full container*] по идиомам

Объяснением может служить малая репрезентативность танзанийского языкового подкорпуса в NOW (ср. [Донина 2017]). Чаще к метафоре «чувства – это наполненные вместилища» обращаются представители англоязычного сообщества Великобритании, США и Индии (примеры 125-127).

125) *Up to now we haven't felt the **full fear** of the fight because Boro have done just enough to stay above the dots (GB).*

126) *There are still moments, needle-sharp but increasingly infrequent, when the **full grief** will hit me and my heart will toss like a horse's head (US).*

127) *Shraddha's parents have laid **full pride** on what their daughter achieved (IN).*

Знание о том, что воображаемое чувство-вместилище наполнено, коммуникативно значимо в первую очередь для метафоризации таких эмоций как сочувствие (*sympathy*) в индийском (40% словоупотреблений от общего количества словоупотреблений эмонима *sympathy*) и пакистанском (12% словоупотреблений), чувство (*feeling*) в британском (16,7% словоупотреблений от общего количества словоупотреблений эмонима *feeling*), канадском (15,2% словоупотреблений) и американском (14,14% словоупотреблений), любовь (*love*) в британском (7,07% словоупотреблений от общего количества словоупотреблений эмонима *love*), малазийском (5,05% словоупотреблений) и нигерийском (5,05% словоупотреблений), страсть (*passion*) в индийском (10,1% словоупотребл. от общего количества словоупотребл. *passion*) и пакистанском (8,08% словоупотреблений) вариантах английского языка (примеры 128-129).

128) “*You have our **full sympathy**, solidarity and support,” he said (AU).*

129) *Whatever team we play for, we play with **full passion** (IN).*

Чувства вины (*guilt*), горя (*grief*), стыда (*shame*) и тревоги (*anxiety*) маркируются как наполненное вместилище в англоязычном пространстве в гораздо меньшей степени, чем все остальные чувства и эмоции. Так, для чувства вины постоянство признака наполненности засвидетельствовано только в канадском, британском и сингапурском вариантах английского (пример 130), для чувства горя – в американском и новозеландском (пример 131-132), чувство стыда – в американском (пример 133), тревоги – в южноафриканском (пример 134).

130) *Kong Hee never fully repented, never admitted his **full guilt** but it will be a jail term nevertheless (SG).*

131) *There are still moments, needle-sharp but increasingly infrequent, when the **full grief** will hit me and my heart will toss like a horse’s head (US).*

132) *While some shared memories of their last skate, others kept it simple, with many saying the **full grief** of his loss had not sunk in yet (NZ).*

133) *We didn't want to project a **full** contrition and **shame** on him because we don't have the evidence for it (US).*

134) *Junk status for South Africa has been dominating economic news for months now; investors are jittery to the point of **full anxiety** about what this will mean for their investments (ZA).*

Словосочетание *full relief* используется для того, чтобы показать, что состояние объекта улучшается. Так, в примере 135 речь идет о полном или почти полном облегчении (*full relief*) болезненного состояния человека. Парадоксально, но полное облегчение связано с отсутствием симптомов болезни. Ср. правило сообщающихся сосудов.

135) *<...> people with a headache behind the ear should see **full** or **nearly full symptom relief** with proper diagnosis and treatment (GH).*

Анализ корпусных данных показал, что только 3 непредметных имени (*grief* (горе), *shame* (стыд) и *anxiety* (тревога)) употребляются с классификатором [*a full container*] окказионально, 19 – рекуррентно.

Сравним, как соотносятся маркирующие признак наполненности вместилища предикативные конструкции ([*a container is full*], [*a container is filled*]) и атрибутивная ([*a full container*]) (см. Рис. 35).

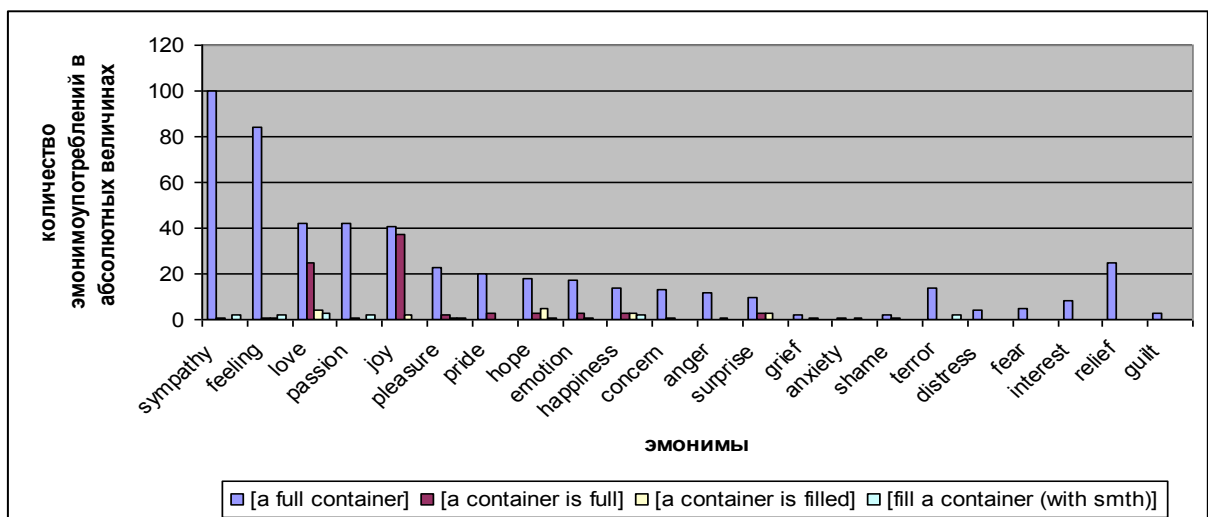

Рис. 35. Метафоронимы, употребляющиеся в атрибутивной конструкции [*a full container*], в предикативных конструкциях [*a container is full*], [*a container is filled*] и глагольной [*to fill a container*]

Как видим, практически для ВСЕХ эмоций (за исключением *жалости* (*pity*) признак наполняемости/наполненности маркируется посредством глагольных или предикативных классификаторов криптокласса, однако тяготеют все рассматриваемые в работе эмонимы к атрибутивной конструкции [*a full container*] (Рис. 35).

2.2.3.2 Классификатор [*an empty container*]

Количества корпусных вхождений рассматриваемых метафоронимов криптокласса «Res Continens» в конструкцию [*an empty container*] мало, но достаточно, чтобы сделать логический вывод: любое вместилище, которое можно наполнить, при условии, что оно маркируется в языке как заполненное, может быть пустым. Если в языке (идиоме) не обнаружено корпусных свидетельств языковой категоризации вместилища как пустого, значит, следует искать причину. Одной из вероятных причин отсутствия корпусных данных может стать малая репрезентативность корпуса и тогда формируется запрос в другом корпусе. Другая причина связана с языковыми законами экономии VS избыточности, которые регулируют переход авторских метафор в узуальные. Эта же причина выступает необходимым условием расширения сочетательного потенциала слова. Достаточным условием такого расширения будет авторская потребность в создании необычного образа, например, в рекламных целях или с намерением не силового, но сильного воздействия на адресата.

Изучив левое окружение исследуемых нами имен, мы выяснили, что для большинства эмоций образ пустого вместилища представляет определенную коммуникативную значимость практически во всех уголках англоязычного пространства (исключение составляют шриланкийский и танзанийский варианты АЯ – в них не было зафиксировано ни одного контекста). Количество эмонимоупотреблений в атрибутивной конструкции [*an empty container*] невелико – 1,47% словоупотреблений от общего количества контекстов с эмонимами.

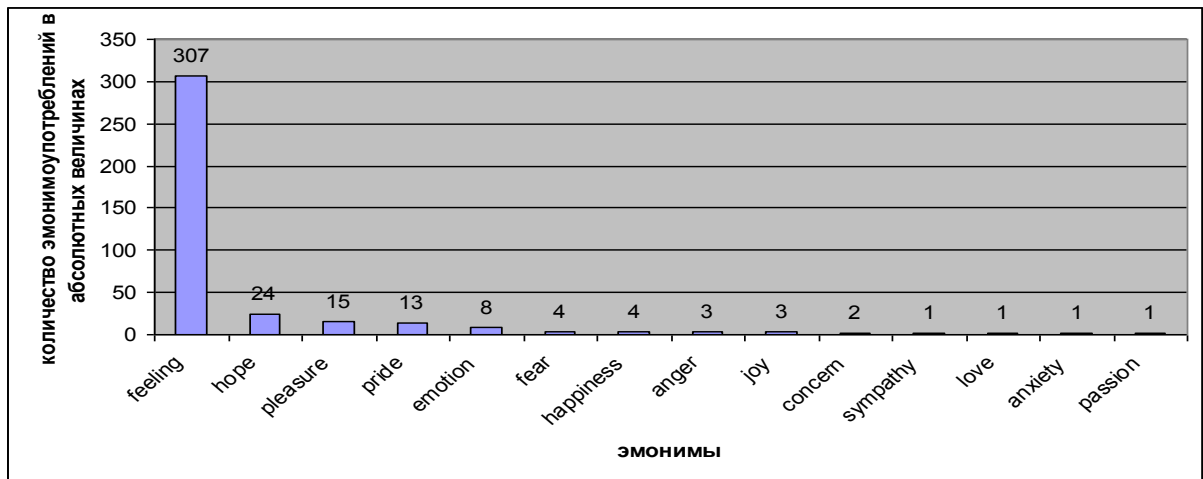

Рис. 36. Встречаемость эмонимов с классификатором [*an empty container*]

На Рисунке 36 представлены имена, которые употребляются в атрибутивной конструкции [*an empty container*].

Согласно данным корпусов NOW и GloWbE для имен *surprise* (удивление), *grief* (горе), *distress* (страдание), *interest* (интерес), *pity* (жалость), *relief* (облегчение), *terror* (ужас), *shame* (стыд), *guilt* (вина) конструкция [*an empty container*] не свойственна. Однако в корпусе iWeb некоторые из этих непредметных имен все же нашли отражение, хотя количество вхождений минимально: *grief* – 1 раз, *relief* – 2, *terror* – 2, *shame* – 2 (примеры 136-139). Примечательно, что ужас в примере 138 категоризуется не просто как пустоеместилище, но и как в норме вмещающее **страх конца**, или смерти (*the end*). Ср. в русском: *лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас*. Уместно также вспомнить, что *grief* встречается с глагольным классификатором [*empty a container*] (см. Приложение), что подтверждает логику познания человеком мира: еслиместилище опустошить, оно станет пустым.

136) *After knowledge came grief – a deep **empty grief**.*

137) *It is a blessed **empty relief** from the mental stress of the Japanese workplace, and the physical compression of the Japanese home.*

138) *In Mahler-esque Bernstein brilliantly reflected the composer's life-ending struggles as energy ebbs and the **empty terror** of the end nears.*

139) *Let not human pride and empty shame hold you back because you fear that if you do as I advise you will lose the great honors which you have known.*

В вариантах английского Танзании и Шри-Ланки словоупотреблений эмонимов зафиксировано не было, еще в 4 (идиомах Бангладеш, Кении, Ямайки и Гонконга) встречаются окказиональные словоупотребления.

Наибольшие количественные показатели были зарегистрированы в американском (21,76% словоупотреблений) и канадском (20,73% словоупотреблений) вариантах английского языка.

Не все исследуемые имена встречаются в обеих конструкциях – [*an empty container*] и [*a container is empty*]. К узуальному употреблению с предикативным классификатором не тяготеет ни один эмоним, все случаи словоупотребления – окказиональные.

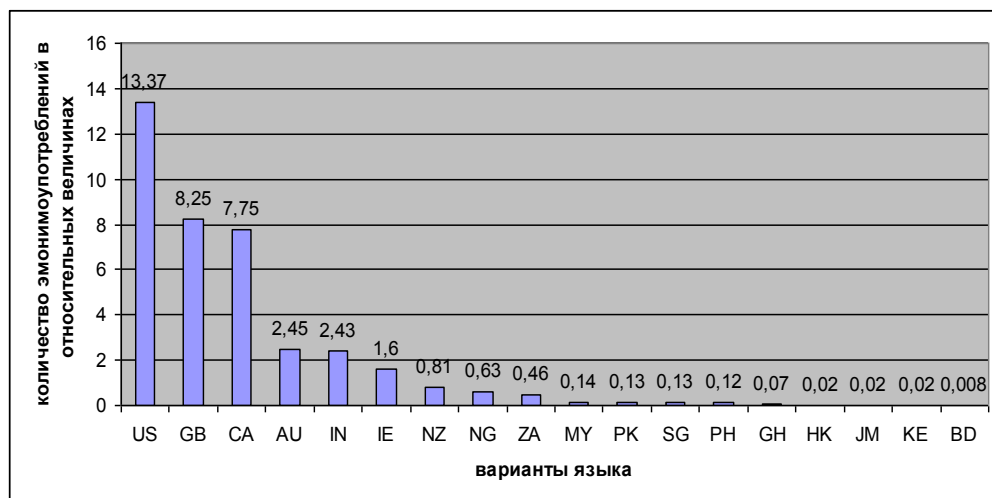

Рис. 37. Эмонимы в конструкции [*an empty container*] по идиомам

Максимальное количество словоупотреблений в атрибутивной структуре [*an empty container*] приходится на имя **feeling** (79,33% словоупотреблений) в американском англоязычном ареале (примеры 140-141), чуть меньше – в английском Великобритании (пример 142) и Канады (пример 143). Немало контекстов было зафиксировано в австралийском (пример 144) и индийском (пример 145) вариантах английского (см. Рис. 37).

140) *The **empty feeling** of looking into the crowd, searching for your parents (US).*

141) *It is in the middle of nowhere, and visitors describe a nearly **empty feeling**, with few signs of life on its many-laned highways and streets (US).*

142) *When you extinguish a fire it's an **empty feeling** because you feel like you failed to do what you wanted to do (GB).*

143) *That **empty feeling** was something that is hard to put into words (CA).*

144) *Portugal's win proved joyous to the Portuguese and Cristiano Ronaldo's legions of followers, but to everyone else, it left something of an **empty feeling** (AU).*

145) *The seventh successive FA Cup semi-final defeat sent the Tottenham fans home with a familiar **empty feeling**, although the club could still be on the verge of something special (IN).*

Несмотря на то, что атрибутивные конструкции [*a deep container*] и [*a shallow container*] являются ненадежными классификаторами криптокласса «Res Contineans», поскольку они маркируют не только глубину вместилища, но и, в результате метонимического переноса, уровень содержимого во вместилище, представляется целесообразным рассмотреть их участие в языковой категоризации эмоционально-чувственных состояний человека. Заметим, что большинство эмонимов употребляются как с предикативными классификаторами [*a container is deep*] и [*a container is shallow*], так и в атрибутивных конструкциях [*a deep container*] и [*a shallow container*].

2.2.3.3 Атрибутивная конструкция [*a deep container*]

Атрибутивная конструкция [*a deep container*] представляется ненадежным классификатором, поскольку может указывать и на глубину содержащего (вместилища), и на содержимое, вернее его уровень во вместилище. Однако в связи с тем, что большинство эмонимов употребляются как в предикативной конструкции [*a container is deep*], так и в

атрибутивной [*a deep container*], рассмотрим некоторые примеры из корпусов.

Анализ встречаемости эмонимов с классификаторами криптокласса «Res Continens» в корпусах NOW и GloWbE показал, что **все** рассматриваемые эмонимы рекуррентно употребляются в атрибутивной конструкции [*a deep container*] (Рис. 38) во всех двадцати вариантах английского языка.

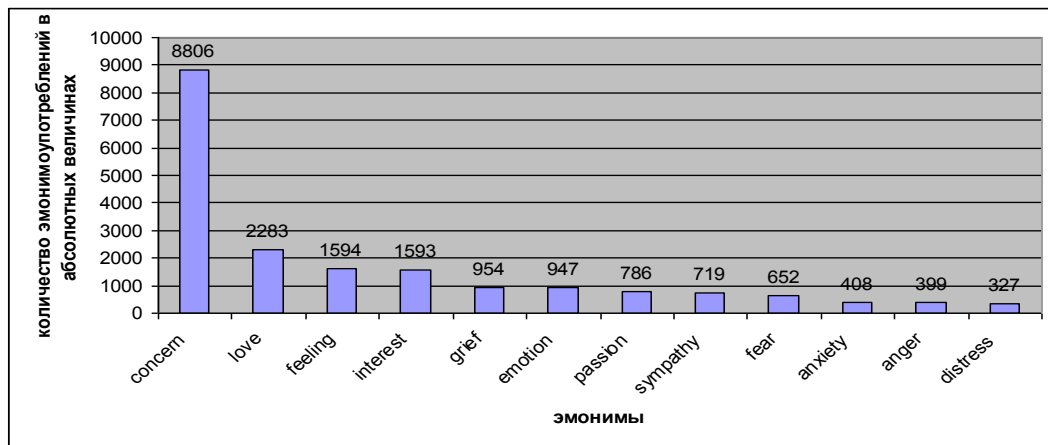

Рис. 38. Метафоронимы, узואльно встречающиеся в атрибутивной конструкции [*a deep container*]

Наибольший количественный показатель наблюдается в американском английском (17,94% словоупотреблений от общего количества), наименьший – в идиоме английского языка Танзании (0,28% словоупотреблений) (Рис. 39).

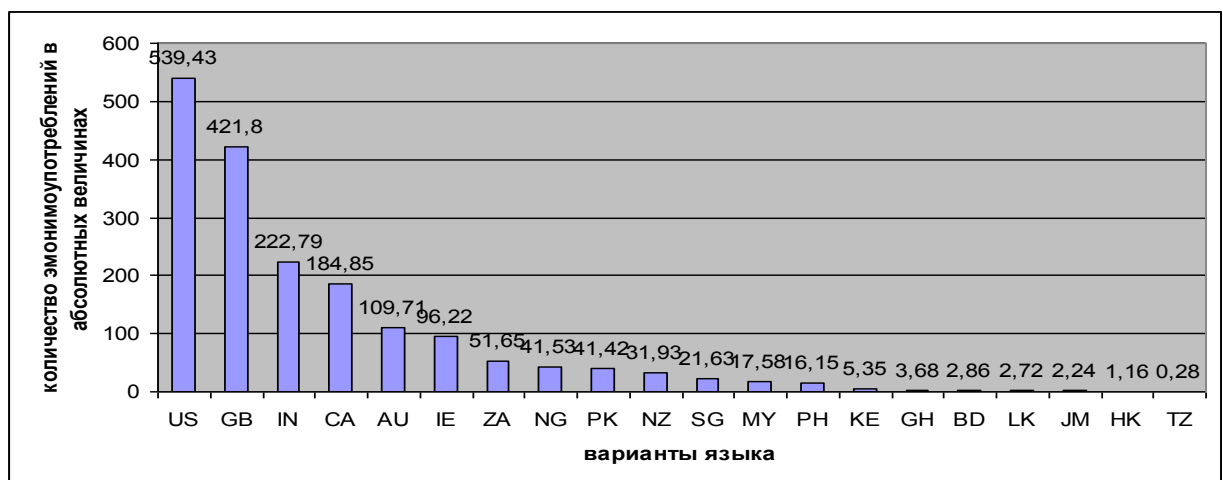

Рис. 39. Встречаемость эмонимов с классификатором [*a deep container*] по идиомам

Интересно, хотя и вполне ожидаемо, что глубина является коммуникативно значимой характеристикой в первую очередь для такого воображаемого вместилища как озабоченность (*concern*) – 21,16% словоупотреблений от общего количества контекстов, причем в индийском варианте английского на имя *concern* приходится пик словоупотреблений (13%, примеры 146-147). Немногим меньше насчитывается примеров в британском (12,79% словоупотреблений) и американском (11,1% словоупотреблений) вариантах английского (примеры 148-149).

146) *Our deep concern is that the ongoing illegal strike will severely impact the future of the factory (IN).*

147) *Finally, she blurted her deep concern for his well-being and how she had always regarded him as her own son (IN).*

148) *And there are deeper concerns about what the Autumn Spending Review could bring (GB).*

149) *There was deep concern at the reckless degradation of sacred sites and insensitivity to their culture (US).*

Для сравнения, для такого чувства как любовь семантический признак «глубина вместилища» является в четыре раза менее коммуникативно востребованным в англоязычном пространстве – 5,49 % словоупотреблений (примеры 150-152).

150) *They have a shared sense of humour and deep, deep love and respect for one another (GB).*

151) *The rest is the story of real deep and profound love and care from family (NG).*

152) *And Davis... without seeing the irony of my deep and abiding love for Eddie Betts, still relatively recently arrived from Carlton (AU).*

Глубину человеческих чувств можно показать при помощи песен. Одним из самых поющих народов считается индийский. В примере 153 говорится об одном из индийских певцов – Утпаленду Чакраборти, в песнях

которого отражаются его эмоции и личные чувства, в глубину которых он помещает людей.

153) *Utpalendu, who used to pour out his emotions and his **deep personal feelings** through his songs, mesmerized audience all over the world (IN).*

Глубоким также может быть чувство патриотизма, даже если это касается поддержки своей страны на спортивных мероприятиях (пример 154).

154) *<...> pressure has been enormous and the whole nation has taken this match into **deep patriotic feelings** (IN).*

В примере 155 подчеркивается важность вовлеченности в то дело, которым занимается человек. В примере 156 страна Монголия уподобляется вместилищу глубокой гордости.

155) *<...> extraordinary young man who was passionate about what he did; who took **deep pride** in his work (GB).*

156) *Mongolia is a country of long traditions and **deep pride** (GH).*

Внутренне чувство удовлетворенности и счастья человек, в первую очередь, испытывает, когда его дети здоровы (пример 157). Заставляя себя радоваться, человек преодолевает все на своем пути (пример 158).

157) *But Cedar, despite the signs that things are growing worse, feels a **deep joy** that things will be OK for her child (US).*

158) *<...> and the agonies and riddles of life do not exclude deep meaning and **deep joy** (MY).*

Для спортсменов (Усэйн Болт и Майкл Фелпс) пиком их радостного состояния являются их достижения (пример 159).

159) *Michael Phelps was mesmerising, the ultimate Olympian transmitting **deep, unadulterated joy** with his celestial achievements (IN).*

Как и чувства, глубокими могут быть эмоции, которые возникает в ответ на значимые события в нашей жизни. Их глубина ассоциируется с их яркостью, которая, как правило, вызывается неожиданными обстоятельствами – либо положительного характера (пример 160), либо

отрицательного (пример 161), причем в обоих случаях могут быть сильными. Первые вызывают радость. Во втором случае (пример 161) наблюдается беспокойство в связи с возникшими политическими проблемами.

160) <...> *I also love to express **deep and strong emotions** as I find them most attractive (NG).*

161) *“There is a very **deep anxiety** here that the level of Australian involvement will be minimal,” he told reporters (AU).*

Deep, patriotic passion – глубокое чувство патриотизма, который символизирует проникновенную любовь к своей Родине (пример 162).

162) *I sang the South African national anthem with **deep, patriotic passion** and played rugby for my country as if my life depended on it (ZA).*

В примерах 163 и 164 по аналогии с глубоким вместилищем категоризируются сострадание и горе (*sympathy* и *grief*).

163) *“Our **deep sympathy** is extended to the victim’s family and friends,” said County Attorney James (US).*

164) *He also expressed **deep grief** over the death of two protesters in the firing and extended sympathies to their families (PK).*

В примере 165 сильными (глубокими) являются страхи человека. Страх уже сам по себе является сильной отрицательной эмоцией, но при употреблении данного эмонима в атрибутивной конструкции [*a deep container*] он приобретает еще большую силу.

165) *It’s also an expression of their own **deep fears** of more such kidnappings (IN).*

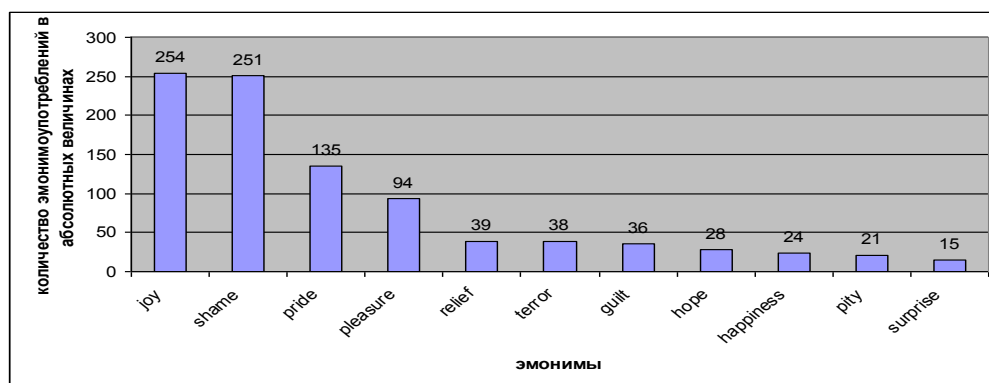

Рис. 40. Встречаемость эмонимов с классификатором [*a deep container*]

На рисунке 40 представлены оставшиеся эмонимы, встречающиеся в атрибутивной конструкции [*a deep container*].

2.2.3.4 Атрибутивная конструкция [*a shallow container*]

Конструкция [*a shallow container*] также является ненадежной. Тем не менее, невозможно обойти ее стороной, рассматривая глубину вместилища и не затрагивая его полость. Всего было зафиксировано 17 эмонимов, употребляющихся в данной конструкции, 0,18% словоупотребл (Рис. 41).

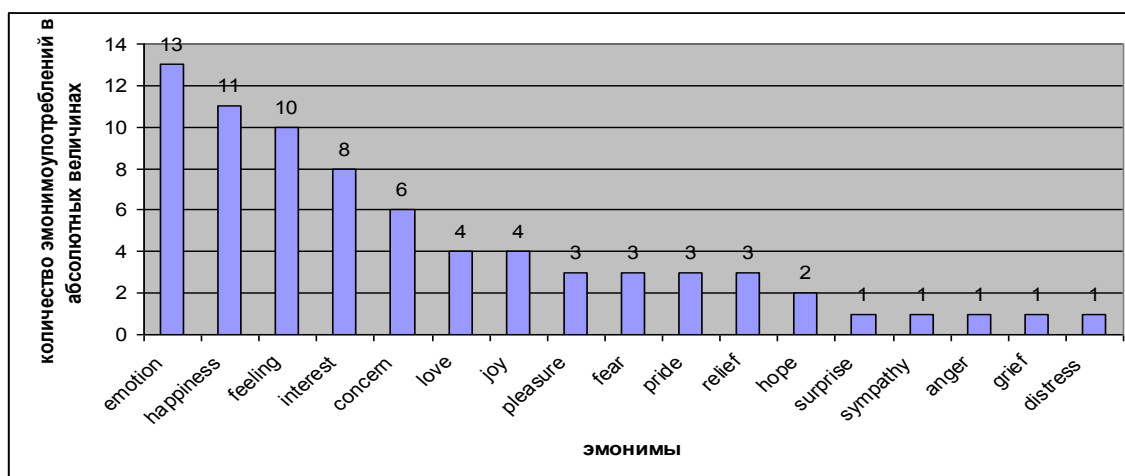

Рис. 41. Встречаемость эмонимов с классификатором [*a shallow container*]

Две трети имен, а именно *emotion* (эмоция), *surprise* (удивление), *anger* (гнев), *fear* (страх), *grief* (горе), *sympathy* (сочувствие), *pleasure* (удовольствие), *love* (любовь), *distress* (страдание), *feeling* (чувство), *hope* (надежда), *happiness* (счастье), *pride* (гордость), *interest* (интерес), *joy* (радость), *concern* (участие), *relief* (облегчение) употребляются в данной конструкции (примеры 166-174). Для эмонимов *passion* (страсть), *anxiety* (тревога), *pity* (жалость), *terror* (ужас), *shame* (стыд) и *guilt* (вина) корпусных свидетельств не обнаружено.

166) *Psychopathy is a personality disorder that has been variously characterised by shallow emotions (including reduced fear, a lack of empathy (GB).*

167) *Amazement and bedazzlement are shallow emotions, easily distracted and redirected to the newest, coolest designs or the latest breakthrough (GB).*

168) *It goes deeper than this, the uncertainty, the **shallow feeling** of emptiness, it's all irregular and just too depressing (NG).*

169) *Losing together is a very powerful experience, and one that can help you much more in life than the **shallow, superficial joy** of winning (GB).*

170) *It did not mean hedonism or other **shallow pleasures** as the term is too often confused to mean today (US).*

171) *Like the rest of the whole world, I sustain my ego with the **shallow hope** for personal success (US).*

172) *And here it is, our ugliness and **shallow pride** in full display (PK).*

173) *Over years of listening to him at conferences and continuing my learning from his online presence, I have learned to still my initial heightened visceral response of body tension, throat constriction, **shallow anger** (ZA).*

174) *The superficial window dressing of modern genre convention trappings can by itself only provide a **shallow surprise** (IN).*

Заметим, что употребление в этой конструкции для большинства эмонимов окказионально и ареально обусловлено. Наибольший количественный показатель был зарегистрирован в американском варианте (22,67% словоупотребл. / 2,71 в относительных величинах). В африканских вариантах английского языка корпусных данных крайне мало (словоупотребления зафиксированы в идиомах Нигерии и ЮАР, Рис. 42).

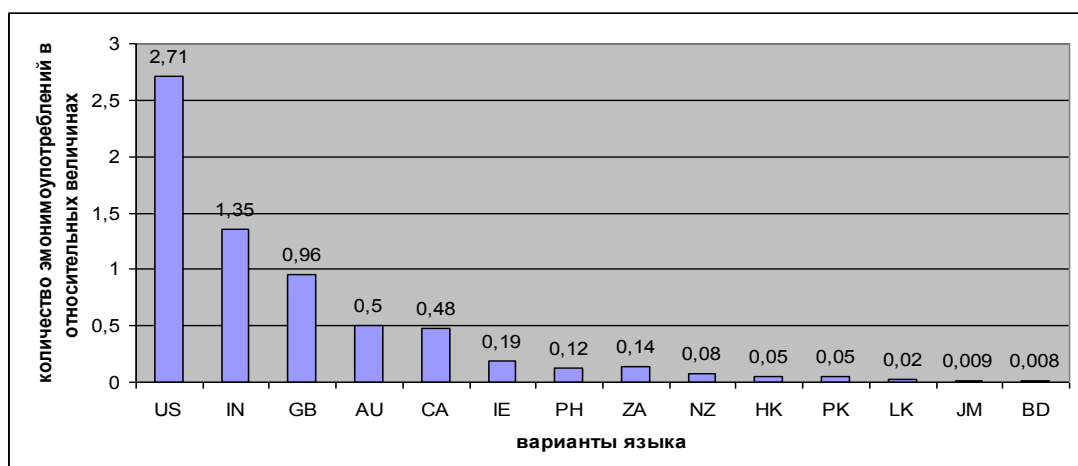

Рис. 42. Встречаемость эмонимов с классификатором [*a shallow container*] по идиомам

На Рисунке 43 представлены имена, которые встречаются в корпусе как в атрибутивной (6 имен) [*a shallow container*], так и в предикативной [*a container is shallow*] конструкциях, однако тяготение метафоронимов отмечается к атрибутивной.

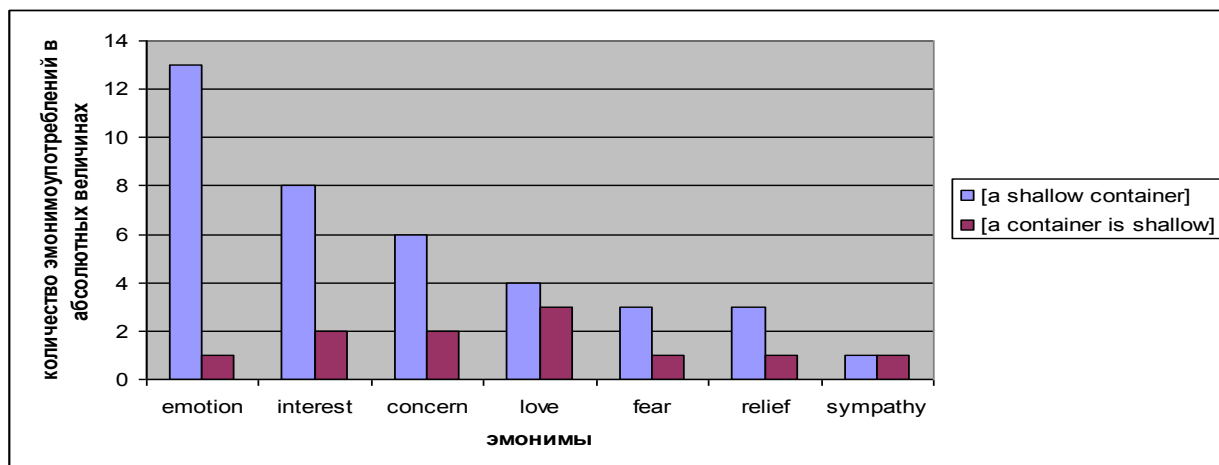

Рис. 43. Встречаемость эмонимов с [*a shallow container*] и [*a container is shallow*]

В примере 175 «неглубокие» чувства сравниваются с пустотой, которую испытал игрок при финальном свистке во время своего последнего матча, проведенного на поле.

175) *When the final whistle sounded, Ian Rush looked distraught, Giggs confessed to shallower feelings (GB).*

Настоящие родители в норме испытывают искрение, глубокие чувства по отношению к своим детям. Отклонение от нормы (мужчина не испытывает глубоких чувств к своему сыну от первого брака) маркируется, например, посредством [*a shallow container*] (пример 176).

176) *He had shallow feelings for his son from his first marriage (LK).*

В примере 177 описывается ситуация, в которой женщина не смогла проявить себя в обществе по той причине, что двое главных мужчин в ее жизни – отец и муж – не проявили к ней глубокой любви.

177) *<...> it shows that a daddy's creeping or a husband's shallow love may be partly motivated by her own marginalization in a culture <...> (US).*

Итак, в этом разделе мы рассмотрели все классификаторы криптокласса. Теперь перейдем к рассмотрению эмонимов.

2.3 Криптоклассный анализ эмонимов

В данном разделе мы рассмотрим особенности языковой категоризации чувств и эмоций, метафоризирующихся как вместилища, в вариантах английского языка.

2.3.1 Emotion

Emotion is a strong feeling deriving from one's circumstances, mood, or relationships with others [Oxford English Dictionary].

Emotion, равно как и *feeling*, в отличие от других рассматриваемых в работе эмонимов, относятся к базовому уровню категоризации. Как видим, в словарной дефиниции одно (эмоция) определяется через другое (чувство), равно и наоборот см. 2.3.2. Такое положение вещей в англоязычной лексикографии дает нам все основания нивелировать разницу между стоящими на данными лексемами «сущностями вторичной реальности сознания», как называла их Е.С. Кубрякова. Будем считать оба эмонима гиперонимами для разных эмоционально-чувственных переживаний.

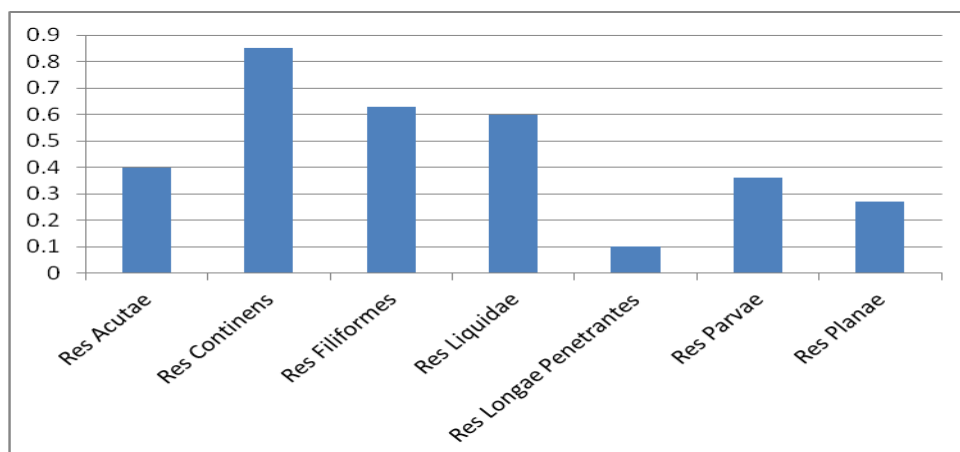

Рис. 44. ИРа эмонима *emotion*

По логике вещей имя *emotion* должно демонстрировать большее разнообразие сочетаемости, чем эмонимы, называющие конкретные эмоции.

Так оно и есть. Индекс разнообразия сочетаемости (ИРа) эмонима *emotion* по криптоклассу «Res Continens» является самым высоким на фоне показателей разнообразия сочетаемости этого эмонима в других криптоклассах (равен 0,85) (см. Рис. 44).

Однако встречаемость данного эмонима с классификаторами криптокласса «Res Continens», как показал анализ, предельно мала во всех вариантах английского. Всего на долю *emotion* приходится 263 словоупотребления, что составляет 1% от общего количества примеров исследовательского корпуса, половина из которых приходится на глагольную локативную конструкцию [*SV_{exist} in/inside a container*]. Таким образом, на первый план в категоризации «эмоции в целом» средствами английского языка выходит экзистенциальная функция (нахождение, содержание чего-то в эмоции-вместилище). При этом содержаться в эмоции может и человек (пример 178), и другие чувства или способности (пример 179), и информация (пример 180), и огромная боль, которая берет начало в другой эмоции – гневе и негодовании, возмущении (пример 181).

178) *Same with Enchong Dee, who seems to throw all of himself into the primary emotion of the scene (PH).*

179) *Your feelings are in your emotions, and herein lies your ability to play with your motivations (US).*

180) ***Emotions can contain important information that can be useful to personal and social functioning** (US).*

181) *A bulk of my pain was in thought and emotion, and came directly from anger and resentment for having the disease (CA).*

Большая частотность примеров, в которых маркируется признак нахождения объекта во вместилище, приходится на американский и канадский варианты английского языка – 25,52% и 17,93% словоупотреблений от общего количества словоупотреблений эмонима *emotion* в классифицирующей конструкции [*SV_{exist} in/inside a container*].

Согласно данным информационного ресурса COEL, где хранятся криптоклассные портреты существительных английского языка, эмоция для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с плоским, во вторую очередь с содержащим (вместилищем), потом в порядке убывания – с жидким, рукоятным, нитевидным, острым и проникающим (Рис. 45).

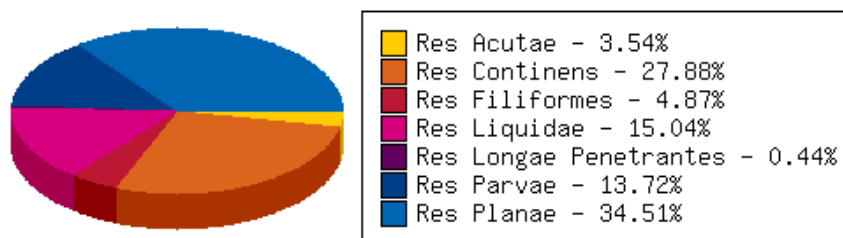

Рис. 45. Криптоклассный портрет эмонима *emotion*

Анализ корпусных данных показал, что полость эмоции-вместилища может быть пустой, но маркируется такой признак только в трех вариантах английского (американском, индийском, британском, пример 182). Однако по косвенным свидетельствам в вариантах ирландского, индийского и австралийского английского полость эмоции-вместилища можно заполнить (пример 183) или опустошить (пример 184). Значит, эта полость может быть пустой, только это не маркируется в неустоявшихся вариантах АЯ.

182) *This **empty emotion** is not going to take a turn for the better (IN).*

183) *The fist-clenching fans were **emptying** their **emotions** into a collective chorus (IE).*

184) *Her **emotions** were **filled with joy** (IN).*

Достаточно редко, но все-таки говорят об эмоции как о глубоком (пример 185) или мелком вместилище (186). Чаще рождается образ полного (пример 187) или переполненного вместилища (188), который чем-то заполняют (пример 189) или оттуда что-то вынимают (примеры 190-191).

185) *It created so many new **emotions** that are so **deep** I can hardly even untangle them (CA)*

186) *The manifesto says, that humans are boring, their **emotions are shallow** (US).*

187) *I think you'll see the **full emotion** of it when we face them for the first time in Super League (IE).*

188) ***Emotion is so full of brilliant tracks** (GB)*

189) *I mean, life is too short **to put energy into negative emotion** and I feel at peace because we did the right thing (GB)*

190) *I **take** a lot of inspiration **out of emotion** and mood (CA).*

191) *"There's no food in your stomach, you **get your energy out of the emotions of others,**" the 66-year-old Vietnam veteran said (US).*

Содержимое может быть скрыто в эмоции-вместилище (примеры 192-193) и тогда, вероятно, это закрытое вместилище, открыв который, можно обнаружить искомое (пример 194), например, проблемы, источником которых являются эмоции пациента (195). Однако извлечение содержимого из эмоции-вместилища порой относится к табу (196). Следует отметить относительно высокую коммуникативную востребованность образа эмоции-вместилища, в котором что-то скрывают. Языковые свидетельства уподобления эмоции черному ящику или ящику Пандоры зафиксированы не только в устоявшихся вариантах (британский, ирландский, американский, канадский), но и в сингапурском (197), нигерийском (198), бангладешском (199) вариантах английского. Например, в варианте английского ЮАР образ эмоции-вместилища довольно часто ассоциируется с клеткой, в которой человек чувствует себя некомфортно (200).

192) *External acts of violence grow when the seeds that **lie hidden in these destructive emotions** germinate within our beings.*

193) *Interpret the information and with care process the emotions and knowledge **hidden in the emotions** (IN).*

194) *It can be found in normal emotion, or in psychiatric illness (US).*

195) *Then we can **find problems in emotions** of the patient (IN).*

196) *The reality is that as a movement we **must not take decisions out of emotions or anger** at the ANC because it says nothing about corruption (ZA).*

197) *The future doesn't live in the tech, it **lies in the emotion** (SG).*

198) *True art **lies in raw emotion** (NG).*

199) *The origins of the paintings **are deeply in the soul, in experiences and emotions** that have been deposited in the nooks of mind (BD).*

200) *Readers **are left inside Marilyn's raw emotions**, her self-loathing and doubt as she continues to push herself to dangerous depths (ZA).*

Признак опустошаемости эмоции-вместилища, маркируемый классификатором [VO/V out of a container] дает следующую картину по вариантам английского: наибольший показатель приходится на американский вариант АЯ (24,49% словоупотребл.) и канадский (18,37% словоупотребл.). Единичные случаи были обнаружены в нигерийском, новозеландском и ганском английском. Очевидно, не только эмоции наполняют человека (из области стертых метафор), но и человек может находиться в эмоции и тогда, можно буквально «вынуть себя из эмоции-вместилища» (пример 201). В варианте английского Ганы зафиксирован пример, иллюстрирующий процесс извлечения звука из эмоции-вместилища (пример 202).

201) *It's very easy to **take yourself out of your emotions** about an image when it's online (NZ).*

202) *How relatable it makes his sound as he's **taking it out of raw emotion** in real-time (GH).*

Таким образом, эмоция (*emotion*) категоризуется по аналогии с вместилищем, чаще глубоким, в которое можно что-то поместить, чтобы хранилось, и из которого можно что-то изъять. Отметим высокую коммуникативную востребованность образа эмоции-вместилища, в котором что-то скрывают.

2.3.2 Feeling

Feeling is something that you feel through the mind or through the senses or person's *emotions* rather than their thoughts or ideas [Oxford Learner's Dictionary]; an *emotional* state or reaction [Oxford English Dictionary].

Всего на долю эмонима *feeling* приходится 854 словоупотребления, что составляет 3,25% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов. Чувство не категоризуется по образу и подобию вместилища только в танзанийском варианте английского языка.

Feeling демонстрирует большое разнообразие сочетаемости, встречаясь практически со всеми классификаторами криптокласса, кроме [*a container is shallow*] и [*empty a container*].

ИРа эмонима *feeling* является максимально высоким по сравнению с ИРа эмонима в других криптоклассах (равен 0,85) (Рис. 46).

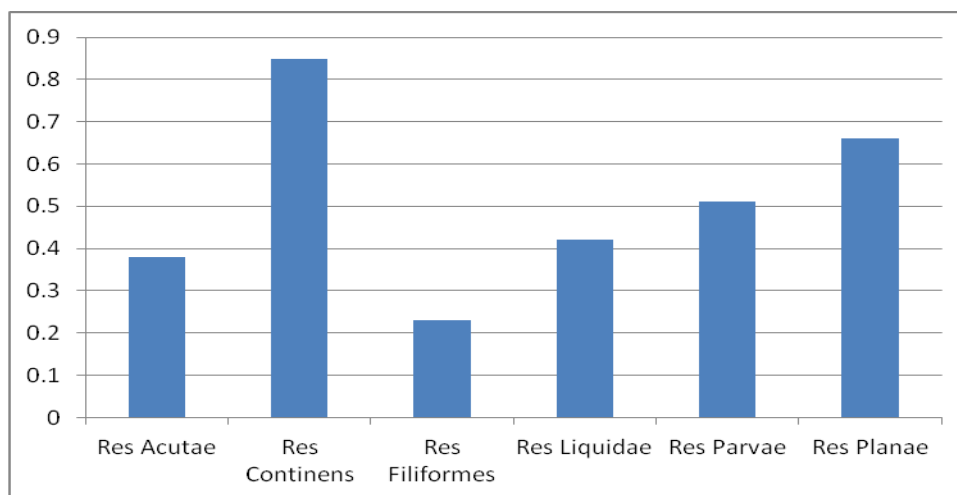

Рис. 46. ИРа эмонима *feeling*

Функциональная нагрузка на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации чувства по аналогии с вместилищем достаточно высокая. Согласно СОЕЛ чувство для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с содержащим, потом – с плоским, предметом рукоятным, жидким, острым и нитевидным (Рис. 47).

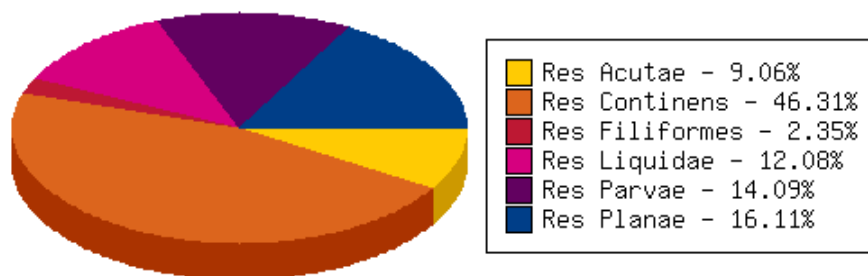

Рис. 47. Криптоклассный портрет эмонима *feeling*

Признак наполняемости/полноты чувства-вместилища маркируется в устоявшихся вариантах английского в основном посредством классификатора [*a full container*]. Тем не менее, зафиксированы окказиональные словоупотребления данного эмонима в предикативных конструкциях [*a container is full*] и [*a container is filled (with smth.)*]. Так, чувство наполняется страхом одиночества (пример 203), а чувство ужаса наполнено чем-то невидимым, но вселяющим страх (пример 204).

203) *So, if your thoughts and feelings are filled with the fear of being alone, that fear is driving all of your actions and giving you what you fear (GH).*

204) *On one level, the show manages to play on a creepy, Wicker Man folk-horror feeling full of unseen dread (GB).*

Заметим, что в некоторых вариантах азиатского (шриланкийском, бангладешском, сингапурском и гонконгском) и африканского ареалов (кенийском и танзанийском) не обнаружено языковых свидетельств, в которых чувство категоризуется по аналогии с полным вместилищем.

Отдельно следует остановиться на чувстве сытости (*full feeling*, примеры 205-210), которое напрямую связано с наполненным вместилищем (желудком), ср., *I am full*. Смысл высказывания в том, что во вместилище (желудке человека), которое наполнено до краев, больше нет места (метафорический перенос осложнен метонимическим). В русском языке это передается генетивной конструкцией (*чувство сытости*, как *стакан воды*), тогда как в английском (особенно в американском варианте) – атрибутивной

(примеры 205-206). Несмотря на то, что в большинстве примеров прослеживается идея о чувстве сытости (полное чувство = полный желудок), в нашей выборке есть и свидетельства языковой категоризации другого чувства как наполненного вместилища (примеры 211-212).

205) *That provides energy and satiation – a satisfied, **full feeling** that is especially important if you're trying to eat less (US).*

206) *It will provide that nice **full feeling**, but being full is the not the same as being well-fed (US).*

207) *Levels of a hormone called leptin triggers the **full feeling** after eating and can be linked to metabolic conditions such as diabetes (JM).*

208) *It can also help prevent gas, bloating and **full, heavy feelings** (ощущения) in the stomach (MZ).*

209) *Other symptoms may include a bloated or **full feeling** during or after meals (ZA).*

210) *Natural dietary fiber helps to give a satisfying **full feeling**, and works on cleansing build-up waste from the digestive system (PH).*

211) *I know you'll never be able to get the **full feeling** of a system from playing it for five minutes in a shop (GB).*

212) *It begins with a **full feeling** of energy, but within the energy, there is a silence (NZ).*

Что касается признака 'пустоты/опустошенности' вместилища, данный метафороним криптокласса «Res Continens», как и прочие, тяготеет к атрибутивному классификатору [*an empty container*]. С предикативным классификатором *feeling* встречается один раз. При этом, следует отметить максимально высокий показатель коммуникативной востребованности образа пустого чувства-вместилища (307 словоупотреблений, что составляет 80,16% от общего количества примеров с данной классифицирующей конструкцией).

Пустота чувства может означать потерю вкусовых и осязательных ощущений (пример 213), потерю статуса (пример 214). Опустошенность

создается и при прощании с человеком, например, в случае его ухода на пенсию (пример 215), или в случае неудачи (пример 216).

213) *Sound is empty. Scent is empty. Taste is empty. Even feelings are also empty* (CA).

214) *The little state of Austria is suffering from the empty feeling of once having been the crown jewel of a huge empire* (GB).

215) *His retirement will leave an empty feeling in all of us* (IN).

216) *After 90 minutes it is a little bit of an empty feeling, but I said to the players afterwards we need to enjoy this silver medal* (NG).

Опустошаемость маркируется и другим классификатором [VO/V out of a container]. Извлечь из чувства-вместилища можно людей с целью предоставить им возможность поверить в другой исход ситуации (пример 217) или вдохновение, которое человек достает только из чувства одиночества и отчаяния (пример 218) или другую эмоцию, например, радость (пример 219).

217) *This takes people out of this helpless feeling of 'there is nothing I can do because the problems are too big'* (MY).

218) *He also took inspiration out of the feelings of loneliness and despair he feels whenever he's on the road* (PH).

219) *Mumbai is a noisy city at the best of times, with the noise multiplying during special occasions, which takes some of the joy out of the celebratory feeling* (IN).

Признак 'нахождение предмета внутри вместилища' проявляется, в первую очередь, благодаря экзистенциальной конструкции [SV_{exist} in/inside a container], как, например, в случае с физическим чувством-желанием добраться домой (пример 220). Внутри чувства как в сейфе «хранится» эмпатия, тогда как симпатия хранится рядом с эмоциями (пример 221), в чувстве хранится сила и мощь (пример 222).

220) *The impact here is in the physical feeling you get when you walk into this home* (IE).

221) *As the derivation of the two words suggest, sympathy is to be alongside the emotions of others, whereas empathy is to be totally **inside** those feelings (IE).*

222) ***There is power in such a feeling** – the Nazis and Fascists had shown that to be true in the 1920's (CA).*

В чувстве можно найти комфорт, успокоение – в случае нахождения нужной позы при голоде (пример 223) или резонанс – в чувстве смущения (пример 224).

223) *I **found comfort in the feeling** of being curled up in a ball because of hunger (AU).*

224) *Paulinho might **find resonance in that feeling** of bewilderment (GB).*

Можно упасть на дно чувства-вместилища в поисках новых источников вдохновения (пример 225), поместить себя в чувство паники (пример 226), или поместить аудиторию в атмосферу (чувство) другой эпохи (пример 227).

225) *And still Smith **falls deep into his feelings** to find inspiration for his songs (AU).*

226) *I **put myself into that feeling** because I think panic is important (US).*

227) *Audiences will **be put into the feeling** of a 1980s television studio for the live Christmas special of Hudson and Halls (NZ).*

Имя *feeling* можно расценивать как дополнительный к рассмотренным в разделе 2.2. классификатор криптокласса «Res Continens». Его классифицирующая функция проявляется в конструкции [*feeling of smth.*], ср., в русском языке *чувство изумления, чувство стыда, стакан воды*. Ср., пример 218, 227 и др.

Таким образом, категоризация чувства по образу и подобию вместилища, глубокого или мелкого, в которое можно что-то поместить, чтобы хранилось, и из которого можно что-то изъять, в американском варианте проявляется в три раза чаще, чем в других устоявшихся вариантах АЯ и в десятки раз чаще, чем в других вариантах АЯ.

2.3.3 Fear

Fear is a bad feeling that you have when you are in danger, when something bad might happen, or when a particular thing frightens you [Oxford Learner's Dictionary].

Рассмотрим чувство страха (*fear*), которое относится к базовым эмоциям. Это самое частотное имя – на его долю приходится 8167 словоупотреблений, что составляет 31,04% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

Криптоклассный портрет *fear* является одним из самых ярких. Согласно COEL страх для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с содержащим, причем превышает почти в 7 раз по значимости образ плоского страха (криптокласс «Res Planae»), который идет вторым в общей картине метафоризации данной сущности. Затем в порядке убывания следует ассоциация с предметом рукоятным, жидким, нитевидным, острым, проникающим и круглым (Рис. 48).

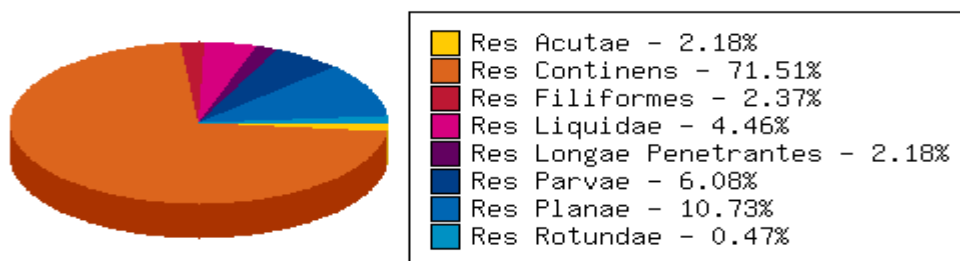

Рис. 48. Криптоклассный портрет эмонима *fear*

ИРа эмонима *fear* во всех криптоклассах примерно одинаковый – он варьируется в пределах от 0,55 до 0,69. Тем не менее, в криптоклассе «Res Continens» – самый высокий (равен 0,69) (Рис. 49).

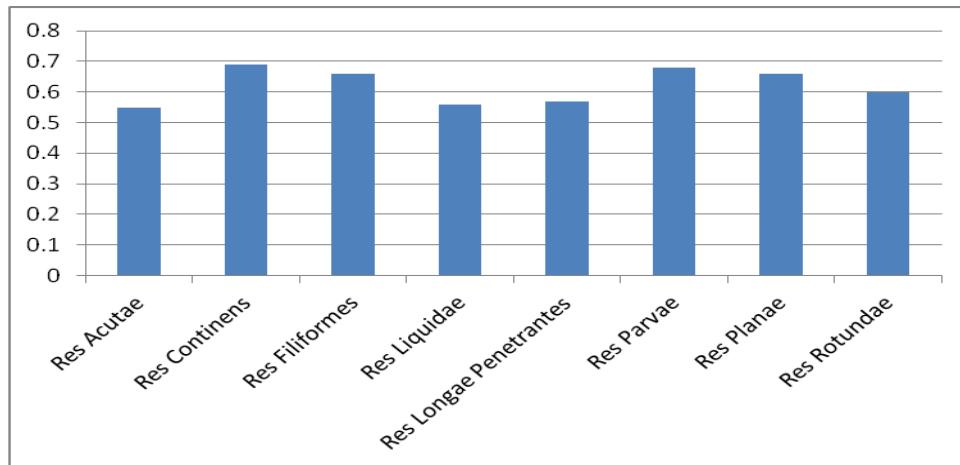

Рис. 49. ИРа энонима *fear*

Наиболее коммуникативно востребованным оказывается признак ‘наполненности полости’, что проявляется в конструкции [*be/exist in a container*]. Чаще всего контексты встречаются в британском (1603 словоупотребления, что составляет 20,22% словоупотреблений от общего количества словоупотреблений энонима *fear* в классифицирующей конструкции [*SV_{exist} in/inside a container*]), американском (1530 словоупотреблений, что составляет 19,3%) и канадском (1006 словоупотребл., что составляет 12,69%) вариантах английского языка. Практически во всех вариантах английского отмечается узуальное словоупотребление (см. Рис. 50).

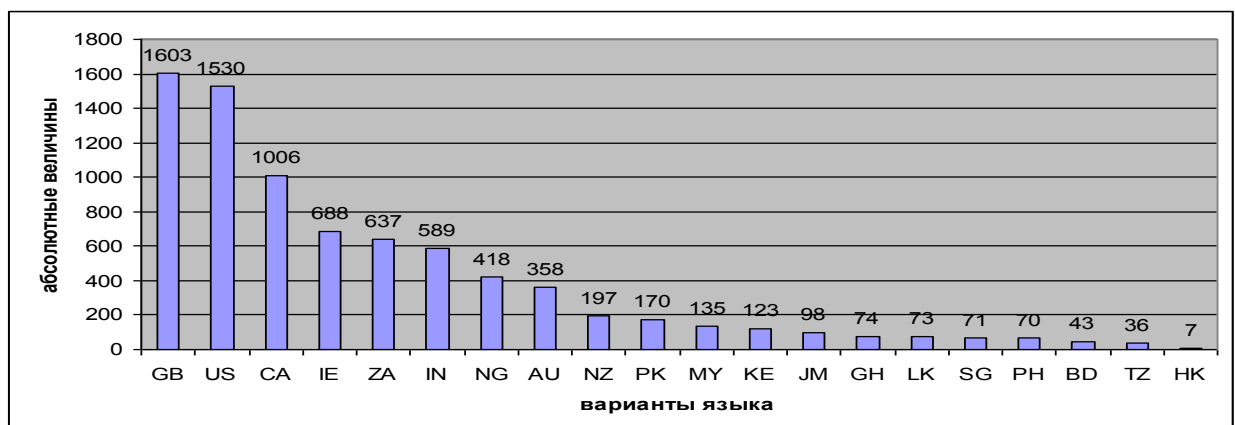

Рис. 50. Распределение словоупотреблений с энонимом *fear* по идиомам

Страх категоризуется как вмещающее, в котором содержится другое чувство, например, радостное возбуждение, удовольствие (пример 228) или эмоции (пример 229), или люди (пример 230), или материальные предметы, такие как деньги (пример 231).

228) *There is excitement in fear, in risk; there is pleasure in awe; there is pleasure in annihilation (CA).*

229) *A healthy ego is foremost an ability to regulate painful emotions in anger and fear (US).*

230) *There were repeated concerns from those living in the neighbourhood, who were all in fear this offender may strike again (GB).*

231) *There's big money in fear, and Obama's two elections have pushed the pepper industry into overdrive (CA).*

Эмоним *fear* категоризуется по аналогии с полным или пустымместилищем через атрибутивные конструкции [*a full container*] и [*an empty container*]. Так, страх перед борьбой может быть полным (пример 232). Да и страх перед террористами нельзя считать пустым (пример 233). А вот страх брекзита (выхода Великобритании из ЕС) уподобляются в британском новостном дискурсе пустому местилищу (пример 234).

232) *Up to now we haven't felt the **full fear** of the fight because Boro have done just enough to stay above the dots (GB).*

233) *School administrations have to come up with proper security arrangements, as vulnerability of educational institutes to terror attacks across the country is not an **empty fear** (PK).*

234) *Now, with Labour's announcement of support for a transition period delighting remainers pushing hard for a soft Brexit, the country's decision to leave the EU could make all those **empty fears** of the Brexiteers a painful reality (GB).*

В целом, страх для англофонов – независимо от того варианта, на котором говорят в каждом регионе англоязычного пространства, – часто категоризуется как глубокое местилище (примеры 235-236).

235) *We're not indifferent to the threats from North Korea: the **fear is so deep** it prevents us showing any interest (GB).*

236) *It a broader culture of fear, which bubbles to the surface any time a politician or shock jock wants a ratings hit. The **fear is deep** in Australia (AU).*

Интересно, что глубина является значимым признаком в категоризации эмоций как вместилища не только в устоявшихся вариантах английского (американском, канадском, британском, австралийском), но и в индийском (пример 237), и пакистанском вариантах языка (пример 238).

237) *But the **fear is deep** and to confront it requires a great deal of strength and mental motivation (IN).*

238) ***Fear is only as deep** as the mind allows (PK).*

Страхи – это вместилища разной глубины. Доказательством служат следующие сравнительные конструкции: [*X1 is deeper than X2*] (пример 239), [*X1 is as deep as X2*] (только в пакистанском варианте языка) (пример 240) и [*X1 is so deep that*] (пример 241).

239) *The **Fear is deeper than** the vague sense you embarrassed yourself with the confessions or confrontations of uninhibited (PK).*

240) ***Fear is only as deep** as the mind allows (PK).*

241) ***So deep is this fear** that I explicitly addressed it in the acknowledgements of my last book (US).*

Интересно, что в индийском варианте английского зарегистрировано окказиональное употребление данного эмонима в предикативной конструкции [*a container is shallow*] (пример 242). Вероятно, мы имеем дело с зарифмованной игрой слов *tallow-shallow*.

242) *Hindu temples make a fat issue of UK notes but **tallow fears are shallow** (IN).*

Здесь перед нами яркий пример языкового речетворчества – факт реализации сочетательного потенциала имени. Если вместилище может быть глубоким, значит и мелким он тоже бывает. И ценность этой находки в том, что индийский вариант английского языка не относится к устоявшимся.

В контекстах, в которых маркируются признаки ‘помещение предмета во вместилище’ и ‘извлечение предмета из вместилища’, бросается в глаза тот факт, что помещают, а чаще ‘бросают’ в страх-вместилище людей: штат сотрудников (пример 243), студентов (пример 244), простых обывателей (пример 245), или люди самостоятельно падают глубоко на дно страха-вместилища (пример 246). Извлечь же из страха можно как объекты, например, решения (пример 247), вдохновение (пример 248), так и людей (пример 249) или детей (пример 250).

243) *A prosecution lawyer claimed his intention was to **put staff in fear of violence if he didn't get what he wanted (IE).***

244) *The series of crimes has **put the students in fear and unease (PH).***

245) *Any of traumatic events can **throw us into turmoil and fear (US).***

246) *<...> and **falls deeply into phobic fears of a non-existent threat (CA).***

247) *Alleging ministers **took the decision out of some fear (IN).***

248) *BEIJING Dissident Chinese artist Ai Weiwei has **taken inspiration out of fears in China about milk safety for his latest work of art (IN).***

249) *It is Black Consciousness that **took people out of fear from 1968 (ZA).***

250) *It is difficult to **get children out of the fear (MY).***

2.3.4 Terror

*Terror is a **feeling** of extreme fear [Oxford Learner's Dictionary] ← terrere Latin (запугивать, в значении государственной политики запугивания во время Эпохи Террора во Франции (05.09.1793 – 27.07.1794)). По словам М. Робеспьера «террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он – не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде» [Манфред 1965].*

Криптоклассный портрет *terror* очень похож на портрет *fear*. Согласно COEL ужас для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с

содержащим. Затем следует категоризация ужаса по аналогии с предметом рукоятным, жидким, острым, проникающим и нитевидным (Рис. 51).

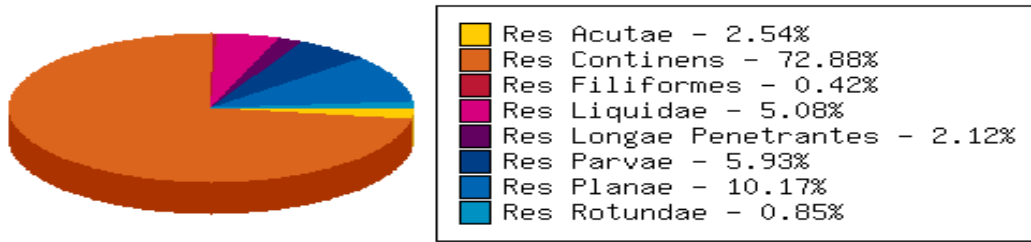

Рис. 51. Криптоклассный портрет эмонима *terror*

Индекс разнообразия сочетаемости эмонима *terror* в криптоклассе «Res Continens» достаточно высокий по сравнению с другими криптоклассами (равен 0,46, Рис. 52).

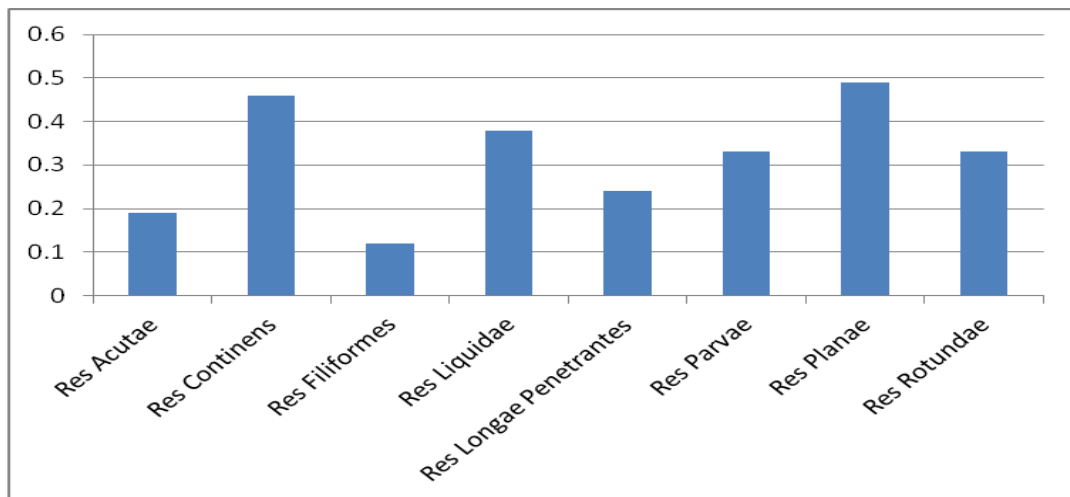

Рис. 52. ИР эмонима *terror*

Всего на долю эмонима *terror* приходится 888 словоупотреблений, что составляет 3,37% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов. Интересно, что 93,22% примеров зафиксированы в классифицирующей конструкции, диагностирующей ‘нахождение предмета внутри вместилища’. Такого рода категоризация (по образу и подобию вместилища, в котором находятся) отсутствует только в гонконгском и танзанийском идиомах.

Пребывать в ужасе-вместилище можно из-за погодных условий (пример 251), или из-за беспокойства о детях (пример 252), или из-за

необходимости отправиться в не очень приятные места (в дом престарелых) (пример 253).

251) *If you've ever wondered what being inside the terror because of a tornado looks like, watch this video (AU)*

252) *It troubles me that parents of very young children **are already in terror** that their child is going to kill themselves (GB).*

253) *People were in terror to go into a nursing home (CA).*

Незначительная часть контекстов показывает, что ужас (*terror*) может быть заполненным (пример 254) или глубоким вместилищем (пример 255).

254) *The final dilemma comes when, with the **full terror** of the 1917 revolution bringing food shortages, strikes and protests, the three women realize that they do not have enough money to return to England (GB).*

255) *The inertia and **terror** are **deep** (GB).*

Ужас ассоциируется с вместилищем, в который можно поместить, например, правление (пример 256) или человека, которого, кстати, наряду с ужасом можно поместить и в страдание (*distress*), как в примере 257.

256) *<...> to allow any citizen to **put his reign into terror** and utter hopelessness or despondency while dancing to the music of a citizen (NG).*

257) *The young Mayance, in the best performance by far, **puts you into her terror** and distress (GB).*

Изъять из ужаса-вместилища можно другое чувство, например, облегчение (*relief*) после непрерывной бомбардировки (пример 258) или вдохновение (пример 259).

258) *To **get some relief out of the terror** of constant bombings (US).*

259) *<...> and wondered what kind of a country it was that **took inspiration out of terror**, an apparent reference to the eulogising of slain Hizbul Mujahideen commander Burhan Wani (IN).*

2.3.5 Distress

Distress is a feeling of great worry or unhappiness; great suffering [Oxford Learner's Dictionary].

Корпусный анализ словоупотреблений эмонима *distress* показал, что его процент встречаемости с классификаторами криптокласса английского языка «Res Continens» достаточно высок – 14,22%, что является третьим показателем после эмонимов *fear* и *love* (на их долю приходится 34,58% и 28,55% соответственно). Примечательно, что 95,44% словоупотреблений *distress* приходится на глагольный классификатор [*SV_{exist} in/inside a container*], диагностирующий ‘нахождение предмета внутри вместилища’. Как видим, страдание (*distress*) главным образом категоризуется по образу и подобию вместилища, в котором что-то находится, например, дети – категория населения, наиболее подверженная влиянию извне (пример 260), или люди с психологическими проблемами, находящиеся на грани суицида (пример 261). Интересны примеры, в которых в страдании-вместилище находятся животные (пример 262), причем это не единичные случаи.

260) *Our kids are in distress, and this is a recognized area that needs research (US).*

261) *Pieta House provides a free, therapeutic approach to people who are in suicidal distress and those who engage in self-harm (IE).*

262) *His opinion that the horse was in distress due to the conditions of his mouth as he should carry some weight (CA).*

Кроме того, что физически можно находиться во вместилище, в нем можно и проживать, что по сути, является аналогичной ситуацией. В отличие от предыдущих примеров, представленных в рамках классификатора [*live in/inside a container*], объектом, находящимся в страдании, всегда выступают люди, которые испытывают трудности, такие как недостаток еды (пример 263) или отсутствие жилья (пример 264).

263) *The people are living in distress and starving to death (IN).*

264) *People are living in housing distress throughout the State (IE).*

Страдание (*distress*) может быть как медицинского (пример 265), так и психологического (пример 266) характера. Впрочем, оба состояния возникают на фоне эмоциональных переживаний.

265) *Mid-morning on March 28, Mitchell was found in distress, and brought back to hospital (CA).*

266) *She didn't turn up so Jordan set off to **find** the damsel in distress, leaving Naz behind, meaning both girls got some one-on-one time (NZ).*

В эмоциональное состояние страдания можно поместить студентов (пример 267), или любого человека (пример 268) или экономику (пример 269).

267) *The handling of the sackings **put** students in emotional distress (HK).*

268) *We are put in huge distress because she's in significant pain (CA).*

269) *Mohammed Morsi may now face a more immediate crisis with the economy **falling** deeper into distress (US).*

Признак 'изъятие предмета из вместилища' реализуется не только в устоявшихся вариантах английского, но и в вариантах азиатского и африканского ареалов (271). Мусульманский мир, например, объединяется, чтобы *вытащить* бирманцев из бедственного состояния (пример 270).

270) *The whole Muslim world should join hands to **get** the poor Burmese out of their distress and misery (PK).*

271) *The administration also got the Debt Management Office to restructure their commercial loans of over N660 billion and extended the life span of the loans. Because this did not succeed in **pulling** many of the states out of distress (NG).*

Немногочисленные контексты показывают, что страдание-вместилище может быть полным (4 словоупотребл.) и глубоким (3 словоупотребл.), при этом полнота вместилища проявляется только через атрибутивный классификатор [*a full container*] и, как правило, в канадском варианте английского языка (3 словоупотребления). Так, в полном страдании может

находиться как человек (пример 272), так и животное (пример 273), будучи беспомощными что-либо сделать.

272) *At the time, I was unconscious and **in full distress** (CA).*

273) *The dog was **in full distress**, motionless, frothing/drooling at the mouth and in need of immediate medical treatment (US).*

В контекстах, демонстрирующих глубину вместилища, подчеркивается значимость данной характеристики при помощи таких наречий, как *so* и *how*. В первом случае говорится о критическом положении города, в котором существует проблема с ночным освещением (пример 274), а во втором – о критическом положении человека, которому требуется помощь, причем «объем» помощи зависит от того, насколько глубоко и серьезно страдание человека (пример 275).

274) *The **distress** is so **deep** that many city's streetlights have gone dark (CA).*

275) *What distinguishes the need for help is just how **deep the distress** is and how it impedes one's role functions – as a child or a parent (IN).*

Неудивительно, что контексты зафиксированы практически во всех идиомах, кроме танзанийского и единичного случая употребления в ямайском идиоме, в которых зачастую отсутствуют словоупотребления с образами, категоризирующимися по аналогии с вместилищем.

2.3.6 Anxiety

*Anxiety is a **feeling** of worry, nervousness, or unease about something with an uncertain outcome [Oxford English Dictionary].*

Всего на долю эмонима *anxiety* приходится 218 словоупотреблений, что составляет 0,83% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

Эмоним *anxiety* обнаруживает свою принадлежность к криптоклассу английского языка «Res Continens», как правило, через глагольные локативные классификаторы. В атрибутивных (*[a full container]* и *[an empty container]*) и предикативных классифицирующих конструкциях (*[a container is filled with]* и *[a container is deep]*) были зафиксированы окказиональные

словоупотребления. Так, полную тревогу в южноафриканском английском могут испытывать инвесторы в связи со своими вложениями (пример 276), а в кенийском английском тревога «заполняется» тремором от транспортного шума ночью (пример 277). В канадском идиоме тревога категоризуется по аналогии с пустым вместилищем (пример 278), а в сингапурском – с глубоким, и эта глубина зависит от самобытности индивида (пример 279).

276) *Junk status for South Africa has been dominating economic news for months now and as it is increasingly looking inevitable; investors are jittery to the point of **full anxiety** about what this will mean for their investments (ZA).*

277) *He recalls that it had been a chilly night that was unusually in only one regard, several speeding vehicles had disturbed the calm of the night keeping him in a heightened sense of **anxiety filled with trepidation** (KE).*

278) *The resulting coming-of-age story works on all levels, whether they are that of **empty anxiety** or an analysis of nature vs. nurture (CA).*

279) *The more original a human being is, the **deeper is his anxiety** (SG).*

Наиболее часто маркируется признак ‘нахождение предмета внутри вместилища’ через классификатор [*be/exist in a container*]. В тревоге находятся из-за проблем эмоциональной надломленности (пример 280). Интересен эффект нахождения человека сразу в двух состояниях: тревоги и страха (пример 281) или тревоги и ужаса (*terror*) (пример 282).

280) *I lived in a constant **anxiety** that I was not in my authentic self (IE).*

281) *Tibetans who remain in the closely guarded region **are living in fear and anxiety** (NZ).*

282) *She is constantly **living in terror and anxiety** (US).*

Экзистенциальная конструкция [*there VS in a container*] показывает, что какой-то объект находится или отсутствует в исследуемом вместилище. Так, например, в тревоге детей-аутистов не содержится никаких изменений (пример 283).

283) *But **there was no change in child anxiety**, challenging behaviours or depression in the autistic children (GB).*

Интересным является контекст, в котором данный эмоним принимает форму множественного числа – *anxieties*, что, вероятно, используется для того, чтобы показать значимость беспокойства, нарастающее напряжение (пример 284).

284) *It had its origins in anxieties about women (GB).*

Большая часть словоупотреблений, в которых маркируется признак ‘помещение предмета во вместилище’, зафиксировано в конструкции [*fall in/into a container*], указывающей на направление движения объекта (преимущественно людей) в тревогу-вместилище. Заметим, что часто люди по-падают сразу и в депрессию, и в тревогу (пример 285-286). Во многих подобных контекстах *anxiety* употребляются наряду со словом *depression*, которое, как и *fear*, *terror*, является семантически близким ему.

285) *Victims of facial disfigurement often **fall into** depression or **anxiety**, experts say (US).*

286) *I **fell into** depression and **anxiety**, and felt unable to cope (GB).*

Вынимать из тревоги можно, как правило, людей, оказавшихся в данном вместилище в связи со сложившимися обстоятельствами. Однако этот процесс может быть как успешным, когда помощь близких помогла выбраться из чувства тревоги (пример 287), так и безуспешным (пример 288).

287) *Timely help **got me out of anxiety** (IN).*

288) *But Olympic athletes are not **taken out of** depression, **anxiety** or **addictions** (CA).*

Несмотря на то, что общее количество словоупотреблений с эмонимом *anxiety* не велико (218 словоупотреблений), практически во всех вариантах английского существует образ тревоги (*anxiety*) как вместилища. Только в гонконгском идиоме отсутствуют языковые свидетельства категоризации чувства тревоги по аналогии с вместилищем.

2.3.7 Grief

*Grief is a **feeling** of great sadness, especially when somebody dies* [Oxford Learner's Dictionary].

Всего на долю эмонима *grief* (горе) приходится 589 словоупотреблений, что составляет 2,24% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

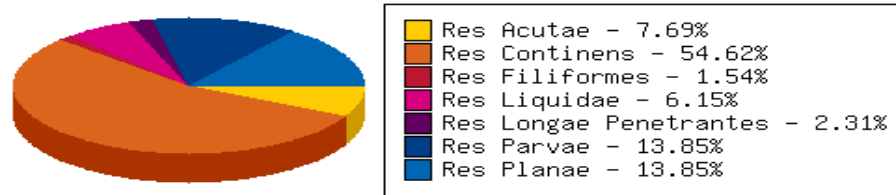

Рис. 53. Криптоклассный портрет эмонима *grief*

Языковая категоризация горя по образу и подобию вместилища в общей картине метафоризации данной сущности представлена следующим образом. Согласно данным COEL горе, как и многие другие эмоционально-чувственные переживания, в англосфере ассоциируется в первую очередь с содержащим, потом – с предметом рукоятным и плоским (одинаковое процентное соотношение), острым, жидким, проникающим и нитевидным (Рис. 53).

ИРа эмонима *grief* также является самым высоким среди других криптоклассов (равен 0,62) (Рис. 54).

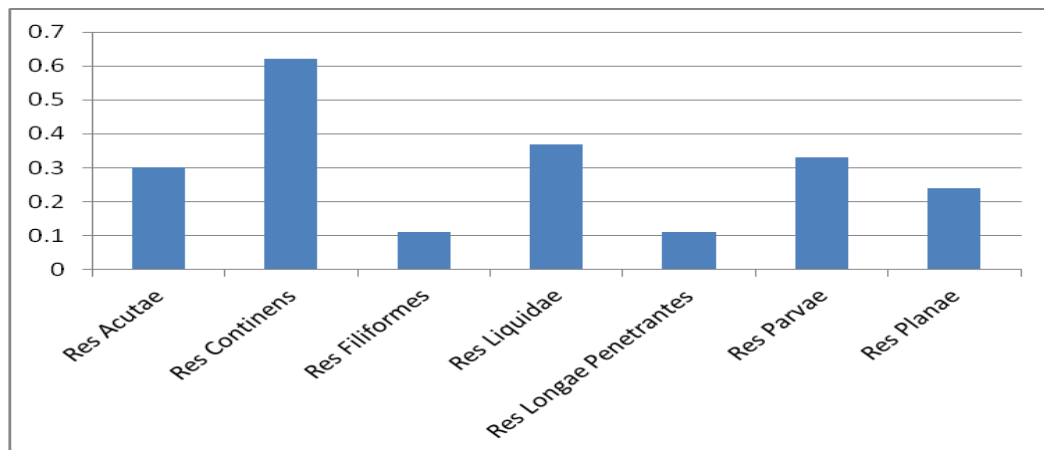

Рис. 54. ИРа эмонима *grief*

Горе категоризуется по аналогии с вмещаемым практически во всех вариантах английского языка. Исключение составляют идиомы Шри-Ланки, Бангладеш и Танзании. Для метафорической категоризации горя как вместилища коммуникативно востребованными являются признак функционально значимой полости, в которой можно находиться, и признак наполняемости вместилища.

Помещают в горе-вместилище, людей, например, семьи после несчастного случая (пример 289) или население целой страны: Великобритании после автомобильной катастрофы, в которой погибла принцесса Диана (пример 290), или Франции после теракта, и сразу в два вместилища: в горе и в страх (пример 291). При этом в горе порой не кладут, а бросают людей, например, власти городского управления Ганы (пример 292).

289) *Two families in Stradone and Clones have been **put into grief** following freak accidents (IE).*

290) *Princess Diana died in a car crash, **putting Britain into grief** (US).*

291) *Last Thursday's attack **put France into new grief and fear** just eight months after extremist gunmen killed 130 people in Paris (SG).*

292) *The Ho municipality was **thrown into grief** soon after the Independence Day celebration on Sunday (GH).*

Находиться в горе могут как отдельные люди, например, сын из-за отсутствия отца в его жизни (пример 293), так и население целой страны (пример 294). Кстати, контексты, свидетельствующие о том, что страна находится не просто в горе, а 'в шоке и горе' не единичны. В горе порой не легко найти искомое, например, предсказуемость (пример 295). По-видимому, горе-вместилище может быть большим и глубоким, поэтому в нем сложно что-то найти, хотя может быть и мелким, в котором можно обнаружить утешение, успокоение (пример 296).

293) *Max's mother Sharon wrote that her son was **in deep grief** of not having a father participating in his life (US).*

294) *Labour leader said “the whole country is in shock and grief” (GB).*

295) *Boyle finds no predictability in grief (GB).*

296) *They stemmed out of a need for families to find some solace in their grief and their loss (AU).*

В одиннадцати вариантах АЯ (американском, канадском, британском, ирландском, австралийском, индийском, пакистанском, сингапурском, малайзийском, южноафриканском и кенийском) горе категоризуется как глубокое вместилище. Но только для англоязычного пространства Индии признак глубины горя-вместилища коммуникативно значим, в остальных 10 вариантах АЯ окказиональное употребление *grief* в конструкции [*a container is deep*] является языковым свидетельством малой коммуникативной востребованности данного признака.

Если человек пребывает в глубоком горе (пример 297), он страдает так, что лишается дара речи (пример 298).

297) *We really grieved as a family together. It surprised me how **deep** that grief was (IE).*

298) *She was unable to even speak, so **deep** was her grief (ZA).*

Окказиональные словоупотребления были зафиксированы с классификаторами криптокласса «Res Continens» [*a full container*], [*a container is filled (with smth)*] и [*empty a container*]. По аналогии с полным или пустым вместилищем горе категоризуется только в новозеландском, американском и индийском идиомах.

Так, горе-вместилище заполняется другим эмоционально-чувственным переживанием – гневом (пример 299), горе может быть полным и нарушить психологический баланс человека (пример 300). Тем не менее, избавиться от горя можно, **опустошив** его, например, посредством разговора с другим человеком (пример 301).

299) *However, grief **filled with anger** was visible on their faces and every one wanted an answer (IN).*

300) *There are still moments, needle-sharp but increasingly infrequent, when the **full grief** will hit me and my heart will toss like a horse's head (US).*

301) *Talking to me was a chance for them to **empty their grief** and toss it to the winds (NZ).*

Дополнительные запросы в корпусах COCA, BNC, The TV Corpus, The Movie Corpus и iWeb также показали, что горе окказионально употребляется в таких классифицирующих конструкциях, как [*a full container*], [*a container is full*] и [*an empty container*]. Так, наполненность горя-вместилища предполагает, что он стал тяжелым, им можно нанести удар человеку (пример 302). Горе наполняют загадочными парадоксами (пример 303). Если для говорящего важно приписать горю признаки пустоты и глубины, то становится коммуникативно значимым тот факт, что в горе-вместилище можно что-то спрятать, как в колодце (пример 304).

302) *There are still moments, needle-sharp but increasingly infrequent, when the **full grief** will hit me and my heart will toss like a horse's head.*

303) ***Grief is full of puzzling paradoxes!***

304) *After knowledge came grief – a deep **empty grief**.*

2.3.8 Pleasure

*Pleasure is a **feeling** of happy satisfaction and enjoyment [Oxford English Dictionary].*

Любопытная картина складывается с эмонимом *pleasure*, т.к. всего на его долю приходится 146 словоупотреблений (0,55% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов), но встречается он практически с каждым классификатором. Индекс разнообразия сочетаемости эмонима *pleasure* является самым высоким среди криптоклассов (равен 0,85) (Рис. 55). Исключением является только предикативная классифицирующая конструкция [*a container is shallow*], т.е. удовольствие в АЯ (независимо от варианта) не категоризуется как мелкоеместилище, а как глубокий, напротив, категоризуется, хотя употребление в конструкции [*a container is*

deep] окказиональное. Только в сингапурском идиоме удовольствие может быть глубоким (пример 305).

305) <...> *whether the female spectator is carried along, or whether her pleasure can be more deep, rooted and complex (SG).*

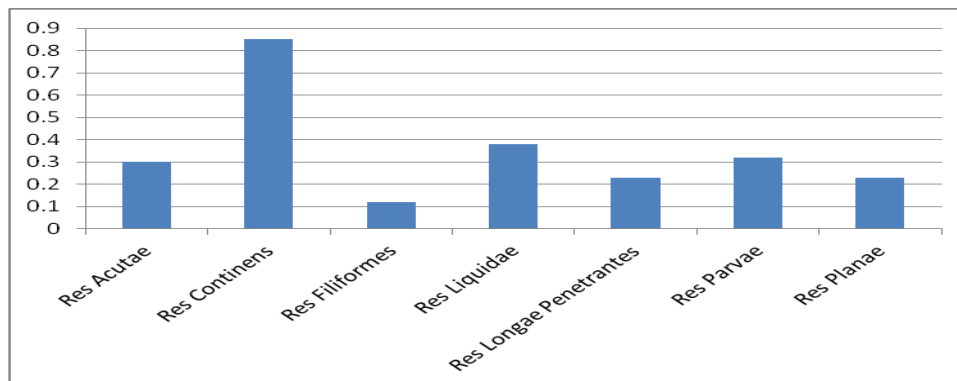

Рис. 55. ИРа эмонима *pleasure*

Удовольствие (*pleasure*), наряду с чувством счастья (*happiness*), может быть полным в случае наслаждения богатством (пример 306), наслаждения родительскими обязанностями (пример 307). Временное удовольствие, которое приносят международные турниры, может заполняться моментами, которые возносят на пик славы (пример 308), или же удовольствие заполняется какими-то достижениями (пример 309).

306) *They will travel the world staying in splendid hotels, enjoying luxury cruises; deriving full happiness and pleasure from their wealth (KE).*

307) *It is for those who conceptually and practically take full pleasure to be the parents of a girl child (IN).*

308) *International tournaments are temporal pleasure, filled with moments that teeter on the cusp of glory (IE).*

309) *My motto for this year's race was God made me for a purpose and you should fill his pleasure (ZA).*

Наряду с признаком наполненности удовольствием приписывается и признак пустоты. Пустота удовольствия может быть незначимым для одних и ценным для других (пример 310). Из пустого удовольствия может состоять

жизнь (пример 311), в которой люди ищут пустое удовольствие вместо истинных духовных ценностей (пример 312).

310) *Empty pleasure for me, might be worth for you (NG).*

311) *It's a life of empty pleasure (CA).*

312) *<...> where people are endlessly prodded to pursue empty pleasure instead of larger, spiritual truths (CA).*

В повседневном удовольствии можно обнаружить интерес (*interest*) (пример 313), а в жизненном – чувство радости – *joy* (пример 314), достать ее из этого удовольствия-вместилища (пример 315), или обнаружить счастье – *happiness* (пример 316), а также находиться одновременно в счастье, удовольствии и радости (пример 317). В некоторых случаях в истинном удовольствии ‘лежит’ привязанность к играм (пример 318).

313) *For the rest of us, interest lies in more mundane pleasure like landscape architecture and the pleasure of other people's company (PH).*

314) *I have trouble finding joy in the simple pleasure of life (AU).*

315) *I am unable to take joy out of the simple pleasure of life (CA).*

316) *Yet here were people with every reason to despair, finding happiness in the simplest pleasure of life itself (GB).*

317) *We are into happiness and pleasure and joy (NZ).*

318) *<...> and part of that instant addiction lies in the sheer pleasure in playing (GB).*

Удовольствие – это содержащее для радости во всех ее проявлениях: для восторга, восхищения (*delight*) (пример 319), собственно радости (*joy*), которая находится в простом удовольствии (*pleasure*) (примеры 320-321), счастья (*happiness*), которое невозможно обнаружить во временном (пример 322) или мирском удовольствии (пример 323).

319) *<...> finds delight in the simple pleasure in life that you and I have most probably taken for granted (ZA).*

320) *<...> catches glimpses of imaginary life in the forest where man finds joy in simple pleasure (IN).*

321) *There's a wisdom that comes with age and **finding joy in simple pleasure** (IE).*

322) *Philosophers have long opined on the value in **finding happiness not in temporary pleasure** but deeper notions of a good life (CA)*

323) ***Happiness is not in worldly pleasure**, so stop working your brain like a machine (IN).*

Чувство удовольствия (*pleasure*) является одной из немногих, категоризация которых по образу и подобию вместилища не выходит на первое место. В первую очередь удовольствие ассоциируется с предметом рукоятным, а уже затем – с содержащим, плоским, острым, жидким, нитевидным и проникающим (Рис. 56).

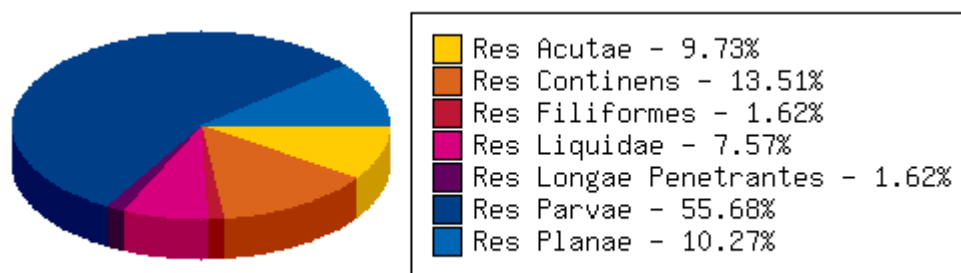

Рис. 56. Криптоклассный портрет эмонима *pleasure*

Встречаемость эмонима *pleasure* с классификаторами криптокласса АЯ «Res Continens» не была зафиксирована преимущественно в азиатском ареале – шриланкийском, бангладешском, малайзийском и гонконгском, а также в одном из африканских вариантов английского языка – танзанийском.

2.3.9 Joy

*Joy is a **feeling** of great pleasure and happiness* [Oxford English Dictionary].

Всего на долю эмонима *joy* приходится 301 словоупотребление, что составляет 1,14% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

Криптоклассный портрет *joy* напоминает портрет *pleasure*. Согласно данным COEL радость для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с предметом рукоятным, а уже затем – с содержащим, жидким, плоским, нитевидным, острым и проникающим (Рис. 57).

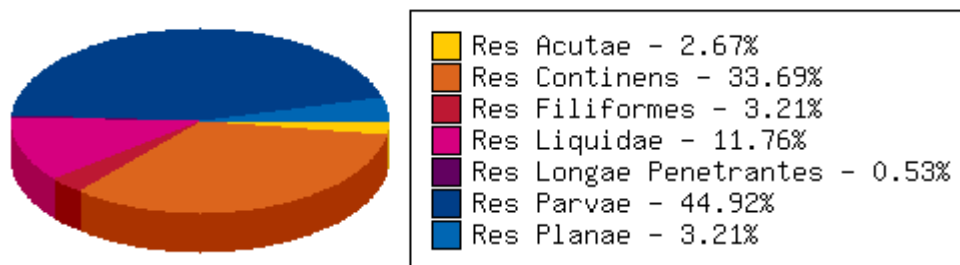

Рис. 57. Криптоклассный портрет эмонима *joy*

ИРа эмонима *joy* также является самым высоким среди других криптоклассов (равен 0,69) (Рис. 58).

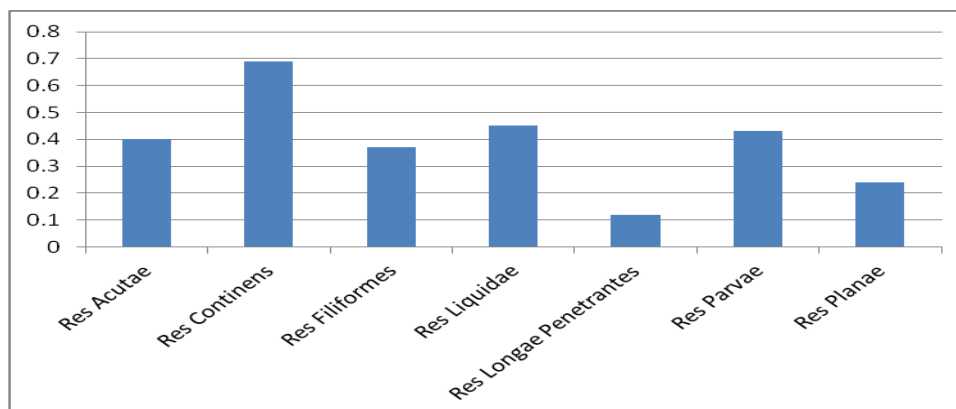

Рис. 58. ИРа эмонима *joy*

Достаточно четко прослеживается образ полного вместилища. Так, радость осмысливается как полное вместилище, когда речь идет о каких-то семейных праздниках (324), национальных фестивалях (325) и т.п.

324) *And like any other festival, Christmas is also celebrated with full joy and enthusiasm around the world (IN).*

325) *Eid-ul-Azha is a cultural festivity celebrated with full joy (PK).*

В предикативной классифицирующей конструкции [*a container is full*], в отличие от других эмонимов, практически во всех примерах отсутствует указание содержимого, заполняющего радость-вместилище. В редких

случаях мы видим, что радость-вместилище наполняется жизнью (пример 326) или заполнен до краев так, что положить туда еще что-то типа прощания не получится (пример 329).

Любопытно, также и то, что более половины словоупотреблений в этой конструкции приходится на нигерийский вариант английского языка (примеры 328-329). Очевидно, образ заполненной радости коммуникативно востребован в нигерийском англоязычном дискурсе.

326) *She was a **joy**, full of life (GB).*

327) *Our **joy will be full with no more goodbyes** (GB).*

328) *My **joy was even fuller** because I was convinced in my heart that we did not disappoint him for preparing, trusting and sending us into battle (NG).*

329) *Buying Christmas clothes for the children is a necessity if you really want their **joy to be full** in the special season (NG).*

Другая предикативная конструкция [*a container is filled with*] маркирует как содержимое (какие-то детали, непонятные моменты) содержится в радости-вместилище (пример 330).

330) *The movie itself is always a **joy, filled with delightful detail and oddities** that seem to reveal more with each viewing (AU).*

Глубина радости-вместилища измеряется на глаз (пример 331) или сравнивается с другим вместилищем, например, счастьем-вместилищем (*happiness*) (пример 332).

331) *But **joy is deeper** and more profound an issue (CA).*

332) *Meduoye said that happiness is good but **joy is deeper**, absolute and also satisfies the soul (NG).*

В радости-вместилище можно существовать (пример 333), жить (пример 334), что-то найти, например, комфорт, спокойствие (пример 335). Кстати, комфорт, уют, спокойствие или удобство (*comfort*) очень часто выступает содержимым эмоций-вместилищ.

333) *Goa has assimilated the essence of both regions where people coexist in harmony and joy (IN).*

334) *But best of all, babies themselves provide unlimited chances to **live in gratitude and joy** (CA).*

335) *I hope they **find comfort in the joy** he brought others (IE).*

Довольно часто *joy* встречается с интранзитивным классификатором [*fall in/into a container*], причем часто *joy* принимает форму множественного числа – люди, объекты впадают в порывы радости (пример 336).

336) *I greatly look forward to **falling again into the joys and challenges** of once more bringing Narnia to the screen (US).*

Радость-вместилище, являясь содержащим для других эмоций и чувств, открыт для человека. Так, из радости других можно извлечь радость для себя (пример 337) или надежду (пример 338).

337) *<...> **taking joy out of the increased joy** of others (PH).*

338) *For those who will be disappointed, they must now **take hope out of the joy** of the others (NG).*

По образу и подобию вместилища радость (*joy*) не категоризуется только в двух вариантах АЯ – гонконгском и танзанийском. Превалирующее число словоупотреблений зарегистрировано в американском и британском английском. В идиомах Бангладеш, Кении, Ганы и Ямайки – только окказиональные словоупотребления.

2.3.10 Happiness

*Happiness is **the state of feeling or showing pleasure** [Oxford Learner's Dictionary].*

Всего на долю эмонима *happiness* приходится 172 словоупотребления, что составляет 0,65% от общего количества словоупотреблений.

Высокая функциональная нагрузка на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации счастья не влияет на общую картину метафоризации данной сущности (криптоклассного портрета *happiness*). Счастье в первую очередь категоризуется по аналогии с плоским, а затем уже с содержащим, предметом рукоятным, жидким и нитевидным (Рис. 59).

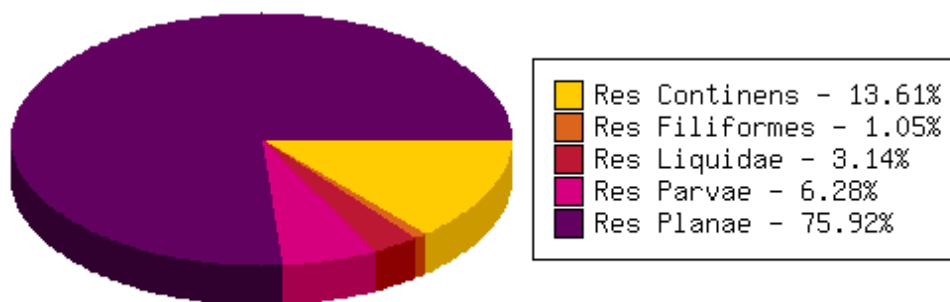

Рис. 59. Криптоклассный портрет эмонима *happiness*

ИРа эмонима *happiness* в криптоклассе «Res Continens» равен 0,77 (Рис. 60).

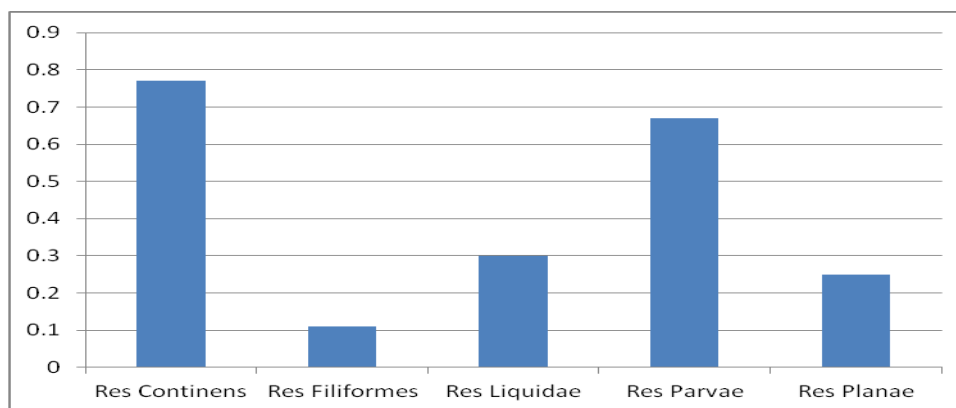

Рис. 60. ИРа эмонима *happiness*

Эмоним *happiness* встречается практически со всеми классификаторами за исключением [*a container is shallow*]. По-видимому, объяснение лежит в семантике данной единицы: счастье не является незначимым (неглубоким) чувством. Счастье категоризируется по аналогии с пустым вместилищем (примеры 339-340).

339) *It is a great joy, an immense joy, because there is happiness everywhere and this is not an empty happiness (AU).*

340) *Hun Jang's The Front Line (2011) is a poetically painful drama about the destroyed humanity and tortured souls of those in war, in a land which hope has long deserted and the few moments of empty happiness mean everything (GB).*

Счастье может категоризоваться как наполненное вместилище через атрибутивную [*a full container*] (пример 341) и предикативную

классифицирующую конструкцию [*a container is full*] (пример 342), а также посредством предикативной классифицирующей конструкции [*a container is filled with*]. Счастье может быть наполнено печалью (примеры 343-344), любовью, смехом, совместной жизнью с мужем (пример 345) или ответственностью (пример 346).

341) *Life is too short to be unhappy so do everything to live it in **full happiness*** (NG).

342) “*She was happy with Kofi,*” *she said, but that **happiness** couldn’t be **full** without support from her family, especially her father* (GH).

343) *Its **happiness is full of** the shadow of the sadness from three seconds earlier a* (GB).

344) *My **happiness is filled with sadness** without you to share it with* (CA).

345) *I wish you both eternal **happiness, filled with** love, laughter and a beautiful life with your husband* (IE).

346) *The tremendous **happiness is also filled with** great amount of responsibility* (IN).

По аналогии с глубоким счастье категоризуется достаточно редко. Примеры такой категоризации были зафиксированы только в американском варианте АЯ (пример 346).

347) *This sort of **happiness is permanent, deep*** (US).

Интересно, что счастье выступает содержащим для своей противоположности – горя (пример 348). Счастье может содержать в себе весь спектр человеческих чувств и эмоций, особенно это проявляется в текстах, где очевидно переплетение разных тем – войны, конфликта, воспоминаний, улаживания споров, любви. Все они – содержимое счастья-вместилища (пример 349).

348) *She is excellent at capturing contradiction and the complexity of human emotions – how **happiness can contain grief**, how the act of writing can make the writer powerful* (IE).

349) *Her novels are alike in their themes (war and conflict, memory and reconciliation, love) and style, with shifting timelines and multiple narrators. **Happiness contains** all of these, and if at times its scope feels too broad, it is all the more beautiful for its flaws (CA).*

Учитывая семантику слова *happiness* ('чувство удовлетворенности, довольствия') можно предположить, что во вместилище можно положить или извлечь из него нечто положительное. Это, собственно, и подтверждается корпусными данными: из счастья извлекают комфорт, спокойствие (пример 350), силу для преодоления препятствий (пример 351). В счастье впадают сами (пример 352), или помещают в него энергию (пример 353), людей (пример 354). В последнем случае используется выражение «вынужденное счастье», в которое помещал людей Гитлер.

350) *Emma has **taken comfort out of the happiness** of her daughter's last months (GB).*

351) ***Taking strength out of** her personal **happiness**, and her love of her son, Owen began to be able to mourn Noleen and set about seeking to claim her, with little success (IE).*

352) *Not only are researchers **falling into the happiness** of individuals, the happiness quotient of entire nations is being measured (CA).*

353) *We can **put more energy into** happiness and spending time with family and friends (GB).*

354) *Hitler saw it as his duty to "**put the people into** happiness". There was a kind of "enforced happiness" (GB).*

Несмотря на малое количество примеров (172 словоупотребления), эмоним *happiness* встречается во всех вариантах АЯ, кроме танзанийского. В ямайском и гонконгском идиомах зафиксированы окказиональные словоупотребления.

2.3.11 Surprise

Surprise is a feeling caused by something happening suddenly or unexpectedly [Oxford Learner's Dictionary].

По всем вариантам зафиксировано 116 употреблений данного эмонима в классифицирующих конструкциях криптокласса. Это составляет 0,44% от общего количества примеров исследовательского корпуса.

Согласно данным COEL удивление (*surprise*) для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с содержащим, затем – с плоским, рукоятным, жидким, острым, нитевидным и проникающим (Рис. 61).

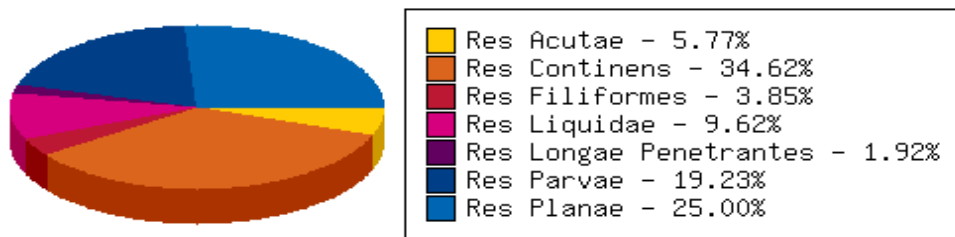

Рис. 61. Криптоклассный портрет эмонима *surprise*

ИРа эмонима *surprise* равен 0,46 (Рис. 62).

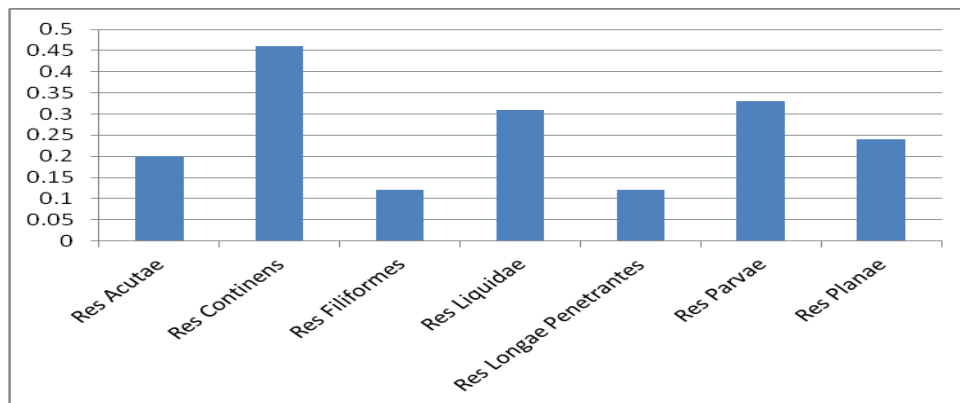

Рис. 62. ИРа эмонима *surprise*

Эмоним *surprise* обнаруживает свою принадлежность к криптоклассу «Res Continens» через все глагольные локативные классификаторы, атрибутивный классификатор [*a full container*] и предикативные классификаторы [*a container is full*] и [*a container is filled with*]. Согласно корпусным свидетельствам при языковой категоризации удивления на

англоязычном пространстве признаки пустоты или глубины не актуализируются.

В удивление-вместилище можно поместить людей (пример 355) или компанию (пример 356).

355) *One of those debutants, David Faupala, almost **put the visitors into a surprise** early lead with a fierce shot that Thibaut Courtois beat away (NG).*

356) *We might also see Fiat **falling in a surprise** by bringing the 1.4-litre MultiAir, turbo petrol engine or the smaller 0.9-litre MultiAir engine (IN).*

Интересны примеры, в которых удивление категоризуется по аналогии с полным вместилищем. Так, удивление-вместилище может быть наполнено улыбками фанатов в пакистанском варианте английского языка (пример 357), восторгом и наслаждением в новозеландском варианте (пример 358).

357) *Pakistani fans would hope those **surprises are full of smiles** (PK).*

358) *It was a huge **surprise, filled with delight**, followed swiftly by fear, when they informed me a few months ago that we'd been accepted (NZ).*

Употребления с эмонимом *surprise* были зафиксированы в 16 вариантах языка, контекстов не было зафиксировано в идиомах Гонконга, Бангладеш, Ямайки и Танзании. Наибольшая частотность отмечается в индийском (19,83% словоупотреблений), американском (17,24% словоупотреблений) и британском (13,79% словоупотреблений) вариантах АЯ. В большей части вариантов азиатского (сингапурском, шриланкийском, пакистанском, малазийском и филиппинском), африканского ареалов (ганском и кенийском) и частично в австралийском ареале (новозеландском) отмечаются окказиональные словоупотребления.

2.3.12 Passion

*Passion is a very strong **feeling** of love, hatred, anger, enthusiasm, etc.; a very strong feeling of liking something; a hobby, an activity, etc. that you like very much [Oxford Learner's Dictionary].*

Всего на долю эмонима *passion* (страсть) приходится 266 словоупотреблений, что составляет 1,01% от общего количество словоупотреблений всех эмонимов.

Согласно данным COEL в первую очередь страсть категоризуется по аналогии с плоским, а затем уже по образу и подобию вместилища. Практически в равных долях представлена ассоциации страсти с жидким и предметом рукоятным, а затем следует нитевидное и острое (Рис. 63).

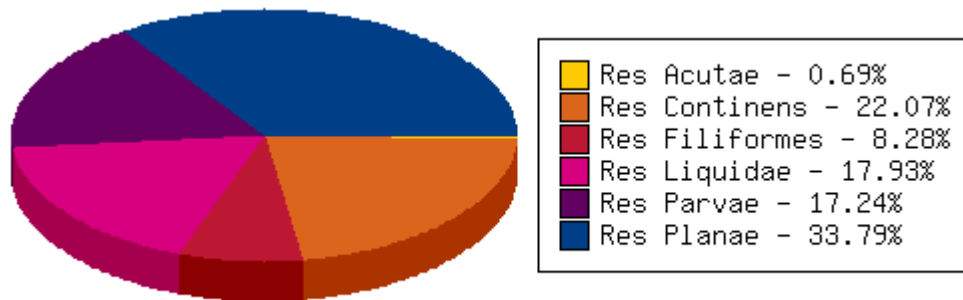

Рис. 63. Криптоклассный портрет эмонима *passion*

ИРа эмонима *passion* равен 0,62 (Рис. 64).

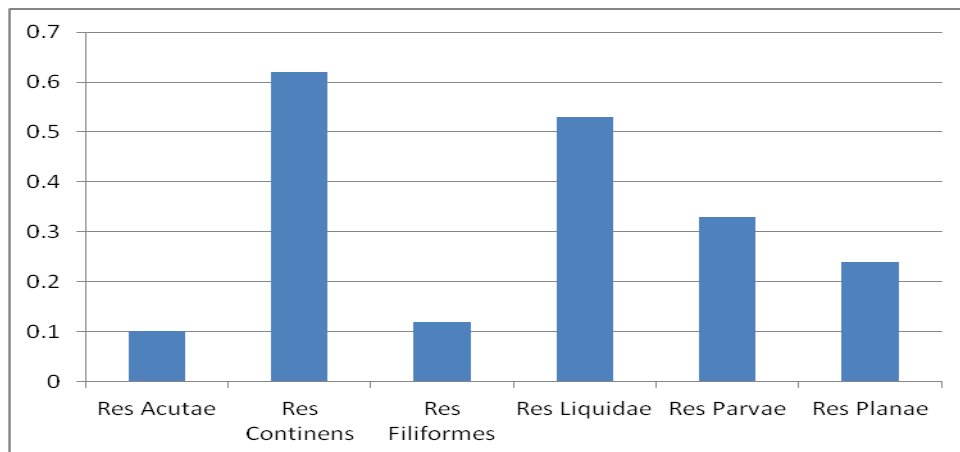

Рис. 64. ИРа эмонима *passion*

Страсть категоризуется в вариантах АЯ по аналогии с вмещающим преимущественно при помощи классификаторов [*VO/V in/into a container*] и [*SV_{exist} in/inside a container*] – 93 и 84 словоупотребления соответственно (Приложение). Следует заметить, что 2/3 примеров встречаемости эмонима *passion* с глагольным локативным классификатором [*VO/V in/into a*

container], диагностирующим ‘наполняемость вместилища’, приходится на вариант английского языка ЮАР. За объяснением такой особенности языкового образа страсти в ЮАР обратимся к инвентарю ареальной лингвистике и контактологии. По-видимому, маркирование данного признака страсти-вместилища в южноафриканском английском обусловлено достаточно длительными языковыми контактами языка колонизаторов с местными языками, в которых этот признак коммуникативно востребован, и заимствован.

В *страстное увлечение* (*passion*) музыкой можно *вложить* энергию с креативной направленностью (пример 359). Заметим, что страсть к музыке, включая игру на музыкальных инструментах, довольно часто выступает содержащим (пример 360). Наряду с этим, во вместилище можно что-то найти: опасные амбиции, связанные с желанием иметь власть (пример 361), и даже жизнь (пример 362).

359) *He is not working or gaming, he either puts his creative energy into his passion for music or plays football (ZA).*

360) *Chanot had always lived in his passion for the violin (GB).*

361) *The dangerous ambitions of power were to be found in the passions of human nature (US).*

362) *Who can find life in passion, they can breath into every step of that passion (IN)*

В страстном увлечении футболом находится сила (пример 363), а сущность крикета (пример 364) или успех (пример 365) лежат на дне страсти-вместилища.

363) *But there is also power in the passion for soccer that binds a community to its school (CA).*

364) *The essence of cricket lies in the passion (IN).*

365) *Their success lies in their passion for education, pursuit of knowledge and encouragement of others to do the same (ZA).*

Наполненность образа страсти проявляется посредством атрибутивного классификатора [*a full container*] преимущественно в индийском (пример 366) и пакистанском вариантах английского (пример 367).

366) *Whatever team we play for, we play with **full passion** and we play to win the match for that team (IN).*

367) *You know when you see a malang performing a dhamaal with **full conviction and passion** you can feel his energy (PK).*

В глагольном локативном классификаторе, диагностирующем ‘изъятие предмета из вместилища’ [*VO/V out of a container*] было зафиксировано 39 словоупотреблений *passion*. Большая часть примеров встречаемости эмонима в этой конструкции зарегистрирована в американском английском (20,51% словоупотреблений) и британском (20,51%). Можно вынуть из страсти-вместилища знания и вдохновение (пример 368), или нечто большее, что нельзя описать словами (*a lot*, пример 369), или же буквально вытащить человека из страсти в пакистанской лингвокультуре (пример 370).

368) *More importantly, I always find that I **take knowledge and inspiration out of the passion** of young people (US).*

369) *I take a lot out of the **passion** they've shown (GB).*

370) *She says that in her younger years her career in marketing would **pull her out of her passion** – painting (PH).*

Достаточно часто образ страсти-вместилища сопровождается содержимым, которым наполнена страсть, например, трудностями в индийском английском (пример 371).

371) *Bahety's journey to follow her **passion** was **full of challenges**, considering the skilled labour in this field is hard to find and to grow beautiful flowers, you need canal water that is scarce in Jhajjar (IN).*

Страсть также может категоризоваться по образу и подобию пустого (пример 372) или глубокого вместилища (пример 373).

372) *Lack of discipline and professionalism is rife in Bangladesh Cricket from the top to bottom. FULL OF EMPTY PROMISES, PASSION AND DESIRES (BD)!!!!*

373) *His passion for basketball is deep (US).*

2.3.13 Hope

Hope is a feeling that something you want will happen [Oxford English Dictionary].

Всего на долю эмонима *hope* (надежда) приходится 395 словоупотреблений, что составляет 1,5% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов (Примечание 3). Согласно COEL надежда для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с предметом рукоятным, потом – с содержащим, нитевидным, острым, плоским, жидким, проникающим и круглым (Рис. 65).

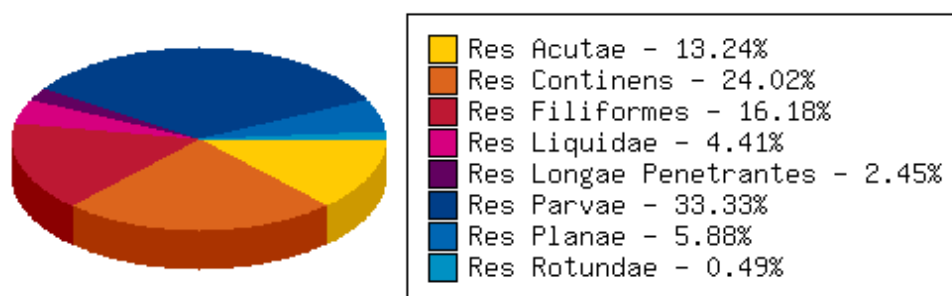

Рис. 65. Криптоклассный портрет эмонима *hope*

Индекс разнообразия сочетаемости эмонима *hope* достаточно высокий (равен 0,77). Самый высокий индекс сочетаемости эмонима *hope* в криптоклассе «Res Filiformes» – он равен 0,86 (Рис. 66).

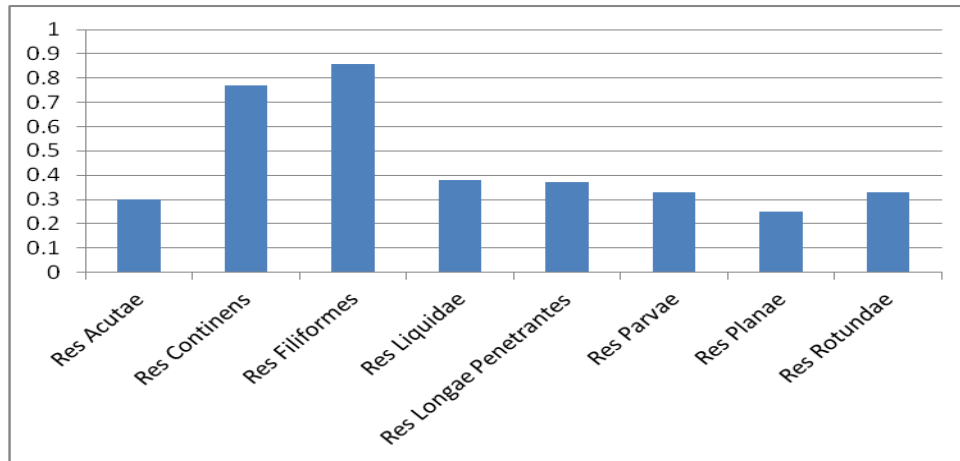

Рис. 66. IPA эмонима *hope*

Надежда не может категоризоваться по образу и подобию глубокого и мелкого вместилища. Она может быть пустой и полной, заполненной чем-то, может содержать содержимое, в ней можно находиться, в нее можно что-то поместить или изъять из нее. В надежде могут содержаться силы по сдерживанию стран от выхода из Евросоюза, дабы не повторить ситуацию с брекзитом со стороны Великобритании (пример 374).

374) *To contain any damage from a Brexit, French officials are hellbent on severing Britain from the continent as quickly and painfully as possible if the vote goes against Europe. The **hope contains** the centrifugal forces from spreading to the rest of the EU (US).*

Особый интерес представляют контексты, в которых одни эмоции или чувства является содержащим, а другие – содержимым. Так, надежду-содержащее заполняет радость-содержимое (пример 375). Надежда-вместилище заполняется силой и здоровьем (пример 376).

375) *His arrival is heralded by the very stars, **filling hope with joy** (CA).*

376) *Burning with **hope, full of health and strength**, let's rise us (AU).*

Надежды (наряду с мечтами) могут быть заполнены желаниями (пример 383). Данный контекст был зафиксирован в четырех языковых вариантах – американском, британском, ирландском и новозеландском, в разное время. Названия статей тоже разные, но все они рассказывают о

рождении сына у американской супермодели Тайры Бэнкс. Поэтому вероятно, именно американское издание было первоисточником.

377) *My **hopes** and dreams are **filled with** well wishes that they get to feel what my little treasure, York Banks Asla, feels like in my arms (US).*

Полная надежда возлагается на молодых перспективных управленцев, борющихся за реорганизацию устоев (пример 384), людей, старающихся достичь определенных высот в своем деле (пример 385). Пустая же надежда может быть со стороны государства, когда оно не выполняет своих обещаний (пример 386) или же во время надвигающейся катастрофы (пример 387).

378) *Prof. Bhim Singh has expressed **full hope** in the youthful leadership of the Panthers Party which has been fighting for reorganization (PK).*

379) *I have **full hope** they would have tried their best (IN).*

380) *The previous government gave us **empty hope** (NG).*

381) *But nothing can hide the characters overwhelming sense of **empty hope** and melancholic dread of future catastrophe (AU).*

Неудивительно, что большая часть корпусных примеров приходится на конструкцию, маркирующую признак ‘нахождения предмета внутри вместилища’, а также на конструкцию, диагностирующую ‘помещение предмета во вместилище’, т.к. надежда – это один из наиболее благоприятных типов вместилища. В надежде можно лежать (пример 388), жить (пример 389), или просто существовать (пример 390). При этом более 2/3 контекстов употребления *hope* с классификаторами рассматриваемого криптокласса свидетельствуют о том, что надежда – это удобное вместилище для постоянного нахождения в нем (389).

382) *That being the case, **I lie in hope** that Google is reading and as keen to implement this as we would be (US).*

383) ***I live** always **in the hope** that still there'll be more (CA).*

384) *Now in the meantime, this unity **exists in the brave hope** of those who worship God (GB).*

В надежду-вместилище можно вложить деньги (пример 391) или вытащить из него чувства (пример 392).

385) *Businessman Wil Cardon has **put millions of his own money in hopes of an upset** (US).*

386) *I've **taken heart out of the hope** of young graduates and our newest military officers (SG).*

Надежда категоризируется по аналогии с вместилищем во всех вариантах английского языка, за исключением гонконгского. Наибольшее количество словоупотреблений зафиксировано в британском английском.

2.3.14 Pride

*Pride is a **feeling** or deep pleasure or satisfaction derived from one's own achievements, the achievements of those with whom one is closely associated, or from qualities or possessions that are widely admired [Oxford English Dictionary].*

Всего на долю эмонима *pride* (гордость) приходится 71 словоупотребление, что составляет 0,27% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

Только в шести вариантах АЯ гордость не категоризируется по аналогии с вместилищем: в австралийском и карибском ареалах, частично в азиатском (вариантах английского Бангладеш и Гонконга) и частично в варианте английского Танзании. Интересным представляется коммуникативная невостробовательность образа гордости-вместилища в австралийском и новозеландском английском. Вероятно, такой образ не знаком или когнитивно незначим для языкового сообщества данного ареала.

Это один из немногих криптоклассных портретов, в которых категоризация эмоции/чувства по аналогии с вместилищем не представлена ярко. Согласно COEL гордость для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с предметом рукоятным, затем – с плоским, а уже потом – с содержащим, острым, жидким, нитевидным и проникающим (Рис. 67).

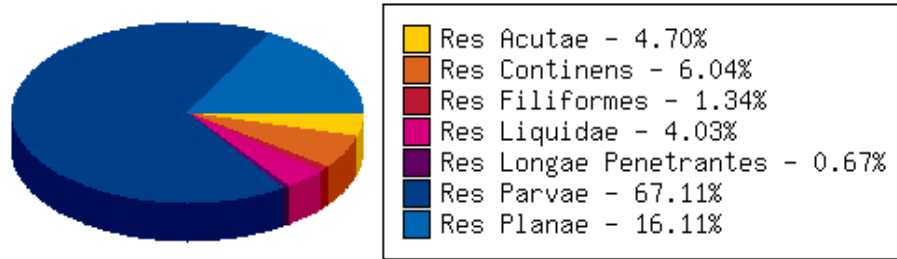

Рис. 67. Криптоклассный портрет эмонима *pride*

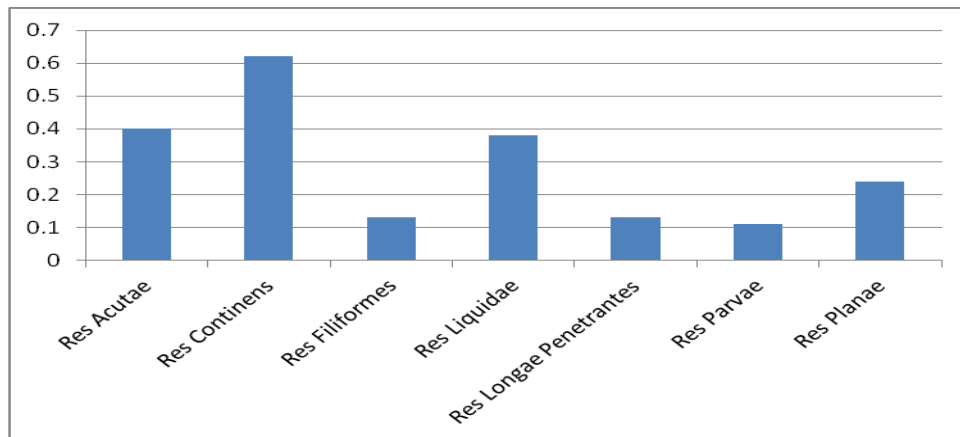

Рис. 68. ИРА эмонима *pride*

ИРА эмонима *pride* вновь самый высокий и 0,62. Он больше второго показателя криптокласса «Res Liquidae» в 1,6 раза (Рис. 68).

Гордость может быть полной (пример 387), а также она может быть наполнена, например, разговорами о теплоте и дружелюбии человека (пример 388).

387) *However, Shraddha's parents have laid **full pride** on what their daughter achieved (IN).*

388) *Huffy is the personification of local **pride**, **full of talk about Geordie's warmth and friendliness** (GB).*

По аналогии с пустымместилицем чаще всего гордость категоризуется в африканских языках, а именно нигерийском (пример 389) и ганском (пример 390) и южноафриканском (пример 391) вариантах АЯ. Во многих примерах пустую гордость нужно проглотить (примеры 389, 391).

389) *We are sinking fast in the quick sand, let us swallow our **empty pride** as Nigerians and ask for international assistance in tackling this problem (NG).*

390) *This is the result of an **empty pride** and trust in raw military muscle (GH).*

391) *The inability to swallow your **empty pride** and attempt to solve problems with players for the sake of the betterment and advancement (ZA).*

Ярким примером вместилища является национальная гордость британцев, в которой содержится элементы национальной идентичности Шотландцев, Уэльсцев, англичан графства Йоркшир (пример 392).

392) *Throughout these London Games, we saw how **British pride contains strong national and regional identities**, as Scotland, Wales and Yorkshire celebrated the achievements of local Olympians, with our shared pride in the Union flag whether it was flying to celebrate the Gold medals of Jessica Ennis or Mo Farah, Andrew Murray or Ben Ainslie (GB).*

Признак ‘нахождения предмета внутри вместилища’ проявляется в примерах, в которых либо человек сам (пример 393), либо его обиды (пример 394) или характерные особенности (пример 395) являются содержимым гордости. Человека можно поместить в гордость-вместилище (пример 396) либо вынуть из него (пример 397).

393) *How stupid and/or corrupt can you be, **in** your shameless **pride** (US)?*

394) *When people are offended, the offense is in pride (US).*

395) *It is nothing but ignorance in pride and pride in ignorance (NG).*

396) *By justifying his callous deeds, he **puts himself in pride** (CA).*

397) ***Taking out of** pre-revolutionary imperial **pride**, and historic Orthodox culture, his patriotic narrative was invoked to justify the unilateral things (CA).*

2.3.15 Shame

Shame is the feelings of sadness, embarrassment and guilt that you have when you know that something you have done is wrong or stupid [Oxford Learner's Dictionary].

Всего на долю эмонима *shame* приходится 700 словоупотреблений, что составляет 2,66% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

Согласно COEL стыд для англоязычного сознания в первую очередь ассоциируется именно с содержащим, а уже потом – с предметом рукоятным, жидким, плоским, нитевидным, острым и проникающим (Рис. 69).

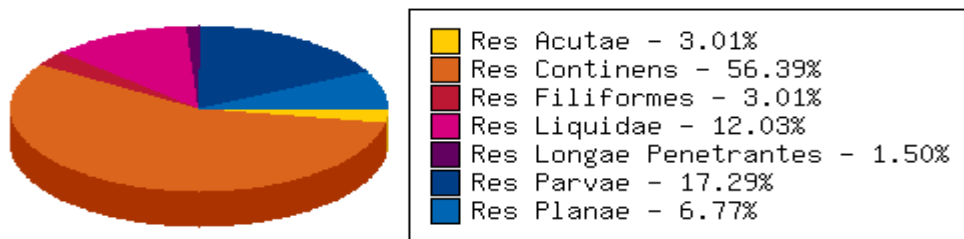

Рис. 69. Криптоклассный портрет эмонима *shame*

ИРа эмонима *shame* по всем криптоклассам, за исключением криптокласса «Res Longae Penetrantes», примерно одинаковый. Самый высокий показатель в двух классах – «Res Continens» и «Res Filiformes», он равен 0,38 (Рис. 70).

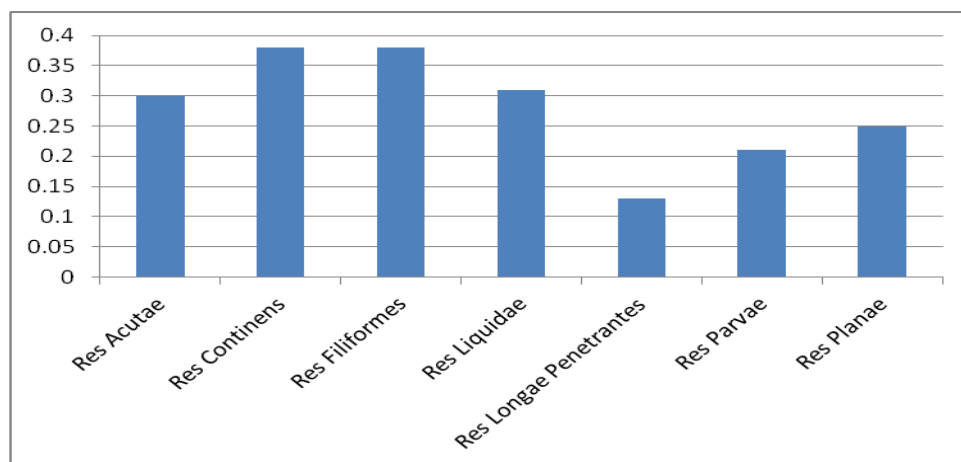

Рис. 70. ИРа эмонима *shame*

Стыд (*shame*), как правило, категоризуется как вместилище, в котором находятся, или в которое помещают кого-то (в единичных случаях что-то). Это не удивительно, учитывая семантику данной лексической единицы: чувство стыда возникает в случае, если **человек** сделал что-то неправильное.

В англоязычном новостном дискурсе были зафиксированы окказиональные словоупотребления *shame* с классификаторами криптокласса «Res Continens» [*a full container*] и [*a container is full*], в которых маркируется признак наполненности стыда-вместилища в американском английском (пример 406) и австралийском (пример 407).

398) *We didn't want to project a **full shame** on him because we don't have the evidence for it (US).*

399) *Lonely souls, with no ear to scratch, or belly to rub, and feeling the **full shame** of every fart, with no dog under the table to blame (AU).*

В предикативной классифицирующей конструкции [*a container is deep*] были зафиксированы словоупотребления данного эмонима в американском, ирландском, британском и южноафриканском вариантах языка.

Стыд-вместилище бывает слишком глубоким (пример 400), более глубоким (пример 401). Глубоким может быть стыд страны (пример 402) или какого-то отдельного человека (пример 403).

400) *Every day I promised myself I must talk to her, but **my shame was too deep** (IE).*

401) *But **shame is deeper** and more painful; it's the realization that you're not the person you thought you were (US).*

402) *Electricity is only a by-product. We're not gonna get away from it – the world's countries will always have it. Germany is the only ones that don't because their **shame is deep** (ZA).*

403) *Now, with the benefit of additional maturity to my medical practice, I realize how **deep my shame** had been (GB).*

В стыд-вместилище можно поместить кого-то (пример 404), можно самому глубоко упасть в это вместилище (пример 405).

404) *If he **puts you into shame**, you should stand up and get up (PH).*

405) *Hoffman was known for his ability to **fall deep into the shame** (CA).*

Вытащить из стыда-вместилища можно как одушевленное, так и неодушевленное: например, людей, (пример 406), жизнь человека (пример 407), обиду (пример 408) или ситуацию в целом (пример 409).

406) *A lot of people come in with that shame, but custom clothes can be the most accelerated way of **getting people out of that shame** (US).*

407) *My son died because he was pushed to **take his life out of shame** after being beaten by the policemen at the station (IN).*

408) *That family **took the sting out of my shame**, and while making it clear that they saw me as a fellow human being (IN).*

409) *You **take it out of the shame** and he felt with his family's divorce all the way through to the interview with Courtney where she talks about Kurt ending his life because he felt betrayed (US).*

Стыд – это вместилище, в котором находятся. Категоризация такого рода образа стыда-вместилища обнаруживается практически во всех вариантах АЯ, за исключением танзанийского и ямайского, в которых, согласно корпусным свидетельствам, стыд не ассоциируется с вместилищем.

2.3.16 Guilt

*Guilt is a **feeling** of having committed wrong or failed in an obligation* [Oxford English Dictionary].

Всего на долю эмонима *guilt* приходится 87 словоупотреблений, что составляет 0,33% исследовательского корпуса.

Низкая функциональная нагрузка на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации чувства вины отражается и в криптоклассном портрете *guilt*. Согласно COEL чувство вины для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с плоским, затем – с жидким, проникающим, острым, предметом рукоятным, и только потом – с

содержащим. После криптокласса «Res Continens» следует только «Res Filiformes» и «Res Rotundae» (Рис. 71).

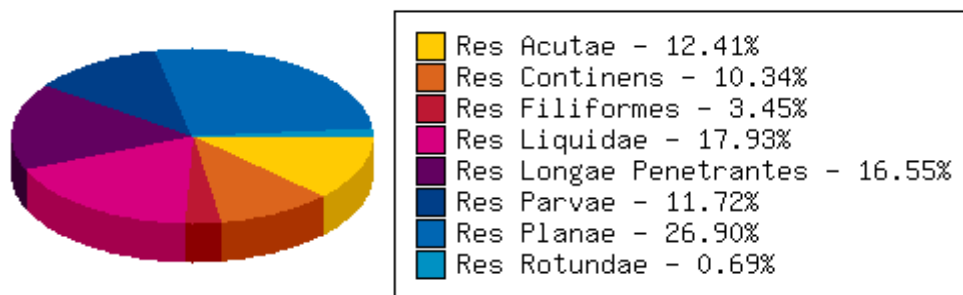

Рис. 71. Криптоклассный портрет эмонима *guilt*

ИРа эмонима *guilt* не достаточно высок по сравнению с показателями других эмономов – он равен 0,46 (Рис. 72).

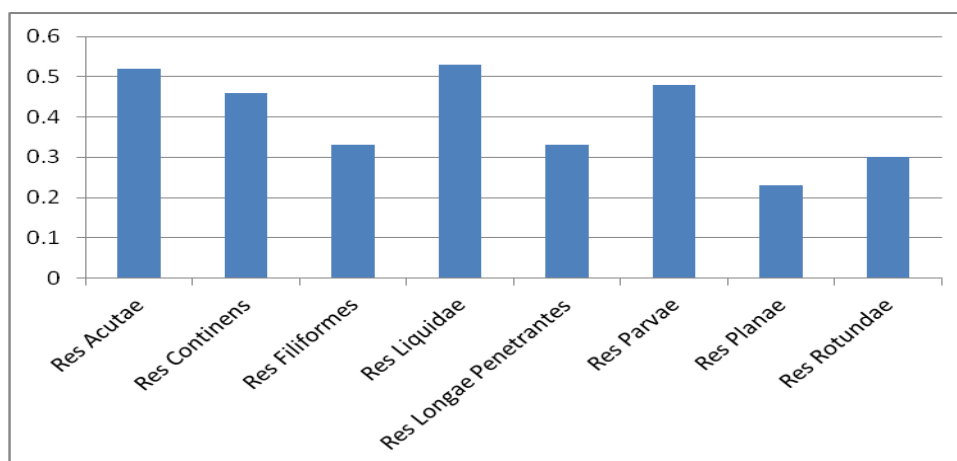

Рис. 72. ИРа эмонима *guilt*

Чувство вины (*guilt*) как вместилище может быть полным и глубоким. «Наполненная» вина часто ассоциируется с признанием в преступлении (пример 410) или каком-то злодеянии (пример 411).

410) *He confessed his **full guilt** (CA).*

411) *He never admitted his **full guilt** but it will be a jail term (SG).*

Запросы в дополнительных корпусах подтвердили, что чувство вины может быть полным – было зафиксировано еще 11 употреблений с эмонимом *guilt* в атрибутивной классифицирующей конструкции [*a full container*]. Во многих контекстах полная вина – это следствие негуманного отношения

(пример 412), неправильных действий (пример 413) или безобразного поведения (пример 414).

412) *They must assume the **full guilt** for that inhumane and unholy crime committed in the name of Christian charity.*

413) *I was called on the mat and assumed **full guilt** for my actions.*

414) *Then she touched Arachne's forehead, making sure that she felt **full guilt** for her actions.*

Чувство вины категоризуется по образу и подобию глубокого вместилища посредством предикативной классифицирующей конструкции [*a container is deep*] только в американском варианте языка (пример 415).

415) *He criticizes the frame of mind behind the action, which is striking the **guilt deep inside** (US).*

Заметим, что вложить веру в вину кого-то, значит поверить в виновность этого человека (пример 416). Упасть в чувство вины можно в силу определенных обстоятельств (пример 417).

416) *If you **put your faith in the guilt** of the Three, you put your faith in shoddy police work, railroading (US).*

417) *It is important, though, that you don't let yourself **fall into guilt** and recrimination that you were blind to it until now (IE).*

Помещение предмета во вместилище позволяет предположить, что существует и способ изъятия этого предмета из вместилища. В примере 418 можно наблюдать, как читательница вынимает себя (как барон Мюнхгаузен) после погружения в роман из чувства вины, где вина ассоциируется с ванной, заполненной водой. Из вины-вместилища можно вытащить людей (пример 419) или их энергию (пример 420).

418) *The casual reader may **take herself out of excessive guilt** (AU).*

419) *There are better support systems for children now to help them **get out of the guilt** of abuse (IN).*

420) *As in Cure, there's a seductive third party who **takes energy out of their guilt**, keeping them trapped in the past (SG).*

Наиболее часто эмоним *guilt* употребляется в глагольных интранзитивных локативных конструкциях, диагностирующих ‘нахождение предмета внутри вместилища’ – 79% словоупотреблений от общего количества со словом *guilt*. Преимущественно это конструкции [*be/exist in/inside a container*] или [*there VS in/inside a container*]. В чувстве вины могут содержаться проблемы, возникшие в связи с высказываниями или действиями человека (пример 421), причем в некоторых случаях это приводит к необратимым последствиям (пример 422) и презрению к тем, кто заставил совершить необдуманый поступок (пример 423). В этом чувстве можно находиться на протяжении всей жизни (пример 424).

421) *And it's **there in Merlin's guilt**, when she gets into serious trouble (IN).*

422) *She's **in guilt** over the recent suicide of her best friend (US).*

423) *A disturbed girl battling her own demons, she **exists in perpetual guilt** following an abortion, and seems to despise and pity her mother (IN).*

424) *It is not normal to **live a lifetime in shame and guilt** (CA).*

Несмотря на малое количество словоупотреблений эмонима *guilt* с классификаторами криптокласса АЯ «Res Continens», только в бангладешском, гонконгском, танзанийском и ямайском вариантах языка не было зарегистрировано контекстов, в которых чувство вины (*guilt*) категоризовалось бы по аналогии с вместилищем. Это и не удивительно, т.к. подкорпуса этих вариантов английского языка малопресентативны.

2.3.17 Relief

*Relief is a **feeling** of reassurance and relaxation following release from anxiety or distress [Oxford English Dictionary].*

Всего на долю эмонима *relief* (облегчение) приходится 886 словоупотреблений, что составляет 3,37% исследовательского корпуса.

Согласно COEL облегчение для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с содержащим, затем – в равных пропорциях – с жидким и

острым, затем – с плоским, предметом рукоятным, проникающим и нитевидным (Рис. 73).

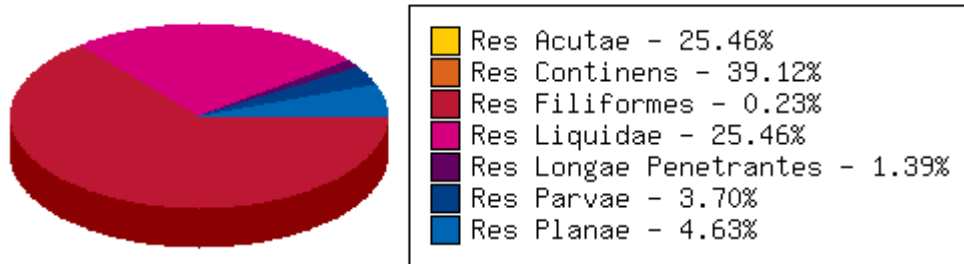

Рис. 73. Криптоклассный портрет эмонима *relief*

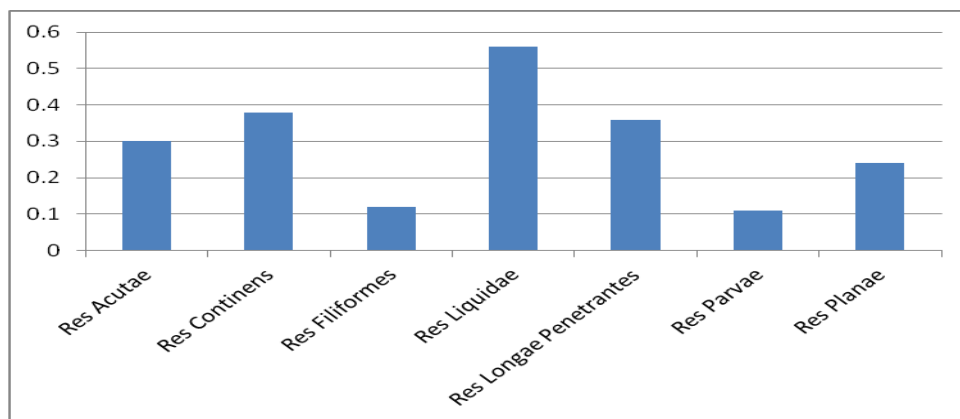

Рис. 74. ИР эмонима *relief*

ИР эмонима *relief* равен 0,38, что является вторым показателем. Выше только индекс разнообразия эмонима в криптоклассе «Res Liquidae» – 0,56 (Рис. 74).

Relief преимущественно обнаруживает свою принадлежность к криптоклассу «Res Continens» через глагольные локативные классификаторы, диагностирующие ‘помещение предмета во вместилище’, т.к. на их долю приходится 92,78% словоупотреблений.

Облегчение не может категоризоваться по образу и подобию ни мелкого, ни глубокого, ни пустого вместилища. Однако облегчение может быть полным: только в четырех вариантах языка – американском, канадском, ирландском и индийском – рекуррентные словоупотребления, в других вариантах – окказиональные. В большинстве случаев полное облегчение

наступает при выздоровлении, прохождении курса лечения (пример 425), благодаря лекарственным растениям (пример 426), полному или частичному избавлению от боли (пример 427), благодаря отдыху (пример 428), или реклама лекарственных препаратов обещает полное облегчение (пример 429). После пребывания в страхе наступает полное облегчение (пример 430).

425) *Not until I went gluten-free did I ever experience **full relief*** (CA).

426) *I'm more into berry or fruity flavor and **full relief** for my joints. I also like the stuff that keeps you aware and not out of my mind* (CA).

427) *The WHO also acknowledges that patients with rheumatic pain and chronic lower-back pain, injected with a five percent to 10 percent ginger extract into the painful points or reaction nodules, experienced **full relief** of pain* (ZA).

428) *They have announced two full days of relaxation on Saturday and Sunday in the agitation programme – the first **full day relief** since July 8* (IN).

429) *When you see adverts offering **full body relief** that's exactly what they are selling* (IE).

430) *We're grateful that they understand patients' concerns, and hope that they will additionally support the Greens' existing member's Bill, which would bring **full relief** to the patients nationwide who are currently living in fear of criminal prosecution* (NZ).

Из облегчения, наступившего после длительного напряжения, музыкант извлекает вдохновение для новой песни (пример 431), а в другом контексте показано предотвращение изъятия (похмельного) чувства из облегчения (боли) (пример 432).

431) *He added that the song **took its inspiration out of the relief** the whole country was feeling after Republican George W Bush's departure from office* (GB).

432) *<...> and prevents the hangover feeling he **gets out of other pain relief*** (NZ).

При маркировании признака нахождения предмета внутри вместительности особо выделяется канадский вариант (58,06% словоупотреблений), а при маркировании признака помещения предмета во вместительность – британский

(27% словоупотреблений). В облегчении может находиться как сам человек, (пример 433), так и его будущее (пример 434).

433) *Ishita was shown speaking with Abhishek in phone and she was in relief (SG).*

434) *I thought his future was in relief and now they are talking about him starting at AAA-Buffalo (CA).*

Что касается помещения предмета во вместилище, то, как правило, в него что-то ‘вкладывают’ или ‘бросают’. Так, в облегчение-вместилище можно вложить какое-то жизненное событие (пример 435), жизнь людей (пример 436), ‘забросить’ же можно молчаливость, неразговорчивость (пример 437) или появление на сцене женщины во время представления (пример 438).

435) *Maybe now that episode is put into extremely clear relief and is very pointed in a way that it might not have been before (US).*

436) *A father on his daughter's death: Tragic moments put our lives in relief (US).*

437) *Their taciturnity is thrown into even sharp relief by the hysteria of the supporting cast (GB).*

438) *When it is suddenly thrown into real relief is whenever a female character walks on to the stage (GB).*

2.3.18 Pity

Pity is a feeling of sympathy and sadness caused by the suffering and troubles of others [Oxford Learner's Dictionary].

Всего на долю эмонима *pity* приходится всего лишь 29 словоупотреблений, что составляет 0,11% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

Низкая функциональная нагрузка на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации жалости отражается на общем криптоклассном портрете *pity*. Согласно COEL жалость для англоязычного

сознания ассоциируется в первую очередь с предметом рукоятным, а затем в равных долях – с проникающим и жидким. И только потом следует аналогия по образу и подобию вместилища. Совсем маленький процент (0,89%) приходится на криптоклассы «Res Acutae» и «Res Filiformes» (Рис. 75).

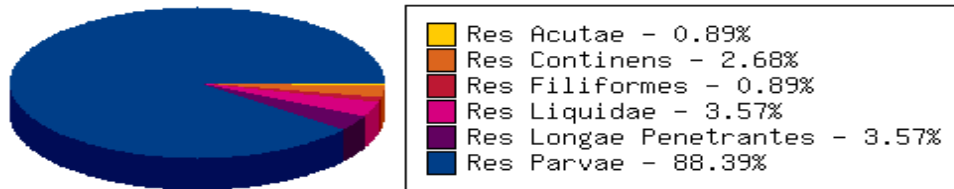

Рис. 75. Криптоклассный портрет эмонима *pity*

ИРа эмонима *pity*, собственно, во всех криптоклассах не очень высокий. Тем не менее, в криптоклассе «Res Continens» он самый высокий – равен 0,23, что в 1,6 раза больше показателя эмонима в криптоклассе «Res Liquidae» (равен 0,14) (Рис. 76).

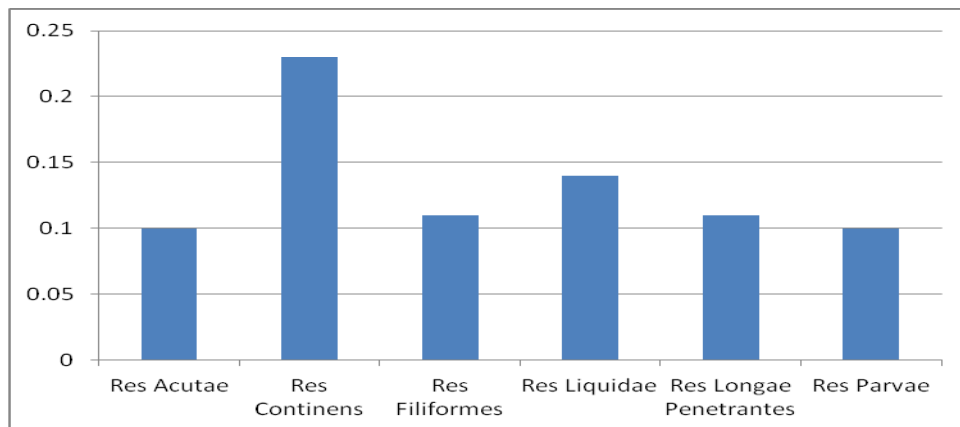

Рис. 76. ИРа эмонима *pity*

Рассмотрим синтагматическое поведение эмонима *pity* (жалость). Этот метафороним обнаруживает свое отношение к криптоклассу «Res Continens» **только** через глагольные локативные классификаторы [*SV_{exist} in/inside a container*], [*VO/V in/into a container*] и [*VO/V out of a container*].

Корпусных свидетельств языковой категоризации жалости как глубокой, мелкой, полной (наполненной) или пустой емкости во всех рассматриваемых вариантах англоязычного пространства не обнаружено, но

есть языковые свидетельства извлечения человека из жалости-вместилища, например, в южноафриканском варианте английского языка, причем жалости к самому себе (*self pity*) (пример 439).

439) *You can not play victim and expect to get yourself out of that state of mind, ... the perpetrator will not **pull you out of self pity** (ZA).*

По логике вещей, чтобы извлечь что-то из вместилища, это что-то нужно туда поместить. Так, в жалость можно впасть, т.е. поместить(ся) в это вместилище. Во многих примерах вмещаемым выступает не просто жалость, а именно жалость к самому себе (*self pity*, пример 440).

440) *It would be easy for King to **fall into self pity** over the accident (US).*

Интересны примеры, в которых демонстрируется нахождение одних чувств и эмоций в других. Так, например, страсть (*passion*) является содержимым, в то время как жалость – содержащим (пример 441). Иными словами, страсть содержится в страхе. Такое эмоциональное состояние, как эмпатия, чуткость (*empathy*), не рассматривается в рамках нашего исследования, но все же любопытно, что оно тоже может помещаться в жалость-вместилище (пример 442).

441) *My passion is **in the pity** – I'm not the first to say that (GB).*

442) *Too often empathy **falls into pity**, especially when socially or politically privileged people express their concern for global others (CA).*

Немало эмонимоупотреблений указывает на нахождение в жалости-вместилище творческого начала – поэзии (пример 443-444).

443) *The Poetry is **in the pity** (AU).*

444) *War Poetry: **Poetry is in the Pity** (US).*

Чтобы определить причины отсутствия коммуникативной востребованности рассматриваемого образа как наполненного, пустого или глубокого вместилища, мы обратились к корпусам iWeb, The TV Corpus и The Movie Corpus. Выяснилось, что в современной интернет коммуникации (в корпусе iWeb) жалости приписывается таки признак глубины (примеры 445-446).

445) *These feelings are in themselves of a pleasurable nature, excepting when **pity is too deep**, or horror is aroused.*

446) *In Owens last completed poem, the final irony may be that the **pity is too deep** to be spoken.*

2.3.19 Sympathy

*Sympathy is a **feeling** of being sorry for somebody; showing that you understand and care about somebody's problems [Oxford Learner's Dictionary].*

Всего на долю эмонима *sympathy* приходится 313 словоупотреблений, что составляет 1,19% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов. Рассмотрим некоторые примеры с классификаторами криптокласса «Res Continens», в которых сочувствие (*sympathy*) категоризируется по образу и подобию вместилища.

Функциональная нагрузка на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации сочувствия достаточно высока, что и находит отражение в криптоклассном портрете *sympathy*. Согласно данным информационного ресурса COEL сочувствие для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с содержащим, потом – с плоским, жидким, предметом рукоятным, острым, нитевидным и проникающим (Рис. 77).

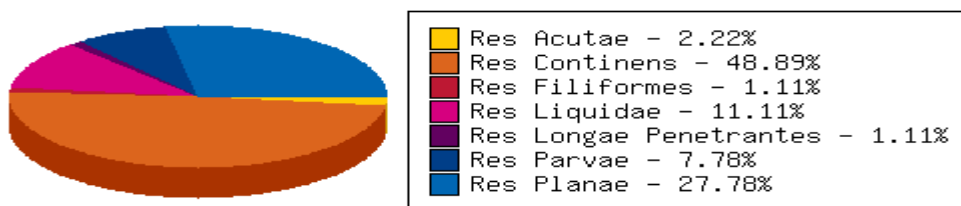

Рис. 77. Криптоклассный портрет эмонима *sympathy*

Индекс разнообразия сочетаемости эмонима *sympathy* составляет 0,77: он выше в 2 раза индекса эмонима в криптоклассе «Res Liquidae», который равен 0,37 (Рис. 78).

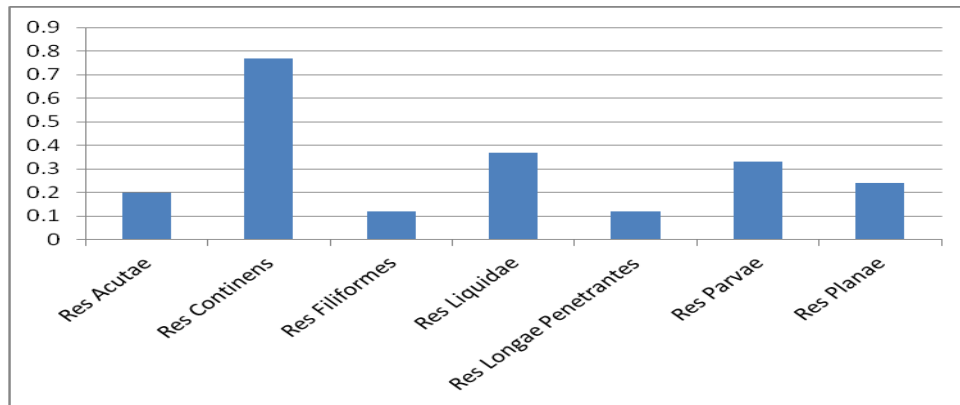

Рис. 78. ИРа эмонима *sympathy*

Достаточно полно актуализируется образ полного вместилища: было зафиксировано 313 словоупотреблений с эмонимом *sympathy*, в 102 контекстах представлена категоризация сочувствия по образу и подобию полного/заполненного вместилища (см. Приложение). В примерах 447-454 маркируется признак наполненности сочувствия-вместилища. Так, сочувствие может быть заполнено внутренним позитивным настроением, демонстрирующим поддержку, одобрение, хорошее отношение к людям, чувство сострадания к их проблемам и несчастьям, желание счастья тем, кто испытывает трудности (см. примеры 447-450), различными знаками, побочными сюжетными линиями и наблюдениями (пример 451), может быть глубоким (пример 452). Зачастую сочувствие направлено на людей, оказавшихся в тяжелых жизненных ситуациях, что подтверждается окружением эмонима *sympathy* – ‘*in sorrow and sympathy*’, ‘*in deep sympathy*’ (примеры 453-454).

447) *The government has **full sympathy** with the agitating Noida homebuyers and they can seek relief under the insolvency law (IN).*

448) *I have **full sympathy** for the children who were there for lack of a playground in the area (PK).*

449) *Deputy Bruton expressed his **full sympathy** with the family and said he had dealt with similar stories (IE).*

450) *She expressed appreciation for the artists' work and **full sympathy** for the victims (PH).*

451) ***Sympathy** is **full** of various characters and observations (GB).*

452) *My **sympathy** is **deep** for his young widow (NZ).*

453) *When he has intervened, it has **been more in sorrow and sympathy** than with any bold effort to change (CA).*

454) *She **was in deep sympathy** with the people of Northern Ireland who suffered on Remembrance Day (IE).*

Во всех вариантах английского, кроме Танзании, были обнаружены словоупотребления, свидетельствующие о языковой категоризации сочувствия (симпатии, сострадания) по аналогии с вместилищем.

Наиболее ярко образ сочувствия проявляется в американском ареале (американском и канадском вариантах), европейском (британском и ирландском) и только в одном варианте азиатского ареала (индийском).

2.3.20 Concern

*Concern is a **feeling** of anxiety, worry [Oxford English Dictionary].*

Всего на долю эмонима *concern* приходится 516 словоупотреблений, что составляет 1,96% от общего количества словоупотреблений всех ЭМОНИМОВ.

Несмотря на высокую функциональную нагрузку на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации участия (обеспокоенности) по аналогии с вместилищем, показатель активности эмонима в образовании словосочетаний с классификаторами рассматриваемого криптокласса не является высоким. Согласно COEL участие/обеспокоенность для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с плоским, потом – предметом рукоятным, а затем – с содержащим, нитевидным, острым, жидким, круглым и проникающим (Рис. 79).

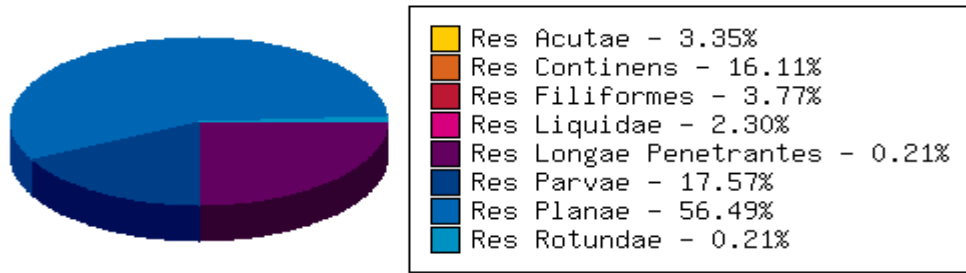

Рис. 79. Криптоклассный портрет эмонима *concern*

ИРа эмонима *concern* (0,69) является самым высоким среди других криптоклассов (Рис. 80).

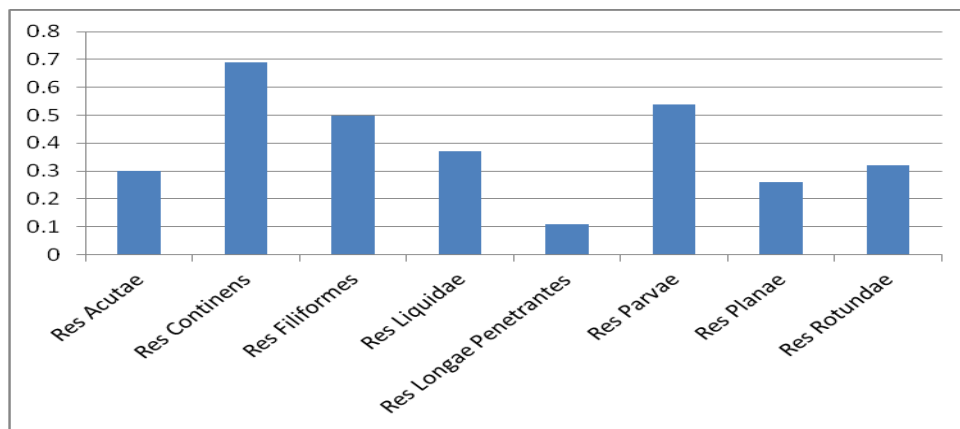

Рис. 80. ИРа эмонима *concern*

Несмотря на то, что *concern* не употребляется со всеми классифицирующими конструкциями криптокласса английского языка «Res Continens», все исследуемые характеристика вместилища присущи данной эмоции. Так, например, не зафиксированы употребления в классификаторе [*a container is filled (with smth.)*], но есть употребления в классификаторах [*a full container*] и [*a container is full*]. Или еще одно свидетельство: нет примеров в классификаторе [*a container is empty*] и [*empty a container*], но есть в классификаторе [*an empty container*].

Наряду с этим, также стоит отметить, языковые свидетельства метафорического образа участия-вместилища зафиксированы во всех вариантах английского, кроме танзанийского и ямайского.

Согласно корпусным данным признаки полноты и пустоты участия/обеспокоенности недостаточно часто маркируются в вариантах АЯ, однако некоторые словоупотребления были зафиксированы. Участие человека может быть наполнено размышлениями, например, о том, как покинуть страну (пример 455).

455) *For the rich Chinese in the mainland, their **concern is full of thinking that how to escape** from China mainland with families, lovers and illicit vast money and goldbar except paper-waste, China Yuan (PK)!*

Признак пустоты вместилища, в принципе, редко (за исключением эмонима *feeling*) маркируется в вариантах АЯ, поэтому не удивительно, что и участие крайне редко категоризуется по аналогии с пустым вместилищем. Эта же идея прослеживается и с другими чувствами и эмоциями, имеющими схожее семантическое значение, *anxiety* (тревога), *sympathy* (сочувствие), *interest* (интерес). Идея пустого участия-вместилища – это «пустые хлопоты» (пример 456).

456) *It babbles about its own **empty ideas and concerns**, without even coming close to reality (MY).*

Аналогичная ситуация и с оппозицией глубокий – мелкий. Если участие по образу и подобию глубокого вместилища категоризуется в достаточной степени, то по образу и подобию мелкого – редко и только в варианте канадского английского. И глубокие, и мелкие (незначительные) переживания могут быть связаны с политической ситуацией (пример 457-459), общественной обстановкой в стране (пример 460) или с личными переживаниями (пример 461).

457) *So **deep was the concern** of the Federal Government that it sent a delegation led by Secretary to the Government (NG).*

458) *The public **concern is deep** enough to warrant labelling of products, which contain nanoparticles, including cosmetics (AU).*

459) *But the polls are suggesting the voters' **concerns are deeper** (GB).*

460) *Others argue that public **concern is shallow** and only registers in public opinion polls because of activist lobbying (CA).*

461) *Your **concern is very shallow** indeed if your group inhibits in any way these people from getting to their destination (CA).*

В участие/обеспокоенность можно поместить, например, свои соображения по определенному поводу (пример 462), или впасть самому туда, как правило, во всех словоупотреблениях используется сравнительная степень прилагательного *deep – deeper* (пример 463).

462) *Citizens can **put their insights into** various legislative **concerns** on the record (CA).*

463) *It's important for us to recognize this disparity and **fall deeper into** the political **concerns** (CA).*

Наряду с этим участие-вместилище может содержать в себе какие-то сообщения-предостережения (пример 464), какие-то технические особенности (пример 465) и др.

464) *Housing **concerns contain** a message for clients (CA).*

465) *In fact, **developmental concerns** also **contain** various technicalities, which is why politics linked with development requires technical people (IN).*

Интересно, что наиболее часто данный эмоним встречается в классифицирующей конструкции [*VO/V out of a container*]. Это единственное слово, которое превалирует в классификаторе (как правило, встречается в классификаторе [*take smth. out of a container*]), диагностирующем ‘изъятие предмета из вместилища’, – 47,48% от общего количества контекстов со словом *concern* приходится на него.

Так, из участия-вместилища можно изъять человека (пример 466), одобрение политического курса президента (пример 467), энергию (пример 468), вдохновение (пример 469), заработную плату (пример 470).

466) *I'm really good at **taking her out of that concern** and worry (NZ).*

467) *But Ryan has **taken his endorsement of Trump out of concern** over the billionaire businessman's incendiary tone and policy ideas (AU).*

468) *It's about Muslims generally. It **takes its energy out of a deep concern** (US).*

469) *<...> **took its inspiration out of broad concerns** around a degraded public realm, growing inequality and acute housing need (GB).*

470) *Finally, if your spouse **gets salary out of a concern** in which you have substantial interest, it could be clubbed with your income (IN).*

2.3.21 Interest

*Interest is the **feeling** of wanting to know or learn about something or someone [Oxford English Dictionary].*

Всего на долю эмонима *interest* приходится 1019 словоупотреблений, что составляет 3,87% от общего количества словоупотреблений всех ЭМОНИМОВ.

Как и в случае с эмонимами *pride* (гордость), *pity* (жалость), *guilt* (чувство вины), *concern* (участие, беспокойенность), криптокласный портрет *interest* не свидетельствует о значимости образа интереса-вместилища. Согласно данным COEL интерес (как и участие, и чувство вины) для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с плоским, потом – с острым, предметом рукоятным, а затем – уже с содержащим. Процентная доля представлена в равных пропорциях для криптоклассов «Res Filiformes» и «Res Liquidae». Последнее место занимает криптокласс «Res Rotundae» (Рис. 81).

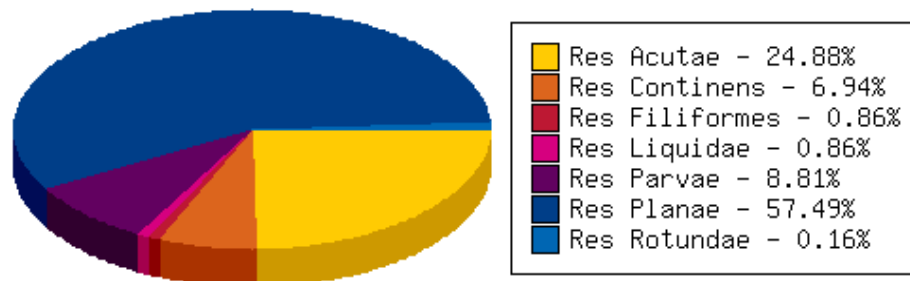

Рис. 81. Криптокласный портрет эмонима *interest*

ИРа эмонима *interest* не очень высокий по сравнению с другими криптоклассами (равен 0,54). Самые высокие показатели приходятся на криптоклассы «Res Parvae» (0,75) и «Res Filiformes» (0,72) (Рис. 82).

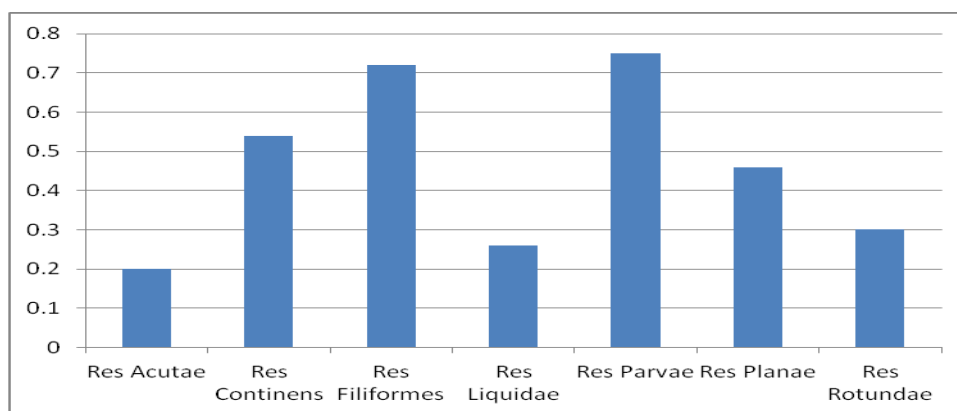

Рис. 82. ИРа эмонима *interest*

Интерес категоризуется по аналогии с глубоким и мелким вместилищем. Глубоким может быть и личный интерес (пример 471), и интерес национального, политического характера (пример 472), и интерес обывательского характера (пример 473). В последнем примере речь идет о том, что глубину, т.е. дно интереса-вместилища можно увидеть (*We'll soon see*), а это косвенное свидетельство того, что интерес-вместилище может быть пустым.

471) *But Dontnod's **interest is deeper**, and more complicated (US).*

472) *I can't even explain it myself **how deep** this political **interest is**. There are so many things that I don't quite understand (GB).*

473) *We'll soon see **how deep** the **interest is** in these products (US).*

Однако, корпусных свидетельств того, что интерес может быть пустым (*[a container is empty]* и *[an empty container]*), не было зарегистрировано, но есть свидетельства в австралийском (пример 474) и южноафриканском английском того, что интерес может быть мелким, в смысле 'незначительным' (пример 475).

474) *It's her kindness and passion that hook them, and they soon realize that their original **interest** was embarrassingly **shallow** (AU).*

475) *And if Peaches' own **interest** is so **shallow**, heaven knows what her impressionable – and mostly very young – fans will take from it (ZA).*

По образу и подобию наполненного вместилища интерес категоризируется окказионально в семи вариантах АЯ – американском, канадском, австралийском, новозеландском, пакистанском, филиппинском и нигерийском. Если интерес наполнен, значит, человек полностью вовлечен в какое-то дело (примеры 476-477).

476) *It is an enormous project that keeps my **full interest** (PH).*

477) *Of course it goes without saying that Kiwi driver Mitch Evans would have my **full interest** and support in whichever series or form of racing in which he chooses to compete (NZ).*

Из глагольных классификаторов, с которыми употребляется эмоним, особой частотностью обладают те, которые маркируют признак нахождения предмета внутри вместилища – на их долю приходится 90,4% словоупотреблений от общего количество примеров с эмонимом *interest*. Большинство словоупотреблений зарегистрировано в экзистенциальной конструкции [*SV_{exist} in/inside a container*], которая показывает, что поступки человека помещаются в интересы-вместилища его большой и малой родины (примеры 478-481).

478) *He does what he believes is **in the best interests** of his country, community and constituents 100 percent of the time (US).*

479) *It was **in the national interest** of South Africa to do so (ZA).*

480) *<...> to determine whether rebasings or deliberately understating GDP is **in their national interest** (KE).*

481) *It is **in our national interest** to protect and promote human rights at home and abroad (PH).*

В интересе, как и во вместилище, можно что-то хранить (пример 482), или же интерес-вместилище можно открыть и просмотреть содержимое (пример 483).

482) *They decided to keep **it in the interests** of an innocent tradition (CA).*

483) *This open **interest contains** the short Nifty future positions (IN).*

Впрочем, есть категоризация интереса и как вместилища, в которое можно что-то положить, и из которого можно что-то изъять. Филантропическая деятельность может стать поводом, чтобы вложить ('поместить') деньги в соответствующие интересы (пример 484). Можно очень увлеченно заниматься каким-то видом деятельности и поместить, забросить себя, впасть в них (примеры 485-486).

484) *Rowling is now also well known for her philanthropy and **puts money into her charitable interests** (GB).*

485) *He passionately **threw himself into these interests**. He was passionate about sailing (US).*

486) *I've always made a point to **fall heavily into new interests**, and equally to eject if I find they're not a good fit for me (AU).*

Интерес – это вместилище, из которого извлекают серьезные и интересные проекты (пример 487), из заинтересованности хобби можно получить (достать) вдохновение (пример 488).

487) *In life you **take projects out of love and interest** and I think it's good to have projects that are deep and interesting (GB).*

488) *He **takes inspiration out of her elective interests** in archaeology, philosophy and anthropology (ZA).*

Интерес категоризуется как вместилище во всех вариантах английского языка, в идиомах Бангладеш, Ямайки и Гонконга – окказионально, в остальных – рекуррентно.

2.3.22 Anger

*Anger is a strong **feeling** that you have when something has happened that you think is bad and unfair [Oxford Learner's Dictionary].*

Согласно корпусным запросам было зарегистрировано 218 словоупотреблений с эмонимом *anger*, что составляет 0,83% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов. Чаще всего маркируется

признак ‘нахождение предмета внутри вместилища’ – 139 словоупотреблений. Причем в пяти вариантах английского (в танзанийском, ямайском, гонконгском, шриланкийском и бангладешском) примеров найдено не было.

Наибольшее количество словоупотреблений эмонима *anger* отмечается в варианте английского языка Великобритании – 44,5%, а также в американском ареале (варианте английского США 38,53% и Канады 27,52%) и в одном из азиатских ареалов (варианте английского языка Индии – 26,15%) (примеры 489-482).

489) *It doesn't help me to feel bad; when you're **in anger** and fear, you can't think straight (US).*

490) *Smith was **in anger** and disbelief that a government could leave its citizens to live in such deplorable conditions (CA).*

491) *If there can be an explanation of Mr Henderson's behaviour, the Crown submits it **lies in his anger** and frustration at what happened earlier in the evening, which was not of Mr Bell's making (GB).*

492) *Some villagers who were **in anger** cursed Pakistan for the attack and wanted that the Government of India should not resist (IN).*

Вторым по частотности выступает признак ‘изъятие предмета из вместилища’, который маркируется посредством конструкции [*VO/V out of a container*] – 28 словоупотреблений, что почти в 5 раз меньше, чем в [*SV_{exist} in/inside a container*]. Большинство контекстов было зарегистрировано в канадском (21,43% словоупотреблений от общего количества словоупотреблений эмонима *anger* в классифицирующей конструкции [*VO/V out of a container*]) в южноафриканском (17,86% словоупотреблений) и нигерийском (14,29% словоупотреблений) вариантах. Гнев, будучи отрицательной эмоцией, может послужить вместилищем, из которого извлекают энергию и превращают ее в нечто положительное (пример 493). Тем не менее, в большинстве примеров дается рекомендация как избегать

чувства гнева, которое не является ни стимулом для работы (пример 494), ни фактором, влияющим на принятие правильных решений (пример 495).

493) *Abuelaish said he **took the energy out of his anger** and channelled it into positive action, honouring his daughters' memory (CA).*

494) *Should our work **take strength out of fear and anger** or from a place of love and compassion (US)?*

495) *All ministers are going to learn not to **take hasty decisions out of anger**, and out of emotions (ZA).*

Наряду с тем, что гнев может категоризоваться по аналогии с вместилищем, в которое что-то помещают или из которого что-то вынимают, он может быть либо полным (*[a full container]* (примеры 496-497), *[a container is filled (with)]* (пример 498)), либо пустым (*[an empty container]* (пример 499)).

496) *Congress candidate Raghu Sharma, party leaders have not been able to channel the **full anger** against the BJP government in their campaigns (IN).*

497) *But, equally, the owners must face the **full anger** of supporters (ZA).*

498) *That is why Eliminate World **Anger is filled with nothing but honest and real stories** to simply inspire you (GB).*

Интересно, что только в индийском варианте английского языка употребление эмонима *anger* в классифицирующей конструкции *[a full container]* рекуррентно, в остальных (американском, канадском, британском, ирландском, пакистанском, гонконгском и южноафриканском) было зафиксировано окказиональное употребление данного слова.

Маркирование признака пустоты гнева-вместилища отмечается только в австралийском ареале (австралийском и новозеландском вариантах английского языка) (пример 499).

499) *There must be a point at which we realise that **empty dismissive anger** will alter nothing (AU).*

По образу и подобию глубокого вместилища гнев категоризуется посредством классификатора *[a container is deep]* в британском,

американском, канадском, южноафриканском, австралийском, пакистанском, сингапурском и малазийском вариантах английского (примеры 500-504).

500) *The people's **anger is very deep**. (GB).*

501) *American **anger was deep** (US).*

502) *My **anger is deep**. It's dark (CA).*

503) *The **anger is so deep** that it takes only a small incident to spark a fallout, often expressed in violent behaviour (ZA).*

504) *While she is counting on Mr Trump's history of racist and sexist remarks to doom his candidacy, the Brexit referendum was an unnerving reminder that voter **anger is deeper** and broader than many elite politicians and veteran pollsters realize (SG).*

В конструкции [*feeling of ...*], которая рассматривается как дополнительная классифицирующая конструкция, было зафиксировано несколько словоупотреблений эмонима *anger*. Так, чувство, выступающее содержащим, может быть пустым, но тем не менее заполняется содержимым – гневом (пример 505). Гнев может как самостоятельно заполнять чувствовместище (пример 506), так и вместе с еще какой-то эмоцией или чувством, например, тревогой (пример 507).

505) *I felt an **empty feeling of anger** and helplessness inside me (IN).*

506) ***The feeling of anger** and abandonment can haunt those who find themselves in distress after a lifetime of steady work and independence (US).*

507) *Suffolk Mind already runs courses to help people manage the **feeling of anger and anxiety** (GB).*

Как оказалось, недостаточно высокая функциональная нагрузка на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации гнева влияет на общую картину метафоризации данной сущности. Согласно COEL гнев для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с содержащим, а затем уже с рукоятным, плоским, жидким, нитевидным, острым, проникающим и круглым (Рис. 83).

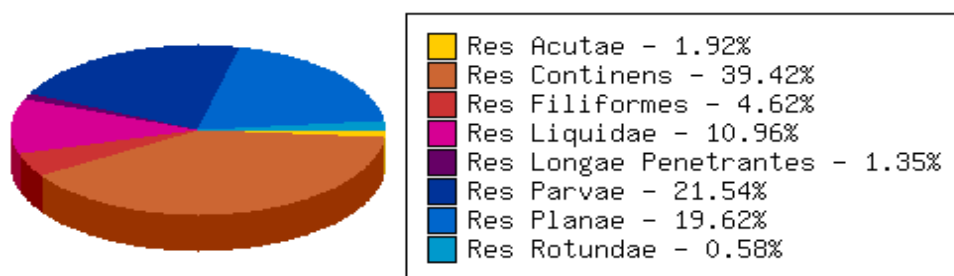

Рис. 83. Криптоклассный портрет эмонима *anger*

Индекс разнообразия сочетаемости эмонима *anger* также не является самым высоким на фоне других криптоклассов (равен 0,62) (Рис. 84).

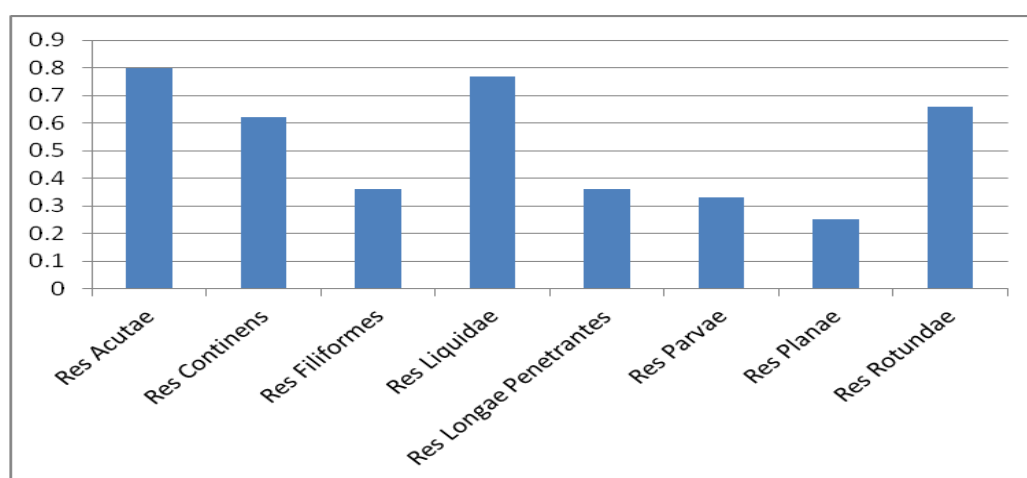

Рис. 84. IPa эмонима *anger*

Рассмотрим принцип лингвистической дополнительности в метафорическом представлении эмоции на англоязычном пространстве на примере эмонима *anger*.

По образу и подобию вместилища гнев не категоризуется в ямайском, танзанийском, шриланкийском, бангладешском и гонконгском вариантах английского. В малазийском и кенийском вариантах были зафиксированы окказиональные словоупотребления.

Самым коммуникативно значимым признаком для языковой категоризации гнева является признак нахождения предмета внутри вместилища (ISV_{exist} *in/inside a container*) – 63,76% от общего количества словоупотреблений эмонима *anger*.

Признак полноты вместилища коммуникативно значим только в индийском варианте языка (пример 508).

508) *Pent up pride, bottled desire for vengeance are being unleashed in **full anger** and hatred (IN).*

Однако дополнительные запросы в корпусах COCA, BNC, The TV Corpus, The Movie Corpus и iWeb показали, что в английском языке эмоция гнева (*anger*) категоризуется по аналогии с заполненным чем-то вместилищем – были обнаружены словоупотребления в классифицирующей конструкции [*a container is full*]. Так, например, гнев может быть наполнен яростью и криками (пример 509).

509) *This thread if you like or ban me but I just want to release my **anger** which is **full of rage** and literally crying.*

По аналогии с пустым вместилищем гнев категоризуется только в австралийском ареале (австралийском и новозеландском вариантах языка), и то окказионально. Запросы в дополнительных корпусах позволили выявить еще 9 словоупотреблений, 5 из которых опять же приходятся на австралийский и новозеландский варианты (примеры 510-511).

510) *Philodemus here concentrates on the distinction between natural and **empty anger** (AU).*

511) *I saw us all and then I saw these fierce angry young women and the **empty anger** was replaced by a searing hope (NZ).*

В американском, канадском, британском и южноафриканском вариантах английского языка для языковой категоризации гнева коммуникативно значим признак глубины.

Признак помещения предмета во вместилище (*[VO/V in/into a container]*) особо значим только в американском ареале, а признак изъятия предмета из вместилища (*[VO/V out of a container]*) наряду с американским ареалом коммуникативно значим в новозеландском, индийском, южноафриканском и нигерийском вариантах языка.

2.3.23 Love

*Love is a strong **feeling** of deep affection for somebody/something, especially a member of your family or a friend [Oxford Learner's Dictionary].*

Всего на долю эмонима *love* приходится 6743 словоупотребления, что составляет 25,63% от общего количества словоупотреблений всех эмонимов.

Любовь (*love*) категоризуется по образу и подобию вместилища во всех вариантах английского языка и через все классификаторы криптокласса «Res Continens». Исключением можно считать только образ пустого вместилища, хотя единичный случай употребления в атрибутивной конструкции [*an empty container*] в ямайском варианте английского языка (пример 556) зарегистрирован был. В любви-вместилище в идеале должны находиться и страсть, и интим, и преданность. А часто бывает, что с годами это вместилище пустеет, и на дне остается только преданность, как в примере 512.

512) *Too many couples settle for **empty love**, which has no passion and intimacy but only has commitment (JM).*

Любовь может быть просто заполненной (*[a full container]* и *[a container is full]*) или заполненной чем-то (*[a container is filled (with smth.)]*). Когда не важно, чем любовь заполнена, употребляется (*[a full container]* *[a container is full]*) (пример 513), а если для говорящего важно, чем заполнена любовь, используется классификатор криптокласса *[to fill a container (with smth.)]* или его производное *[a container is filled (with smth.)]*. Любовь может быть заполнена болью: такого рода чувства от актеров требует режиссер, особенно в индийской киноиндустрии (пример 514). Если содержимым любви-вместилища являются только чувственность и плотские утехы, такое вместилище превращается в свою противоположность – ненависть. Метаморфозы, однако. Вполне в духе дологического мышления (пример 515).

513) *Similarly, it goes without saying that Carl and his family will receive the **full love** and support that we at Wolves can provide (NG).*

514) *Karan Johar wants **love filled with pain** (IN).*

515) *Tolstoy believed that if two married people stay together and their initial **love is mostly filled with sensual pleasure and carnal love** it can quickly turn into hatred (LK).*

Человеческая любовь, наполненная конфликтами и разногласиями представлена в примере 516. Любовь двух людей могут заполнять взлеты и падения (пример 517).

516) *Human **love is difficult and full of friction** (US).*

517) *Long-term **love is always full of ups and downs** over the years (IE).*

Не редки случаи, когда любовь-вместилище заполняется другими эмоциями, например, надеждой и счастьем (пример 518), страстью и радостью (пример 519). Несмотря на то, что фотографии черно-белые, любовь как вместилище заполнена разноцветными невидимыми красками (пример 520).

518) ***Love is full of hope, happiness** and belonging.*

519) *It also talks about the different forms of love that a woman encounters in her life, from new **love full of passion and joy** to abandoned love (CA).*

520) *Their photos and memories may be in black and white, but their **love is full of color** (US).*

Любовь может категоризоваться и как глубокий (и даже широкий), и как мелкое вместилище, при этом ее глубина сравнивается с солнечной системой (пример 521), с чувствами в целом, т.е. с каким-то обыкновенным чувством (пример 522), или показывается, что любовь настолько глубока, что в ней хочется находиться (пример 523).

521) *Our **love is deeper** than the solar system and wider than eternity (US).*

522) ***Love is deeper** than a feeling (NG).*

523) *This **love was so deep** and impressionable that his companions constantly yearned to be in his presence (CA).*

Рассмотрим категоризацию любви по аналогии с мелким вместилищем. В этом случае можно говорить об отсутствии значимости чувств (пример

524), что, в свою очередь, может привести к душевным проблемам (пример 525).

524) *My idea was to make gayuma a metaphor for deception to show that love is blind, love is shallow (PH).*

525) *The shallower your love, the more fleeting your heartbreak is (US).*

Среди глагольных конструкций наиболее коммуникативно значимой является глагольная локативная конструкция, диагностирующая ‘помещение предмета во вместилище’, [VO/V *in/into a container*]. Главным образом это обуславливается наличием фразеологических оборотов в языке и устойчивых выражений типа *fall in/fall out of love*. Выражение ‘впасть в любовь’ существует во всех вариантах АЯ, кроме танзанийского. В гонконгском идиоме было зафиксировано окказиональное словоупотребление данного эмонима, а во всех остальных – рекуррентное. Как правило, *впадают в любовь* к друг другу (пример 526), однако некоторые контексты «говорят» и о неодушевленных вещах, например, об увлечении футболом (пример 527) или велосипедной прогулкой (пример 528). Все не так просто, как кажется. Стоят любовь-вместилище с футболом и с велосипедным спортом, как стакан томатного и апельсинового сока, а человек выбирает, в какой упасть.

526) *Shortly after that show, I met Kirsten, and we fell in love (US).*

527) *We all fell in love with football in the first place (IN).*

528) *He fell in love with cycling one Saturday morning in 1994 while living in Italy (GB).*

Аналогичная ситуация и с ‘выпадением из любви’: *выпасть* можно как из любви к какому-то человеку (пример 529), так и к роду деятельности – к футболу (пример 530), бегу (пример 531), своей работе (пример 532). Любопытно, что наряду с отсутствием любви к человеку, в значительном количестве примеров подчеркивается отсутствие любви к спорту в целом и к футболу в частности.

529) *After waiting for a performance for an entire year, I finally fell out of love with her (CA).*

530) *You don't want them to **fall out of the love** of football (GB).*

531) *I found that I'd **fallen out of love** with running (AU).*

532) *Have you ever **fallen out of love** with your job (KE)?*

Вновь единственным вариантом английского, в котором любовь не категоризуется по образу и подобию вместилища, из которого можно что-то изъять, можно *выпасть*, является танзанийский идиом, а в шриланкийском зафиксировано окказиональное словоупотребление.

Интересными словоупотреблениями являются те, в которых любовь – это вместилище, содержащее человеческие страхи. Например, любовь содержит в себе страх потерять свободу (пример 533) или потерять любимого человека (пример 534), причем в последнем контексте страх считается разумным.

533) *All healthy **love contains** the fear of not letting the other person be fully free (MY).*

534) *Healthy fear is love's fear: When we love someone our **love** will **contain** a number of healthy fears, a number of areas within which we will be healthily cautious and reticent (MY).*

Криптоклассный портрет *love* является самым ярким (вторым по значимости выступает криптоклассный портрет эмонима *fear*). Высокая функциональная нагрузка на классификаторы данного криптокласса в языковой категоризации любви значительно влияет на общую картину метафоризации данной сущности. Согласно COEL любовь для англоязычного сознания ассоциируется в первую очередь с содержащим плоским, причем в процентном соотношении этот показатель превышает в 15 раз показатель криптокласса «Res Parvae» и в 16 раз показатель криптокласса «Res Liquidae»/ Затем следует ассоциации любви с плоским, нитевидным, проникающим, острым и круглым (Рис. 85).

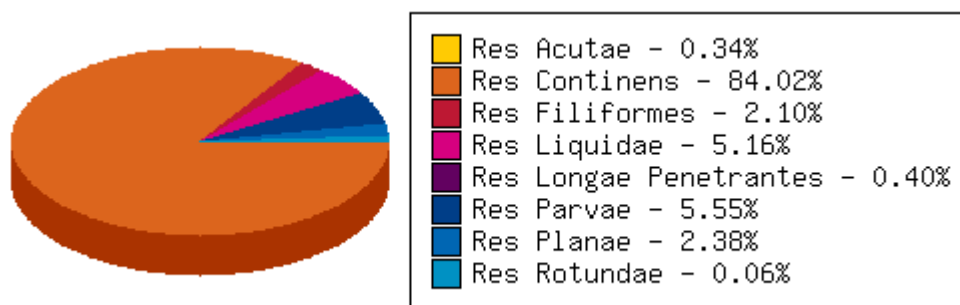

Рис. 85. Криптоклассный портрет эмонима *love*

Индекс разнообразия сочетаемости эмонима *love* самый высокий – равен 0,85 (Рис. 86).

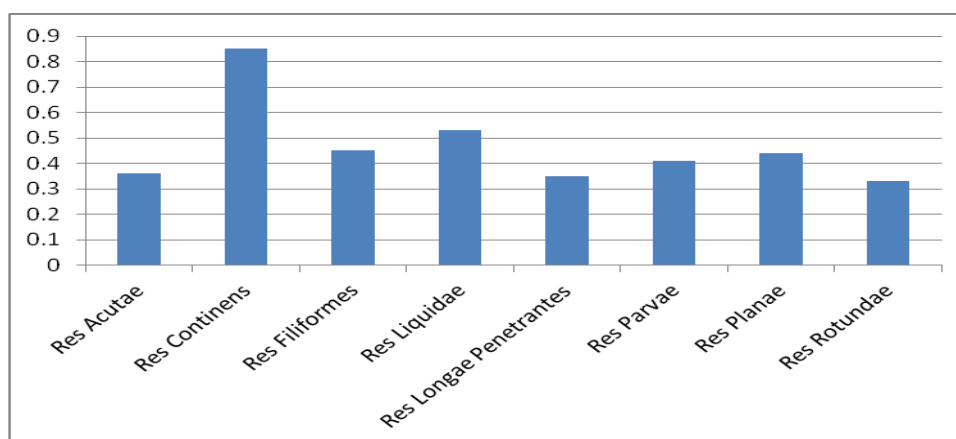

Рис. 86. ИПа эмонима *love*

2.4 Принципы когнитивного моделирования эмоций по аналогии с вместилищем

Описание полученных в результате исследования данных (разделы 2.1-2.3.) непременно влечет за собой поиск закономерностей метафоризации рассматриваемого фрагмента семантического континуума, интерпретацию и когнитивное моделирование эмоций.

Интерпретация и моделирование предмета исследования, как известно, во многом зависят от цели и позиции исследователя. Поскольку теоретические постулаты нашей работы проявляют системный подход к изучению языковой категоризации мира, то, кроме описания явления во всей его целостности, мы предприняли попытку соединить идею целостности с

идеей последовательности, а также объяснить процесс появления новых состояний и свойств в объекте исследования. Вместо **произвольности** в доминировании признака или коммуникативной востребованности метафорического образа мы попытались увидеть **закономерное многообразие следствий** благодаря учету многообразия материала, выступающего в качестве условия при возникновении следствия.

Во-первых, следует отметить, что для всех эмонимов работает принцип взаимной обратимости, частный случай протеизма, когда эмоции категоризируются как по аналогии с содержащим, так и по аналогии с содержащимым (таблица 5).

Таблица 5. Категоризация эмоций по образу и подобию содержащего и содержащего

Эмоним	Содержащее	Содержимое
love	Примеры 1-2 Пример 535 Пример 541	Пример 536 Пример 541
anxiety	Пример 538	Пример 537
emotion	Пример 555	Пример 556
fear	Примеры 4-5 Пример 537 Пример 538	Примеры 1-2
feeling	Пример 542 Пример 556	Пример 542 Пример 555
happiness	Пример 536 Пример 543	Пример 535 Пример 543 Пример 553 Пример 554
hope	Пример 539	Пример 540
joy	Пример 540 Пример 545 Пример 546 Пример 547 Пример 553 Пример 554	Пример 539 Пример 545 Пример 546 Пример 547 Пример 550 Пример 551 Пример 552
passion	Пример 544	Пример 544
pleasure	Пример 548 Пример 550 Пример 551 Пример 552	Пример 541 Пример 548
surprise	Пример 549	Пример 549

Так, например, любовь выступает содержащим для страха (пример 1-2), где страх (*fear*) является содержимым, тогда как в примерах 4 и 5 страх выступает содержащим, при этом в страхе, как во вместилище, содержится правда (пример 4) или ирония (пример 5). В американском варианте английского любовь выступает вместилищем для счастья (535), а в ирландском варианте счастье – вместилищем для любви (536).

535) *Love is full of hope, **happiness** and belonging (US).*

536) *I wish you both eternal **happiness, filled with love, laughter and a beautiful life with your husband (IE).***

В индийском варианте английского страх – это вместилище, в котором лежит тревога (537), а в американском наоборот: тревога – вместилище, в котором находятся страхи человека (пример 538).

537) *The **anxiety lies in** Palestinian **fear** that Trump's Middle East policy will focus on trying to break down whatever little consensus Arab countries still have on Palestine (IN).*

538) *Mellen realized that her **fears were in anxiety** and not in reality (US).*

Еще одним примером взаимной обратимости может служить пара *надежда – радость*: в канадском варианте языка надежда является вместилищем для радости, а в нигерийском – радость для надежды. В первом случае надежду-вместилище заполняют радостью (пример 539), а во втором из радости-вместилища извлекают надежду (пример 540).

539) *His arrival is heralded by the very stars, **filling hope with joy** (CA).*

540) *For those who will be disappointed, they must now **take hope out of the joy of the others, and stand strong (NG).***

Примечательно, что пары эмонимов, которые функционируют по принципу взаимной обратимости, были зарегистрированы не в одинаковых вариантах языка и даже не в одинаковых географических ареалах. По-видимому, это вневременной и ареально не обусловленный принцип языковой категоризации чувственно-эмоциональных состояний человека.

Еще одной закономерностью языковой категоризации эмоций выступает принцип встроенности / вложенности одних образов в другие, таким образом, получается эффект матрешки. Такой эффект можно наблюдать как с рядоположенными явлениями, например, в любовь встроена другая любовь, так и с чувствами разной природы.

Так, в шриланкийском варианте языка любовь наряду с удовольствием заполняется плотской любовью (пример 541), в австралийском варианте в чувствах одного человека можно найти чувства другого (пример 542), в индийском варианте счастье мужчины лежит на дне женского счастья-вместилища (пример 543).

541) *Tolstoy believed that if two married people stay together and their initial love is mostly **filled with** sensual pleasure and **carnal love** it can quickly turn into hatred (LK).*

542) *How to **find his feeling in** your own **feeling** (AU)?*

543) *He concluded by saying that his **happiness lies in** her **happiness** (IN).*

В американской культуре страсть категоризуется по образу и подобию вместилища, в который можно положить еще какую-то страсть (пример 544), а радость – по образу и подобию вместилища, из которого можно изъять радость для себя (примеры 545-546). Интересно, что подобный пример был зафиксирован и в филиппинском варианте языка (пример 547).

544) *Please **put some passion in** this **passion** for all humans despite their situation in life (US).*

545) *But because they **get joy out of** your **joy**, it's worth taking a few minutes to send them a picture (US).*

546) *It is his personality. I **take joy out of** his **joy**. I admire that he never seems to let anything affect him (US).*

547) *Do so from giving more to others as well, **taking joy out of** the increased **joy** of others (PH).*

В канадском английском удовольствие – это одновременно и содержащее, и содержимое: в удовольствии одних людей можно найти

удовольствие для других (пример 548). В пакистанском варианте языка удивление – этоместилище, но в нем отсутствует это самое удивление. Это отсутствие диктуется политикой правления американского президента (пример 549).

548) *To find pleasure in the pleasure they take in something we too once enjoyed (CA).*

549) *It is Donald Trump's era. There is no surprise in any surprise (PK).*

В некоторых случаях наблюдаются устойчивые пары. Так, например, было зафиксировано 12 упоминаний о **радости**, содержащейся в **удовольствии**, причем в разных вариантах английского языка: канадском, ирландском, австралийском, пакистанском, сингапурском, филиппинском и индийском (примеры 550-552).

550) *It has stood up beautifully as a grateful appreciation for a career and life that found joy in both pleasure and ugliness, in both the minor fall and the major lift (CA).*

551) *There's a wisdom that comes with age and finding joy in simple pleasure (IE).*

552) *<...> finding joy in pleasure and communing with loved ones in a low-key, but meaningful way (SG).*

Но радость – это и содержащее. В примерах 553-554 **радость** описана как благоприятноеместилище для **счастья**.

553) *Happiness lies in the joy of achievement and the thrill of creative effort (NG).*

554) *Delicate sparkles get momentary rhythm on their wings, their happiness lies in the fleeting joy they give before extinguishing (SG).*

Особый интерес представляют языковые свидетельства обратимости эмоций и чувств, в которых гиперонимы *emotion* и *feeling* уподобляются и содержащему, и содержимому. Так, употребление *feeling* в классифицирующей конструкции [*SV_{exist} in/inside a container*] в американском

варианте английского является свидетельством того, что чувства хранятся в эмоциях (пример 555).

555) *Your feelings are in your emotions, and herein lies your ability to play with your motivations (US).*

В связи с тем, что примеров, в которых бы чувства выступали вместилищем для эмоций обнаружено не было, были сделаны дополнительные запросы в других корпусах. В результате мы зафиксировали употребление чувств в качестве вместилища (пример 556).

556) *Put your emotions into your feelings (US).*

Эта находка еще раз подтверждает наше положение о нецелесообразности разделения чувств и эмоций, если речь идет о метафорической категоризации мира. Именно поэтому и было принято за основу понятие «эмоним» для обозначения всех чувственно-эмоциональных состояний человека.

Рассмотрим принцип «матрешки» на примерах чувств разной природы.

Наибольшую «матрешку» мы «собрали» из 14 эмонимов, а это больше половины лексических единиц. Цепочка выглядит следующим образом: *love* (любовь) ⇔ *hope* (надежда) ⇔ *shame* (стыд) ⇔ *pleasure* (удовольствие) ⇔ *happiness* (счастье) ⇔ *grief* (горе) ⇔ *anger* (гнев) ⇔ *emotion* (эмоция) ⇔ *feeling* (чувство) ⇔ *fear* (страх) ⇔ *anxiety* (тревога) ⇔ *concern* (участие) ⇔ *interest* (интерес) (пример 557).

557) *Love is full of hope in surviving life as a solo parent (PH) ⇔ there is no shame in that hope (PK). ⇔ He raped her every night, finding pleasure in his shame (IN). ⇔ Happiness is not in worldly pleasure (IN). ⇔ She is excellent at capturing contradiction and the complexity of human emotions – how happiness can contain grief (IE). ⇔ However, grief filled with anger was visible on their faces (IN). ⇔ A healthy ego is foremost an ability to regulate painful emotions being in anger and fear (US). ⇔ Your feelings are in your emotions (US). ⇔ your thoughts and feelings are filled with the fear of being alone (GH). ⇔ The anxiety lies in Palestinian fear that <...> (IN). ⇔ Some of these concerns are in*

racial anxiety (SG). ⇔ *Her passionate interest in Rio's future seems to be in concern for her family who live there* (IE) ⇔ *This open interest contains the short Nifty future positions* (IN).

Любопытно, что принцип матрешки, равно как и принцип взаимной обратимости эмоций не имеет привязки к ареалу распространения английского языка.

Еще несколько «матрешек» состоят из 12 эмоций. Так, например, ужас (*terror*) является вмещающим для содержимого-облегчения (*relief*), облегчение (*relief*) – вмещающим для чувства (*feeling*), чувство (*feeling*) – для надежды (*hope*), надежда (*hope*) – для стыда (*shame*), стыд (*shame*) – для удовольствия (*pleasure*), удовольствие (*pleasure*) – для радости (*joy*), радость (*joy*) – для счастья (*happiness*), счастье (*happiness*) – для горя (*grief*), горе (*grief*) – для гнева (*anger*), гнев (*anger*) – для эмоции (*emotion*), эмоция (*emotion*) – для интереса (*interest*) (пример 558).

558) *To get some relief out of the terror of constant bombings* (US). – *A good night's sleep prevents the hungover feeling he gets out of other relief* (NZ). – *But he also takes hope out of those strong feelings about the Starwood Preferred Guest program* (US). – *There is no shame in that hope* (PK). – *He raped her every night, finding pleasure in his shame* (IN). – *I have trouble finding joy in the simple pleasure of life, knowing that I will never feel joy 100 percent again...* (CA). – *Happiness lies in the joy of achievement and the thrill of creative effort* (US). – *She is excellent at capturing contradiction and the complexity of human emotions – how happiness can contain grief*, (IE). – *However, grief filled with anger was visible on their faces* (IN). – *A healthy ego is foremost an ability to regulate painful emotions being in anger and fear* (US). – *My interest lies in people, in their emotions* (US).

Рассмотренные в 2.4. принципы взаимной обратимости и «матрешки», действующие в именной классификативности и языковой метафорике англоязычного пространства, являются частным случаем всеобщего принципа познания – детерминизма. Ср., принцип детерминизма –

объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира, проявляющийся, например, в русских народных сказках (кощеева смерть спрятана в нескольких вложенных друг в друга волшебных предметах и животных: «на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет).

Выводы

1. При знакомстве с именными классификациями в языках мира был выявлен семантический категоризирующий признак ‘предмет стабильной формы, полый, предназначенный для какого-то содержимого’. Этот признак грамматически выражен в других языках мира. Данное обстоятельство в соответствии с типологическим принципом выделения криптоклассов позволило выявить именной криптокласс английского языка «Res Continens», в основании которого лежит данный семантический признак.

2. В результате изучения семантико-синтаксической сочетаемости имен-эталонов и признаков слов, внутренняя форма которых связана с указанным категориальным признаком, был получен набор классифицирующих конструкций, диагностирующих принадлежность имен к криптоклассу английского языка «Res Continens»: предикативные [*a container is full*], [*a container is filled with*], [*a container is empty*], [*a container is deep*], [*a container is shallow*], атрибутивные [*a full container*] VS [*an empty container*] и глагольный субъектный [*a container contains*], глагольные объектные [*to fill a container (with smth)*], [*to empty a container*], глагольные локативные классификаторы. Последние были разделены на те, которые диагностируют ‘помещение предмета во вместительнице’ [*VO/V in/into a container*], нахождение предмета во вместительнице’ [*SV_{exist} in/inside a container*] и ‘изъятие предмета из вместительницы’ [*VO/V out of a container*].

3. Наиболее коммуникативно востребованными классификаторами криптокласса «Res Continens» являются глагольные классификаторы

(95,25%) (см. Рис. 88), которые маркируют регулярность и конвенциональность («когнитивное признание» в языковом коллективе) приписываемого эмониму признака. Например, наиболее функционально-значим и коммуникативно востребован в англоязычном пространстве в целом экзистенциальный признак ‘нахождение содержимого внутри (в полости) содержащего’, о чем свидетельствует доля коммуникативной значимости глагольной локативной конструкции [*SV_{exist} in/inside a container*] в языковой категоризации чувств и эмоций во всех рассмотренных вариантах английского языка.

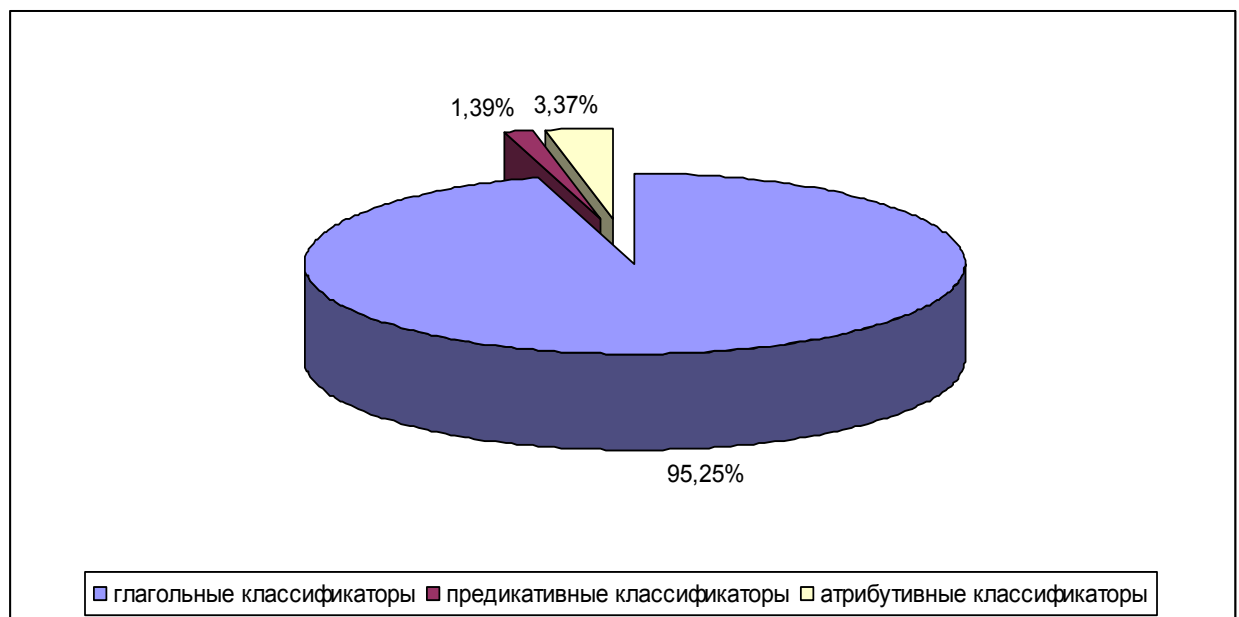

Рис. 88. Доля классификаторов криптокласса АЯ «Res Continens» в языковой категоризации эмоций

4. Роль предикативных классификаторов в категоризации эмоций по образу и подобию вместилища при маркировании временного признака ‘заполняемости’ или постоянного признака ‘глубины’ вместилища мала (1,39%). Однако предикация является благоприятной средой для языкового творчества в аспекте образования новых метафорических выражений и создания необычных новых образов.

5. В результате проведенного криптоклассного анализа метафорической сочетаемости 23 эмонимов с классификаторами

криптокласса в двадцати вариантах английского языка на материале корпусов GloWbE и NOW был сформирован исследовательский корпус контекстов словоупотреблений имен эмоций, насчитывающий **26.312** словоупотреблений.

6. Все эмонимы подтвердили свой статус метафоронимов именного криптокласса английского языка «Res Continens». Полученные данные свидетельствуют о когнитивной общности метафорических образов чувственных и эмоциональных переживаний в разных лингвокультурах англосферы.

7. Метафоронимы *fear* (страх) и *love* (любовь) демонстрируют самую высокую частоту встречаемости с классификаторами криптокласса (8167 и 6743 словоупотреблений соответственно), в первую очередь в американском и канадском вариантах английского. Максимально низкая частота встречаемости (менее 100 словоупотреблений) с классификаторами криптокласса выявлена для эмонимов *pity* (жалость), *pride* (гордость) и *guilt* (вина) (29, 71 и 87 словоупотреблений соответственно).

8. Наибольшая коммуникативная востребованность образа эмоции-вместилища наблюдается в американском, канадском, британском и индийском вариантах английского языка, наименьшая – в вариантах английского языка Танзании, Гонконга, Ямайки и Бангладеш, возможно, в силу недостаточной репрезентативности данных подкорпусов GloWbE и NOW.

9. Криптоклассные портреты эмонимов в английском языке показывают, что в англоязычном пространстве большая часть эмоций и чувств (*feeling* (чувство), *fear* (страх), *terror* (ужас), *grief* (горе), *surprise* (удивление), *shame* (стыд), *relief* (облегчение), *sympathy* (сочувствие), *anger* (гнев), *love* (любовь)) в первую очередь ассоциируются с вместилищем. Для шести номинаций – *emotion* (эмоция), *happiness* (счастье), *passion* (страсть), *guilt* (вина), *concern* (участие), *interest* (интерес) – доминирующим является криптокласс «Res Planae», а для пяти – *pleasure* (удовольствие), *joy* (радость),

hope (надежда), *pride* (гордость), *pity* (жалость) – криптокласс «Res Parvae». Для эмонимов *distress* (страдание) и *anxiety* (тревога) криптоклассные портреты не были составлены в связи с отсутствием данных по семи другим криптоклассам.

10. На примере эмонимов рассмотрен принцип лингвистической дополнительности в метафорическом представлении чувств и эмоций, при котором в одном варианте английского для языковой категоризации эмоции коммуникативно значим один признак, в другом – другой признак. Так, например, в индийском и британском идиомах коммуникативно значим признак наполненности вместилища, а в американском и британском – признак глубины. Признак помещения во вместилище и нахождения в нем наиболее востребован в американском варианте, а признак изъятия какого-то объекта из вместилища – в британском.

11. На примере языковой категоризации эмоциональных состояний хорошо виден принцип взаимной обратимости – частный случай протеизма дологического мышления: *her emotions were filled with joy* и *her joy was filled with emotions*. Так, были зафиксированы случаи взаимной обратимости чувств и эмоций: *find your pleasure in the pleasure of others, take your joy out of his joy*. Другим действующим в языковой метафорике англоязычного пространства принципом именной классификативности является принцип «матрешки», частный случай всеобщего принципа познания – детерминизма: одна эмоция помещается в другую, при этом являясь одновременно и содержащим и содержимым.

12. Наиболее оптимальной номинацией – определяющей – для образов эмоционально-чувственных переживаний человека выступает «эмоним», объединяющий в себе все эмоциональные и чувственные состояния.

13. Наиболее частотными классификаторами криптокласса «Res Continens» являются глагольные локативные конструкции (95,25%), которые маркируют регулярность и конвенциональность («когнитивное признание» в языковом коллективе) приписываемого эмониму признака. Наиболее

функционально-значим и коммуникативно востребован в англоязычном пространстве в целом признак 'нахождения предмета внутри вместилища'.

14. Все анализируемые эмонимы являются метафоронимами именного криптокласса английского языка «Res Continens». Метафоронимы *concern* и *love* демонстрируют самую высокую частоту встречаемости с классификаторами криптокласса, в первую очередь, в американском варианте английского. Максимально низкая частота встречаемости с классификаторами криптокласса выявлена для эмонимов *pity* (жалость), *surprise* (удивление) и *guilt* (вина) во всех вариантах английского языка.

Заключение

Целью диссертационного исследования являлось описание метафорической категоризации эмоционально-чувственных переживаний как вместилища в двадцати вариантах английского языка.

Для достижения цели мы изучили вопросы, связанные с метафорой, языковой вариативностью, описанием и классификациями эмоционально-чувственных переживаний в лингвистике и когнитивной науке. Поскольку работа над диссертацией проводилась в соответствии с методологией и терминологией Воронежской лексико-типологической группы в рамках криптоклассной теории, были сформулированы постулаты данного исследования, касающиеся соотношения именного криптокласса «Res Continens» в английском языке и универсального топотипа «Контейнер». В диссертационной работе О. А. Голиковой [Голикова 2018] доказана связь топологического типа с именной классификативностью и практикой криптоклассного анализа. Мы сочли целесообразным использовать данное уточнение криптоклассной теории для теоретического обоснования выявления такого именного криптокласса английского языка, где в качестве имен-эталонов выступают номинации контейнеров, вместилищ и сосудов разных размеров и назначения.

Знакомство с различными подходами к толкованию базовой формы КОНТЕЙНЕР и когнитивной модели ВМЕСТИЛИЩЕ, позволило нам определить степень разработанности проблемы языковой категоризации эмоций, оценить значимость данной модели в языковой категоризации мира и определить те аспекты проблемы, которые ждут своего решения, а значит являются актуальными.

Такая базовая форма как вместилище и соответствующая ей универсальная понятийная категория, и когнитивная модель мироустройства (образная схема, концептуальная метафора, топотип в других научных концепциях) обязательно находит реализацию в языках мира: в явном (морфологически выраженном), как например, в кавказских языках или в

скрытом виде, как, например, в английском языке. Одной из задач исследования стало выявление именной скрытой категории (именного криптокласса) в английском языке – в языке, который генетически относится к германским языкам, но типологически от них отличается. Для решения этой задачи потребовалось предложить типологическое обоснование выделению именного криптокласса английского языка «Res Continens» на фоне изучения грамматически выраженных классов существительных в языках мира. В основании криптокласса «Res Continens» лежит категоризирующий признак ‘полый предмет стабильной формы, предназначенный для какого-либо содержимого’.

Описание устройства криптокласса (качественные и количественные показатели имен-эталонов и метафоронимов) стало возможным благодаря изучению метафорической лексико-семантической сочетаемости – встречаемости имен с классификаторами криптокласса «Res Continens». Фактически разрабатываемый криптокласс английского языка представляет собой метафорическое расширение языковой категории, когнитивным ядром которой является множество предметных имен, образующих топотип «Контейнер». Такие имена, как *cup* (чашка), *glass* (стакан), *box* (коробка, ящик), *bowl* (миска), *bucket* (ведро), *basket* (корзина), получили статус имен-эталонов именного криптокласса «Res Continens».

Классификаторами криптокласса выступают лексико-синтаксические конструкции, в которых находят отражение свойства топологического типа «Контейнер». Каждый классификатор диагностирует принадлежность имени классу «Res Continens», опираясь на одно (или несколько) из свойств топотипа. К когнитивно-значимым свойствам топотипа относятся:

- трехмерная стабильная форма,
- полость, предназначенная для помещения, хранения и изъятия предметов или веществ – функционально-значимое свойство формы,
- наполняемость, пределами которой является пустая/полная полость.

В результате серии ограничений объекта исследования для описания были отобраны 23 эмонима английского языка: *emotion* (эмоция), *feeling* (чувство), *fear* (страх), *terror* (ужас), *distress* (страдание), *anxiety* (тревога), *grief* (горе), *pleasure* (удовольствие), *joy* (радость), *happiness* (счастье), *surprise* (удивление), *passion* (страсть), *hope* (надежда), *pride* (гордость), *shame* (стыд), *guilt* (вина), *relief* (облегчение), *pity* (жалость), *sympathy* (сочувствие), *concern* (участие), *interest* (интерес), *anger* (гнев), *love* (любовь).

Полученные в ходе обработки корпусных запросов данные метафорической сочетаемости эмонимов размещены на лингвистическом информационном ресурсе «Криптоклассы английского языка» COEL (<http://www.rgph.vsu.ru/coel/>).

Проведенное исследование актуально как для системного представления классов именной лексики английского языка, так и для расширения нашего понимания языковой вариативности на примере одного из германских языков – английского. К исследованию привлекались многомиллиардные корпуса М. Дэвиса, в которых представлены двадцать, как устоявшихся, так и неустоявшихся вариантов английского языка.

Таким образом, на материале вариантов английского языка изучены вопросы метафорического расширения класса имен существительных английского языка, представляющего собой один из универсальных топологических типов объекта, форма которого обеспечивает хранение других объектов.

Качественный и количественный анализ вхождения эмонимов в именной криптокласс английского языка «Res Continens» показал, что все рассматриваемые в работе эмоционально-чувственные переживания человека осмысляются и метафоризируются в английском языке по аналогии с вместилищем. Таким образом, **гипотеза исследования** подтвердилась.

Анализ встречаемости эмонимов с классификаторами криптокласса (глагольными, предикативными и атрибутивными) позволил установить

закономерности в языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний как вместилища через выявление общего и особенного в их метафорическом представлении по вариантам английского языка.

Полученные данные свидетельствуют о когнитивной **общности** эмоционально-чувственных переживаний в разных лингвокультурах англосферы. Лишенными ареальной специфики, т.е. **общими**, являются также два принципа языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний как вместилищ: 1) принцип взаимной обратимости и 2) принцип «матрешки», действующие в зоне метафорики англоязычного пространства. Оба принципа являются частным случаем всеобщего принципа познания объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира – детерминизма: одна эмоция помещается в другую, при этом являясь одновременно и содержащим, и содержимым. Оба принципа связаны с такими свойствами мифологического мышления как *протеизм*, когда эмоции категоризируются и по аналогии с содержащим, и по аналогии с содержимым; а также *синкретизм* (содержащее и содержимое в природе существуют в единстве). Объяснение универсальной природы принципа встроенности одних элементов в другие (когнитивная модель 'Контейнер') также следует искать в дологическом мышлении.

Особенности языковой категоризации эмоционально-чувственных переживаний касаются степени коммуникативной востребованности (значимости для языкового коллектива) их образов.

Наибольшая коммуникативная востребованность образа эмоции-вместилища наблюдается в американском, канадском, британском и индийском вариантах английского языка. Наименьшая – в вариантах английского языка Танзании, Гонконга, Ямайки и Бангладеш, возможно, в силу недостаточной репрезентативности данных подкорпусов в GloWbE и NOW.

Гиперонимы разных эмоциональных состояний – *emotion* и *feeling* – являющиеся метафоронимами исследуемого криптокласса английского

языка, демонстрируют отношения взаимной обратимости эмоций и чувств: эмоции – содержащее для чувств, а чувства – содержащее для эмоций. Данное языковое свидетельство говорит о симбиозе этих состояний человека. В связи с этим обстоятельством для наивного пользователя английского языка представляется затруднительным разграничение чувства от эмоции, что в свою очередь находит отражение в лексикографии: в некоторых монолингвальных толковых словарях для изучающих английский в качестве иностранного все рассмотренные в работе эмоции определяются или толкуются через чувства (см. 2.3.).

В результате проделанной работы удалось пересмотреть доминирующие признаки в языковой категоризации эмоций. Признак ‘полый предмет стабильной формы, предназначенный для какого-либо содержимого’ доминирует у половины эмоций, в то время как ранее доминирующими в языковой категоризации половины рассмотренных эмоций были признаки ‘текущее’ и ‘рукоятное’.

Ближайшей перспективой исследования является анализ принадлежности частотных абстрактных имен английского языка, представленных на платформе информационного лингвистического ресурса COEL «Криптоклассы английского языка» к выявленному в диссертации криптоклассу. Предполагаемая в дальнейшем визуализация в 3D формате результатов когнитивного моделирования криптоклассного распределения имен английского языка обещает новые интересные результаты.

Осталось за пределами проведенного исследования рассмотреть классификационный потенциал конструкции [*feeling of ...*], где гипероним *feeling* – это содержащее, а **номинация эмоции** – содержимое.

В данной диссертационной работе остался незатронутым и тип вместилища нестабильной формы (мешок), изучение которого может стать объектом отдельного диссертационного исследования. Это будет способствовать углублению криптоклассной теории в аспекте систематизации криптоклассов английского языка. Ср., выявленные на

настоящий момент криптоклассы английского языка представлены дихотомией «длинно-тонкий предмет стабильной формы» VS. «длинно-тонкий предмет нестабильной формы» (палка-веревка) или «плоский предмет стабильной формы» VS. «плоский предмет нестабильной формы» (столешница-скатерть).

Список терминов и сокращений, используемых в работе

АЯ – английский язык.

GloWbE – корпус Global Web-Based English (M. Davis).

NOW – NOW Corpus ('News on the Web') (M. Davis).

iWeb – The intelligent Web-based Corpus (M. Davis).

COCA – Corpus of Contemporary American English (M. Davis).

BNC – British National Corpus (M. Davis).

COEL – информационный ресурс «Криптоклассы английского языка» (*Cryptotypes of the English language*) <http://www.rgph.vsu.ru/coel/> .

Идиом – общий термин для обозначения различных языковых образований; применяется для нейтрализации оппозиции язык VS диалект.

Идиомы:

US (United States) – идиом США;

CA (Canada) – идиом Канады;

GB (Great Britain) – идиом Великобритании;

IE (Ireland) – идиом Ирландии;

AU (Australia) – идиом Австралии;

NZ (New Zealand) – идиом Новой Зеландии;

IN (India) – идиом Индии;

LK (Sri Lanka) – идиом Шри-Ланки;

PK (Pakistan) – идиом Пакистана;

BD (Bangladesh) – идиом Бангладеш;

SG (Singapore) – идиом Сингапура;

MY (Malaysia) – идиом Малайзии;

PH (Philippines) – идиом Филиппин;

HK (Hong Kong) – идиом Гонконга;

ZA (South Africa) – идиом ЮАР;

NG (Nigeria) – идиом Нигерии;

GH (Ghana) – идиомы Ганы;

KE (Kenya) – идиом Кении;

TZ (Tanzania) – идиом Танзании;

JM (Jamaica) – идиом Ямайки.

Криптокласс – лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (словоформу или конструкцию) и имеющая соответствие в явной грамматической категории хотя бы одного языка мира.

Криптоклассы английского языка: *Res Liquidae* (эталон – ‘вода’); *Res Acutae* (эталон – ‘шип’); *Res Filiformes* (эталон – ‘нить’); *Res Rotundae* (эталон – ‘мяч’); *Res Parvae* (эталон – ‘камень’); *Res Longae Penetrantes* (эталон – ‘копье’); *Res Planae* (эталон – ‘плоскость’);

Криптоклассный портрет имени – данные о распределении имени по криптоклассам английского языка, представленные средствами компьютерной графики.

Метафороним криптокласса – имя, которое относится к именному криптоклассу на основании его метафорической категоризации по аналогии с эталоном криптокласса.

СИ – сочетательная избирательность имени, т.е. частота замещений именем заданной позиции при одном классификаторе криптокласса.

Эмоним – имя существительное, называющее эмоционально-чувственное переживание человека.

Языковой вариант – официально закрепленный стандарт плюрицентрического языка т.е. языка, используемого в нескольких государствах, каждое из которых выработало свой стандартный национальный языковой вариант.

Список литературы

1. Абросимова Л. С. Словообразовательная категоризация в языковой картине мира (на материале отсоматической лексики английского языка): автореф. дис. ... доктора филол.наук / Л. С. Абросимова. – Ростов-на-Дону, 2015. – 42 с.
2. Алексеев М. Е. Атапаскские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 50-51.
3. Анохин П. К. Эмоции / П. К. Анохин // Большая медицинская энциклопедия. Т. 35. – М., 1964. – С. 339-341.
4. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII, 472 с.
5. Апресян Ю.Д. Семантическая мотивация несемантических свойств лексем / Ю. Д. Апресян // Die Grammatischen Korrelationen / Ed. by V. Tošović. Graz. GraLiS: Institut für Slavistik der Karl-Franzens-Universität, 1999. – S. 81-96.
6. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2011а. – № 1. – С. 19-51.
7. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2011б. – № 2. – С. 63-88.
8. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – Л.: Академия, 1927. – 120 с.
9. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Серия литературы и языка. Том 37. – М., 1978. – № 4. – С. 333-343.
10. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

11. Бабушкин А. П. Концепт «Контейнер» в синтаксических конструкциях художественного текста / А. П. Бабушкин // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. научн. тр. – Вып. 2. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. – С. 47–52.
12. Багдасарова Н. А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: Дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Багдасарова. – М., 2004. – 205 с.
13. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
14. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей / А. Н. Баранов. – 2003. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/2607/baranov.pdf>.
15. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
16. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
17. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 321 с.
18. Белик А. А. Культурология: Антропол. теории культур: Учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во», Рос. гос. гуманит. ун-т / А. А. Белик. – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – 239 с.
19. Беликова Л. Г. Варианты английского языка / Л. Г. Беликова // Власть. – 2015. – № 11. – С. 138-142.
20. Блэк М. Лингвистическая относительность (теоретические воззрения Бенджамена Ли Уорфа) / М. Блэк // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 199-212.
21. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.

22. Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике / А. В. Бондарко // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 180-202.
23. Бондарко А. В. Теория значения в функциональной грамматике / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
24. Борискина О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 211 с.
25. Борискина О. О. Криптоклассный анализ лексики: этапы и перспективы / О. О. Борискина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008а. – № 6. – С. 45-50.
26. Борискина О. О. Моделирование синтагматической динамики слова / О. О. Борискина // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. 2008b, – № 3. – С. 64- 69.
27. Борискина О. О. Выделение криптоклассов как способ изучения языкового сознания / О. О. Борискина // Материалы XXXVIII международной филологической конференции СПбГУ, 2009, Психолингвистика / Под ред. Т. В. Черниговской. – СПб., 2009а. – С. 12-17.
28. Борискина О. О. Корпусная VS. Психолингвистика: конфронтация или кооперация / О. О. Борискина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009b. – № 2. – С. 34-39.
29. Борискина О. О. Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости / О. О. Борискина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2009с. – № 1. – С. 32-37
30. Борискина О. О. Периферия криптокласса имен: к параметрам моделирования / О. О. Борискина // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2009d. – Вып. 1 (69). – С. 34-42.

31. Борискина О. О. Еще один подход к изучению метафоры политического дискурса / О. О. Борискина // Политическая лингвистика. – 2010а. – № 1 (31). – С. 153-158.
32. Борискина О. О. Классифицирующие структуры в криптоклассном исследовании / О. О. Борискина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2010б. – № 2. – С. 28-33.
33. Борискина О. О. Объяснение необъяснимого или о мотивации немотивированного / О. О. Борискина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика». – 2010с. – № 1. – С. 95-100.
34. Борискина О. О. Выявление скрытой категориальности имен / О. О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2011а. – № 2. – С. 15-18.
35. Борискина О. О. Криптоклассы английского языка / О. О. Борискина. – Воронеж: издательство «Истоки», 2011б. – 333 с.
36. Борискина О. О. Криптоклассные метафоронимы и политическая метафорология / О. О. Борискина // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф.– Екатеринбург, 2011с. – С. 34-36.
37. Борискина О. О. Метафоронимы: в поисках толкования / О. О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2011d. – № 1. – С. 63-68.
38. Борискина О. О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19, 10.02.04 / О. О. Борискина. – Воронеж, 2011е. – 442 с.
39. Борискина О. О., Донина О. Английский криптокласс «RES LONGA» или все-таки они колются / О. О. Борискина, О. Донина // Проблемы лексико-семантической типологии. Выпуск I. – Воронеж, 2011f. – С. 84-95.

40. Борискина О. О. Стадии развития языка и их связь с языковым типом / О. О. Борискина // Проблемы лексико-семантической типологии. Выпуск II. – Воронеж, 2013. – С. 21-28.
41. Борискина О. О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? / О. О. Борискина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 24-27.
42. Борщев В. Б., Парти Б. Х. Генетив меры в русском языке, типы и сорта / В. Б. Борщев, Б. Х. Парти // Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию Ю. Д. Апресяна. – М., 2011. – С. 95-137.
43. Боярская Е. Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура / Е. Л. Боярская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2011. – № 2. – С. 18-28.
44. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
45. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 320-355.
46. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира: на материале русской грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
47. Булыгина Т. В. Скрытые категории / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 457-458.
48. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
49. Вербина Г. Г. Психология эмоций: учеб. пособие / Г. Г. Вербина. – Чебоксары: Чуваш, ун-т., 2008. – 308 с.

50. Вербицкая Л. А. Вариантность современной произносительной нормы и культура речи / Л. А. Вербицкая // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. – Горький, 1984. – С. 53-60.
51. Виноградов В. А. Именные классы и местоимения в бамилеке / В. А. Виноградов // Морфонология и морфология классов слов в языках Африки / ред. Н. В. Охотина. – М.: Наука, 1979. – С. 101-119.
52. Виноградов В. А. Введение: Именные категории в языках Африки / В. А. Виноградов // Основы африканского языкознания. Именные категории / ред. В. А. Виноградов. – М., 1996а. – С. 5-24.
53. Виноградов В. А. Именные категории в сонгай / В. А. Виноградов // Основы африканского языкознания. Именные категории / ред. В. А. Виноградов. – М., 1996б. – С. 264-277.
54. Виноградов В. А. Основы африканского языкознания. Именные категории / ред. В. А. Виноградов. – М., 1996с. – 279 с.
55. Виноградов В. А. Именные классы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 173-174.
56. Виноградов В. А. Типология Г. А. Климова в системе языковых типов / В. А. Виноградов // Вестник НГЛУ. Язык и культура. – Нижний Новгород, 2011. – № 15. – С. 29-39.
57. Вишневская Г. М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм [Электронный ресурс] / Г. М. Вишневская // Ярославский государственный педагогический университет. Педагогический вестник. – 2002. – № 1. – URL: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/13_1//
58. Гилярова К. А. Базовые категории формы физических объектов в языках мира: семантический анализ классификаторов / К. А. Гилярова // Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике. – Аксаково, 2001. Т.1. – С. 52-61.

59. Гилярова К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / К. А. Гилярова. – М., 2002. – 198 с.
60. Голикова О. А., Борискина О. О. Именная классификативность и ее интерпретация в лингвистической теории / О. А. Голикова, О. О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 11-16.
61. Голикова О. А. Именная классификативность в языке: криптокласс «Res Planae» диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О. А. Голикова. – Воронеж, 2018. – 168 с.
62. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2010. – 378 с.
63. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики / Л. И. Гришаева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.
64. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
65. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – Спб.: Питер, 2001. – 384 с.
66. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII. – С. 234-257.
67. Дониная О. В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О. В. Дониная. – Воронеж, 2017. – 532 с.
68. Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. – М.: 1996. – С. 111-145.
69. Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики: учебник / И. И. Елисеева, М. М. Юзбашев. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 480 с.

70. Жирков Л. И. Краткая грамматика аварского языка / Л. И. Жирков. – М., 1924. – 178 с.
71. Задобривская О. Ф. Корпус как исследовательский инструментарий для англиста / О. Ф. Задобривская // «Информатика: проблемы, методология, технологии»: Материалы XVI Международной научно-методической конференции. – Воронеж: Научно-исследовательские публикации, 2016. – С. 202-205.
72. Задобривская О. Ф. Английский криптокласс «Вместилище»: к проблеме выделения / О. Ф. Задобривская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и коммуникация. – Воронеж, 2017. – № 4, Октябрь – Декабрь. – С. 56-60.
73. Зуева Е. А. Эмоции как объект лингвистических исследований / Е. А. Зуева // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометодический контекст: материалы межвуз. науч.–практ. конф., Белгород, 17– 18 мая 2006 г. – Белгород, 2006. – С. 148-154.
74. Зыкова Н. Ю., Лапкова О. С., Хлоповских О. С. Методы математической обработки данных психолого-педагогического исследования / Н. Ю. Зыкова, О. С. Лапкова, О. С. Хлоповских // Учебное пособие для вузов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – 84 с.
75. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – Спб: Питер, 2000. – 464 с.
76. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – Спб: Питер, 2001. – 752 с.
77. Ильина С. С. О некоторых грамматических особенностях сингапурского английского / С. С. Ильина // Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр. – Вып. 11. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. – С. 72-81.
78. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте / Н. А. Илюхина. – Самара: Самарский университет, 1998. – 204 с.

79. Ионова С. В. Лингвистика эмоций: от теории к практике / С. В. Ионова, Ларина Т. В. // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – М., 2015. – № 1. – С. 7-10.
80. Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства / Л. Н. Иорданская // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1970. Вып. 13. – С. 3-26.
81. Исхакова З. З. Homo sentiens и репрезентативная функция языка / З. З. Исхакова // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. – Т. 15. – № 3. – С. 644-649.
82. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: [учебное пособие] / В. В. Кабакчи. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 232 с.
83. Калнынь Л. Э. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект» / Л. Э. Калнынь // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – Т. 35. – № 1. – С. 34-39.
84. Карпина Е. В. К вопросу разграничения языка и диалектов (на примере испанского языка) / Е. В. Карпина // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 2. – С. 45-52.
85. Кацнельсон С. Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь / С. Д. Кацнельсон // ИАН ОЛЯ. – 1947. Т. VI. – Вып. 4.
86. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 243 с.
87. Кибрик А. А. Верхнекускоквимский язык атабасков Аляски: русские влияния времен Л. А. Загоскина / А. А. Кибрик. – 2008. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/kibrik/Zagoskin%40Rjazan'_collection_2008.pdf.
88. Кибрик А. А. Язык интересен, или Лингвистика среди наук когнитивного спектра / А. А. Кибрик // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. – Калининград, 2014. – С. 18-20.

89. Кимов Р. С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира: монография / Р. С. Кимов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. – 183 с.
90. Кимов Р. С. Криптокласс «КОНТЕЙНЕР» в типологическом освещении / Р. С. Кимов // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – С. 502-504.
91. Кобозева И. М. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке / И. М. Кобозева // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – М., 2010. – Т. 69, № 6. – С. 31-39.
92. Коваль А. И. Именные категории в пулар-фульфульде / А. И. Коваль // Основы африканского языкознания. Именные категории / ред. В. А. Виноградов. – М., 1996. – С. 92-220.
93. Коломейцев Е. А. Криптотипы и их категории в неявной грамматике / Е. А. Коломейцев // Евразийское научное объединение. Том 2. – 2015. – № 3. – С. 114-116.
94. Коломейцев Е. А. О некоторых особенностях функционирования криптотипов в английском языке: выражение криптотипии на материале отрицательных префиксов глаголов / Е. А. Коломейцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Часть 2. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11. – С. 101-105.
95. Кольцова Л.М., Токмакова С.Е. Оценка и эмоции в языке русской литературной сказки XVIII-XXI веков / Л. М. Кольцова, С. Е. Токмакова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. – 150 с.
96. Кондаш О. Волнение: страх перед испытанием / О. Кондаш. – Киев: Изд-во Рад. школа, 1981. – 344 с.
97. Корнева В. В. Наречия и параметры пространственной картины мира / В. В. Корнева. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2008. – 300 с.
98. Кочетова М. Г. Вариативность в современном английском языке: единство и множественность форм / М. Г. Кочетова // Филологические науки.

Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (46): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 103-105.

99. Кретов А. А. Роль метафор в организации лексической семантики языка / А. А. Кретов // Аспект-Aspekti (орган Ассоциации преподавателей русского языка в Финляндии). – Helsinki, 1987. – № 2 (37). – С. 61-70.

100. Кретов А. А. Съедобное – несъедобное или криптоклассы русских существительных / А. А. Кретов // Linguistica Silesiana. – Warszawa, 1992. – № 14. – С. 104-114.

101. Кретов А. А. «Полет мысли» и методика исследования криптоклассов / А. А. Кретов, О. О. Борискина, Н. Васильева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2004. – № 1. – С. 61-65.

102. Кретов А. А. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / А. А. Кретов, В. Т. Титов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2010. – № 1. – С. 7-12.

103. Кретов А. А., Борискина О. О. Корпусное исследование метафорической сочетаемости абстрактной лексики английского языка / А. А. Кретов, О. О. Борискина // Ментальность и меняющийся мир: коллективная монография к 75-летию В. В. Колесова. Серия «Славянский мир». – Вып. 1. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 61-77.

104. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е. С. Кубрякова // Изв. РАН. – 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3-12.

105. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.

106. Кузнецова Ю. Л., Янда Л. А. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии: отклик на статью А. А. Зализняк и И. Л. Микаэлян

- / Ю. Л. Кузнецова, Л. А. Янда // Вопросы языкознания. – М.: Российская академия наук, 2013. – № 4. – С. 87-96.
107. Куликов Л. В. Психология настроения / Л. В. Куликов. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – 234 с.
108. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
109. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
110. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль // Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.В. Петухова. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 130-140.
111. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
112. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа / К. Леви-Стросс // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – М., 1985. – С. 9-34.
113. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М.: Республика, 1994. – 264 с.
114. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
115. Леонтьев А. Н. Эмоции / А.Н. Леонтьев // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 553-556.
116. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: конспект лекций / А. Н. Леонтьев. – Москва, 1971. – 40 с.
117. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
118. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Из ранних произведений. – М.: Мысль, 2001. – С. 393-600.
119. Ляшевская О. Н., Рахилина Е. В. Топология в классификации русских предметных имен / О. Н. Ляшевская, Е. В. Рахилина // Труды III

Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М.: 2007. – С. 469-470.

120. Манфред А. З. Максимилиан Робеспьер. «О принципах политической морали». Речь в Национальном конвенте от имени Комитета общественного спасения 5 февраля 1794 г. / А. З. Манфред // Избр. произведения. – М.: Наука, 1965.

121. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов // Труды Военного института иностранных языков. – М., 1945. – № 1. – С. 5–17.

122. Млодинов Л. Неосознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением / Л. Млодинов. – М.: Livebook, 2014. – 151 с.

123. Мусорин А. Ю. Что такое отдельный язык? / А. Ю. Мусорин // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2001. – № 1. – С. 12-16.

124. Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: Автореф. ... докт. филол. наук / Е. Ю. Мягкова. – М., 2000. – 43 с.

125. Нашхоева М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста / М. Р. Нашхоева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика. Челябинск, 2011. – № 1 (218). – С. 95-98.

126. Немов Р. С. Психология / Р. С. Немов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.

127. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.

128. Ольшанникова А. Е. Эмоции и воспитание / А. Е. Ольшанникова. – М.: Знание, 1983. – 80 с.

129. Орехова О. М. Функционирование крипто типов в теории языка / О. М. Орехова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 2 (32): в 2-х ч. Часть 2. – С. 145-148.

130. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.

131. Ортони А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 314-384.
132. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М., 2004. – 528 с.
133. Падежи в финском языке. – Режим доступа: <https://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=fincases> (дата обращения: 06.11.2018).
134. Первашова О. В. Британский и американский стандартные варианты английского языка в современном мировом англоязычном континууме / О. В. Первашова // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. – Харьков: Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, 2005. – № 31. – С. 16-21.
135. Перфильева С. Ю. Употребление слов – эмонимов в тексте. Попытка интерпретации эксперимента / С. Ю. Перфильева // Язык. Сознание. Коммуникация. – М.: Издательство Диалог-МГУ, 2000. – С. 24-29.
136. Перфильева С. Ю. Лакунизированность эмонимов в языковом сознании / С. Ю. Перфильева // Лакуны в языке и речи. Под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 157-163.
137. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: [в 4 т.] / А. А. Потебня. – М.: Просвещение, 1958-1985. – Т. 1-4.
138. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.
139. Пропп В. Я. Фольклор и действительность : избр. ст. / В. Я. Пропп; сост., автор предислов. и примеч. Б. Н. Путилов. – М.: Наука, 1976. – 325 с.
140. Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп; авт. предисл. К. В. Чис-тов. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 335 с.
141. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – 4-е изд. – М.: Лабиринт, 2000. – 333 с.

142. Проскурин С. Г., Орехова О. М. Криптотип. Семиотические подходы к неявной грамматике / С. Г. Проскурин, О. М. Орехова // Критика и семиотика: научное издание. – Новосибирск: НГУ, 2008. – № 12. Часть 1. – С. 54-64.
143. Прошина З. Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация / З. Г. Прошина // Личность. Культура. Общество (Personality. Culture. Society). Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – М., 2010. – Т. XII. Вып. 2. – № 55-56. – С. 242-252.
144. Прошина З. Г. Дистинктивные признаки вариантов английского языка, неродного для его пользователей / З. Г. Прошина // Вестник Череповицкого государственного университета. Филологические науки. – 2014. – № 3. – С. 123-128.
145. Рахилина Е. В. Семантика размера / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М., 1994. – № 34. – С. 58-81.
146. Рахилина Е. В. Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология / Е. В. Рахилина // Языковые значения: Методы исследования и принципы описания (памяти О. Н. Селиверстовой). – М.: Изд-во МГПУ, 2004. – С. 233-257.
147. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
148. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. – М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 584 с.
149. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3-31.
150. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 389 с.
151. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – Т. II. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.

152. Рудик П. А. Психология: Учебник / П. А. Рудик. – М.: Физкультура и спорт, 1976. – 238 с.
153. Руссо Жан-Жак. Избранные сочинения: в 3 т. / Жан-Жак Руссо. – М.: Гослитиздат, 1961. – Т. 3. – 728 с.
154. Саидов М. Краткий грамматический очерк аварского языка // М. Саидов Аварско-русский словарь. – М., 1967. – С. 705-806.
155. Саркисян Ж. П. Уточнение основных терминов современной диалектологии, используемых в лингвистической подготовке переводчиков / Ж. П. Саркисян, Н. А. Дацун // Инновационная наука. – 2015. – № 3. – С. 113-116.
156. Семенец О. Е. Социальный контекст и языковое развитие: территориальная и языковая дифференциация АЯ в развивающихся странах / О. Е. Семенец. – К.: Вища школа, 1985. – 175 с.
157. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Универс, 1993. – 656 с.
158. Серебрянников Б. А. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / Б. А. Серебрянников. – М.: Наука, 1973. – 318 с.
159. Серебрянников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
160. Симонов В. П. Эмоциональный мозг / В. П. Симонов. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
161. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 152 с.
162. Складарова Н. Г. Альтернативность как языковая универсалия / Н. Г. Складарова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 2006. – 284 с.
163. Смольникова Е. Л. Когнитивный механизм прототипной субстантивной метафоры как конструкта американского сленга / Е. Л. Смольникова // Вестник ИГЛУ. – 2010. – № 4 (12) – С. 197-203.
164. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31-43.

165. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1965. – 565 с.
166. Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы / Г. В. Степанов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков / Под ред. М. А. Бородиной, М. С. Гурычевой. – М.: Наука, 1966. – С. 226-235.
167. Степанов Ю. С. Протей: Очерки хаотической эволюции / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 264 с.
168. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
169. Тарасова О. Д. Основные направления исследования эмоций в лингвистике / О. Д. Тарасова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – Москва, 2015. – № 3. – С. 38-45.
170. Теоретические основы классификации языков мира / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1980. – 190 с.
171. Тер-Минасова С. Г. Язык как зеркало культуры / С. Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ, 1999. – 119 с.
172. Топорова И. Н. Именные категории в языках банту / И. Н. Топорова // Основы африканского языкознания. Именные категории / ред. В. А. Виноградов. – М., 1996. – С. 24-74.
173. Трошина И. А. Функционально-семантический подход в изучении проблемы языковой эмотивности / И. А. Трошина // Язык и эмоции: сб. науч. трудов ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 60-68.
174. Уорф Б. Л. Грамматические категории / Б. Л. Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. – С. 44-60.
175. Фортунатов Г. А. Чувства / Г. А. Фортунатов // Общая психология. Учебное пособие. – М., 1970. – С. 21-35.
176. Хомская Е. Д. Мозг и эмоции (нейропсихологическое исследование) / Е. Д. Хомская, Н. Я. Батова. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 6-67.

177. Хроленко А. Т. Исследование эмоционального опыта этноса средствами кросскультурной лингвофольклористики // Рябининские чтения. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск. 2007. С. 16-33.
178. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
179. Чижова Л. А. Когнитивная категория локативности и различные способы ее выражения в русском языке / Л. А. Чижова // Сборник научных трудов III Международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии – глобализация и обучение русскому языку». – Т. 10. – NCCU Taipei, 2011. – С. 3-16.
180. Чиркасова А. Д. Функционирование именного крипто типа «определенность/неопределенность» в условиях языковой игры / А. Д. Чиркасова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2012а. – С. 30-34.
181. Чиркасова А. Д. Функционирование предикатного крипто типа «контролируемость/неконтролируемость» в условиях языковой игры / А. Д. Чиркасова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2012б. – С. 90-94.
182. Чиркасова А. Д. Функционирование именного крипто типа «агентивность/неагентивность» в условиях языковой игры / А. Д. Чиркасова // Известия Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2013. – № 29. – С. 154-156.
183. Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики / А. П. Чудинов. – Свердловск, 1988. – 145 с.
184. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
185. Шарандин А. Л. Системная категоризация русского глагола / А. Л. Шарандин. – Тамбов.: ТГУ, 2001. – 209 с.

186. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале англ. яз.): дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Шаховский. – М., 1988. – 402 с.
187. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2, испр. и доп. / В. И. Шаховский. – Москва: URSS, 2008а. – 208 с.
188. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – Москва: Гнозис, 2008b. – 416 с.
189. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – М.: Московская международная академия, 2009а. – № 9. – С. 29-43.
190. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии / В. И. Шаховский. – Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2009b. – 170 с.
191. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.
192. Шишкоедов П. Н. Общая психология / П. Н. Шишкоедов. – М.: Эксмо, 2009. – 377 с.
193. Шмелев А. Д. Метафора судьбы: предопределение или свобода? / А. Д. Шмелев // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1994. – С. 227-231.
194. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 243 с.
195. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М.: Либроком, ЛКИ, КомКнига, 2008. – 280 с.
196. Шустрова Е. В. Афроамериканский английский / Е. В. Шустрова. – В 2 т. – Т. 1. Лексика и текст. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 640 с.
197. Эдельман Д. И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности / Д. И. Эдельман // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127-147.

198. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
199. Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов / Л. А. Янда // Вопросы языкознания. – М.: Российская академия наук, 2012. – № 6. – С. 3-43.
200. Admoni W. G. Der deutsche Sprachbau. Учебное пособие / W. G. Admoni. – М.: Просвещение, 1986. – 336 с.
201. Ahuja A., Techacharoenrungrueang S., Luksaneeyanawin S. Metaphors of womanhood in the literary works of contemporary Indian writers / A. Ahuja, S. Techacharoenrungrueang, S. Luksaneeyanawin // Cognitive Linguistic Studies. – Vol. 4. - #1. – 2017. – P. 131-158.
202. Aikhenvald Alexandra A. Classifiers. A Typology of Noun Categorization Devices / Alexandra A. Aikhenvald. – Oxford: University Press, 2000. – 562 p.
203. Allan K. Classifiers / K. Allan // Language. – Vol. 53, № 2. – 1977. – P. 285-311.
204. Bolton K. Varieties of World Englishes / K. Bolton // The Handbook of World Englishes edited by B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006a. – P. 289-312.
205. Bolton K. World Englishes Today / K. Bolton // The Handbook of World Englishes edited by B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006b. – P. 240-269.
206. Boriskina O. O. A corpus-based study of noun cryptotypes in English / O. O. Борискина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции. «Диалог». Ред.: А. Е. Кибрик, В. И. Беликов, И. М. Богуславский, Б. В. Добров, Д. О. Добровольский. – 2011g. – № 10. – С. 135-145.
207. Boriskina O. O. The main criteria for the exploration of noun cryptotypes / O. Boriskina // Вопросы филологии – спецвыпуск : VI междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». – М., 2011h. – С. 65-66.
208. Boyle G. J. Reliability and validity of Izard's Differential Emotions Scale / G. J. Boyle // Personality and Individual Differences. – 1984. – № 5. – P. 747-750.

209. Boyle G. J. Multidimensional measures of affects: Emotions and mood states / G. J. Boyle, E. Helmes, G. Matthews, C. E. Izard // *Measures of Personality and Social Psychological Constructs*. – Elsevier / Academic Press, 2015. – 810 p.
210. Bruthiaux P. Squaring the circles: Issues in modeling English worldwide / P. Bruthiaux // *International Journal of Applied Linguistics*. – 2003. – V. 13. – № 2. – P. 159-178.
211. Brutt-Griffer J. *World English. A Study of its Development* / J. Brutt-Griffer. – UK: Multilingual Matters Ltd., 2002. – 215 p.
212. Burling R. How to choose a Burmese numeral classifier. In Melford E. Spiro (ed.), *Context and Meaning in cultural anthropology* / R. Burling. – New York: Free Press, 1965. – P. 243-264.
213. Callies M. ‘Idioms in the making’ and variation in conceptual metaphor / M. Callies // *Cognitive Linguistic Studies*. – Vol. 4. - № 1. – 2017. – P. 63-81.
214. Callies M., Onyshko A. Metaphor variation in Englishes around the world / M. Callies, A. Onyshko // *Cognitive Linguistic Studies*. – Vol. 4. - № 1. – 2017. – P. 1-6.
215. Cazacu B. In jurul unei controversate lingvistice: limba sau dialect? (Problema clasificării idiomurilor romanice sud-dunerene) / B. Cazacu // *Studii și cercetări lingvistice*. – București, 1959. – T. X. – № 1. – P. 23.
216. Corbett G. *Gender* / G. Corbett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – xix + 366 p.
217. Cruse D. A. Prototype theory and lexical semantics / D. A. Cruse // *Meanings and prototypes: studies in linguistic categorization*. / ed. by S. Tsohatzidis. – L., 1990. – P. 382–402.
218. Crystal D. The future of Englishes / D. Crystal // *Innovation and best practice*. – London: Longman, 1999. – P. 9-22.
219. Crystal D. The future of English as a world language / D. Crystal // *World Language*. – Concord, 2000. – P. 4-7.

220. Crystal D. The future of Englishes: going local / D. Crystal // From international to local English – and back again. – Bern: Peter Lang, 2011. – P. 17-25.
221. Denny J. P. What are Noun Classifiers Good For? / J. P. Denny // Papers from the 12th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago, 1976. – P. 122-132.
222. Dröschel Y. Lingua franca English: The role of simplification and transfer / Y. Dröschel. – Bern; New York: Peter Lang, 2011. – 258 p.
223. Ekman P. An Argument for Basic Emotions / P. Ekman // Cognition and Emotion. – 1992. – № 6 (3/4). – P. 169-200.
224. Ekman P. Basic emotions / P. Ekman // T. Dalgleish, M. Power (eds.). Handbook of cognition and emotion. – Sussex: John Willey, 1999. – 842 p.
225. Etkoff N. L. Categorical perception of facial expressions / N. L. Etkoff, J. J. Magee // Cognition. – 1992. – № 44. – P. 227-240.
226. Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor P. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone / Ch. J. Fillmore, P. Kay, P. O'Connor // Language. – № 64. – 1988. – P. 501-538.
227. Fillmore Ch. J., Kay P. Construction grammar course book / Ch. J. Fillmore, P. Kay. – Berkeley: University of California, 1992. – 113 p.
228. Finzel A., Wolf H.-G. Cultural conceptualization of gender and homosexuality in BrE, IndI, and NigE / A. Finzel, H.-G. Wolf // Cognitive Linguistic Studies. – Vol. 4. - #1. – 2017. – P. 110-130.
229. Fischer G. Die syntaktischen und semantischen Eigenschaft der Numeralklassifikatoren im Thai / G. Fischer // Archiv orientální. – № 40. – 1972. – P. 65-78.
230. Frijda N. H. Dimensions of recognition of expression / N. H. Frijda, E. Philipszoon // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – № 66. – P. 45-51.
231. Frijda N. H. Emotion and recognition of emotion / N. H. Frijda // M. B. Arnold (ed.). Feelings and emotions. – N.Y.: Academic Press, 1970.

232. Goldberg Adele E. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure* / Adele E. Goldberg. – Chicago: University of Chicago, 1995. – 271 p.
233. Goleman D. *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ* / D. Goleman. – Bloomsbury, 1996. – 250 p.
234. Goral D. A. Numerical classifier system: a South-East Asian cross-linguistic analysis / D. A. Goral // *Linguistics in the Tibeto-Burman Area*. – № 4. – 1978. – P. 1-72.
235. Grierson G. A. “Language” and “Dialect” / G. A. Grierson // *Linguistic Survey of India*. – Calcutta, 1927. – Vol. 1. – Pt. 1.
236. Güldenring Ann B. Emotion metaphors in new Englishes: A corpus-based study of ANGER / Ann B. Güldenring // *Cognitive Linguistic Studies*. – Vol. 4. - № 1. – 2017. – P. 82-109.
237. Haas M. R. The Use of Numeral Classifiers in Thai / M. R. Haas // *Language*. – 1942. – Vol.18, № 3. – P. 201-205.
238. Heger K. „Sprache“ und „Dialect“ als linguistisches und soziolinguistisches Problem / K. Heger // *Folia linguistica*. – The Hague, 1969. – P. 46-67.
239. Henderson M. Between lexical and lexico-grammatical classification: nominal classification in Sinhala / M. Henderson // *Santa Barbara Papers in Linguistics*. – Santa Barbara, 2006. – № 17. – P. 29-48
240. Herskovits A. *Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English* / A. Herskovits. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 220 p.
241. Hla Pe. A re-examination of Burmese ‘classifiers’ / Pe. Hla // *Lingua*. – Vol. 15. – P. 163-185.
242. International Association for World Englishes Inc. (IAWE). Mode of access: <http://www.iaweworks.org/about-iawe.html> (дата обращения: 22.11.2018).
243. Jenkins J. *World Englishes: A Resource Book for Students* / J. Jenkins. – London; New York: Routledge, 2003. – 256 p.

244. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason* / M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 272 p.
245. Kachru B. B. *Models for Non-Native Englishes* / B. B. Kachru // *The Other Tongue: English across Cultures*. – Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1982. – P. 31-57.
246. Kachru B. B. Editorial / B. B. Kachru, L. E. Smith // *World Englishes*. – 1985a. – № 4. – P. 209-212.
247. Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the Outer Circle / B. B. Kachru // *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*. Edited by Randolph Quirk and Henry G. Widdowson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985b. – P. 11-30.
248. Kachru B. B. *World Englishes and Applied Linguistics* / B. B. Kachru // *World Englishes*, 1990. – Vol. 9. – № 1. – P. 3-20.
249. Kachru B. B. *The Other Tongue English Across Cultures* / B. B. Kachru. – Urbana: University of Illinois Press, 1992. – xxv+384 p.
250. Kachru B. B. *The Handbook of World Englishes* / B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 812 p.
251. Kibrik A. Coordination In Upper Kuskokwim Athabaskan / A. Kibrik // *Coordinating constructions* / ed. Martin Haspelmath. – Amsterdam: Benjamins, 2004. – P. 537-554.
252. Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E. «Some like it hot»: on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish / E. V. Rakhilina, M. Koptjevskaja-Tamm // *STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung)*, a special issue on *Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective*. – 2006. – Vol. 59. – № 2. – P. 253-269.
253. Koptjevskaja-Tamm M. *The linguistics of temperature* / M. Koptjevskaja-Tamm. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. – xii, 934 p.

254. Kövecses Z. American friendship and the scope of metaphor / Z. Kövecses // *Cognitive Linguistics*. – 1995a. – № 6. – P. 315-346.
255. Kövecses Z. Anger: Its language, conceptualization, and physiology in the light of cross-cultural evidence / Z. Kövecses // *Language and the Cognitive Construal of the World*. In J. R. Taylor and R. MacLaury (eds.). – Berlin: Mouton, 1995b. – P. 181-196.
256. Kövecses Z. The scope of metaphor / Z. Kövecses // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads*. In A. Barcelona, ed. – Berlin: Mouton, 2000. – P. 79-92.
257. Kövecses Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 224 p.
258. Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. - Chicago: University of Chicago Press 1980. – 256 p.
259. Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind / G. Lakoff // *Noun Classes and Categorization: Proceedings of a Symposium on Categorization and Noun Classification, Eugene, Oregon, October 1983* edited by C. Craig. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. – P. 13-52.
260. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind* / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
261. Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? / G. Lakoff // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1/1. – P. 39-74.
262. Lazarus R. S. *Passion and Reason: Making Sense of Our Emotions* / R. S. Lazarus, B. N. Lazarus. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1994. – x+332 p.
263. Lenenberg E. H. Cognition in Ethnolinguistics / E. H. Lenenberg // *Language*. – № 29. – 1953. – P. 463-471.
264. Li P. Cryptotypes, meaning-form mappings, and overgeneralizations / P. Li. – In E. V. Clark (Ed.), *Proceedings of the 24th Child Language Research Forum*. Center for the Study of Language and Information, Stanford University, CA, 1993. – P. 162-178.

265. Li P., MacWhinney B. Cryptotype, overgeneralization and competition: a connectionist model of the learning of English reversive prefixes / P. Li, B. MacWhinney // *Connection Science*. – Vol. 8. – № 1. – 1996. – P. 3-30.
266. Lucek S. Metaphor variation of spatial conceptualizations in Irish English: A methodological design / S. Lucek // *Cognitive Linguistic Studies*. – Vol. 4. – № 1. – 2017. – P. 36-62.
267. Lyons J. *Semantics, Volume 2* / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 898 p.
268. Malinowski B. Classificatory particles in the language of Kiriwina / B. Malinowski // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. – Vol. 1, part 4. – London Institution, 1920. – P. 33-78.
269. Mandler G. *Mind and Body: The Psychology of Emotion and Stress* / G. Mandler. – New York: Norton, 1984. – 346 p.
270. Melchers G. *World Englishes. 2 edition* / G. Melchers, P. Shaw. – Oxford: Hodder Education, 2011. – 256 p.
271. Mesthrie R. English Circling the Globe: A Commentary on a Seminal ET Article by Braj Kachru / R. Mesthrie // *English Today* 93, 2008.– Vol. 24. – № 1. – P. 28-32.
272. *Noun Classes and Categorization: Proceedings of a Symposium on Categorization and Noun Classification, Eugene, Oregon, October 1983* edited by C. Craig. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. – 481 p.
273. Onyshko A. Conceptual metaphor variation in meaning interpretation: Evidence from speakers of New Zealand English / A. Onyshko // *Cognitive Linguistic Studies*. – Vol. 4. – № 1. – 2017. – P. 7-35.
274. Ortony A. What's basic about basic emotions? / A. Ortony, T. J. Turner // *Psychological Review*. – 1990. – № 97. – P. 315– 331.
275. Osgood C. E. Dimensionality of the semantic space for communication via facial expressions / C. E. Osgood // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 1966. – № 7. – P. 1-30.

276. Pacioni P. Noun Classifiers: a View from Cantonese: Pacioni / P. Pacioni. – London: Lincom GmbH, 2019. – 211 p.
277. Pandarangga S. The transformation of English as a global language in the world / S. Pandarangga // *Lingua*. – 2015. – Vol. 10. – № 2. – P. 90-96.
278. Plutchik R. The Nature of Emotions / R. Plutchik // *American Scientist*. – 2001. – Vol. 89. – № 4. – P. 344-350.
279. Proshina Z. The ABC and controversies of World Englishes / Z. Proshina. – Хабаровск: ДВИИЯ, 2007. – 121 с.
280. Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Doing lexical typology with frames and semantic maps / E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova / *Working papers by NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics»*. – 2014. – 13 p.
281. Quirk R. The English Language in a Global Context / R. Quirk // *English in the World*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 1-6.
282. Rosch E. Natural categories / E. Rosch // *Cognitive Psychology*. – Elsevier, 1973. – V. 7. – P. 328-350.
283. Royen G. Die nominales Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde / G. Royen. – Mödling bei Wien: Anthropos, 1929. – 1030 p.
284. Schlosberg H. Three dimensions of emotion / H. Schlosberg // *Psychological Review*. – 1954. – № 61. – P. 81.
285. Schneider E. W. Postcolonial English: Varieties around the World / E. W. Schneider. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 367 p.
286. Smith L. English for Cross-Cultural Communication / L. Smith. – N.Y.: Macmillan, 1981. – xxiii+248 pp.
287. Senft G. What do we really know about nominal classification systems? / G. Senft // *Systems of nominal classification* by G. Senft. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 11-49.
288. Shaver P. Emotion Knowledge: Further Exploration of a Prototype Approach / P. Shaver, J. Schwartz, D. Kirson, C. O'Connor // *Emotions in Social Psychology: Essential Readings*. – Philadelphia, PA: Psychology Press, 2001. – P. 26-56.

289. Stein H. F. *Psychoanthropology of American Culture* / H. F. Stein. – New York: Free Press, 1985. – 268 p.
290. Strevens P. D. *English as an International Language: Directions in the 1990s* / P. D. Strevens // *The Other Tongue: English across Cultures* (2nd ed.) / B. Kachru (ed.). – Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1992. – P. 27-42.
291. Talmy L. *How Language Structures Space* / L. Talmy // *Spatial Orientation. Theory, Research, and Application*. – New York and London: Plenum Press. – 1983. – P. 225-282.
292. Talmy L. *Nouns*. In William Bright (ed.). *International Encyclopedia of Linguistics*, Vol.3 / L. Talmy. – New York: Oxford University Press, 1992. – P. 130-131.
293. Taylor J. R. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory* / J. R. Taylor. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – xv+312 p.
294. Taylor J., Mbense Th. *Red dogs and rotten mealies: How Zulus talk about anger* / J. Taylor, Th. Mbense // *Speaking of Emotions: Conceptualization and Expression*. In A. Athanasiadou and E. Tabakowska, eds. – Berlin: Mouton, 1998. – P. 191-226.
295. Titchener E. B. *A primer of psychology* / E. B. Titchener. – N.Y.: Macmillan, 1899. – 316 p.
296. Tomkins S. S. *Affect Imagery Consciousness. The Positive Affects* / S. S. Tomkins. – London: Tavistock, 1962. – Vol. 1. – 536 p.
297. Tomkins S. S. *Affect Imagery Consciousness. The Negative Affects* / S. S. Tomkins. – London: Tavistock, 1963. – Vol.2. – 588 p.
298. Vandeloise C. *Spatial prepositions: A case study from French* / C. Vandeloise. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – x+266 p.
299. Whorf B. L. *Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* / B. L. Whorf. – Cambridge, 1956. – 278 p.
300. Wierzbicka A. *Emotions across languages and cultures* / A. Wierzbicka. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 361 p.

301. Worsley P. M. 1954. Noun-classification in Australian and Bantu: Formal or Semantic? / P. M. Worsley // *Oceania*. – 1954. – Vol. XXIV. – № 24. – P. 275-288.
302. Wundt W.M., *Outlines of Psychology* / W.M. Wundt // *Classics in the history of psychology*. – Toronto: York University, 2010. – 368 p.
303. Zadeh L. A. 'Fuzzy sets' / L. A. Zadeh // *Information and control*. – Elsevier, 1965. – V. 8. – P. 338-363.

Словари и электронные корпуса

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Науч. изд-во «Большая Рос. Энциклопедия», 2000. – 685 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. — 5987 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 243 с.
4. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995-2009. – Т. 1-4.
5. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. – Режим доступа: <http://efremova.slovaronline.com/%D0%92/%D0%92%D0%9C/9866-VMESTILISCHE>.
6. Петровский А.В. Психология. Словарь / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
7. Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е, испр-е и дополн / Т. В. Жеребило. – Назрань: Изд-во ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
8. Словарь социолнгвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
9. Словарь философских терминов / Под ред. профессора В. Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2007. – XVI, 731 с.

10. Собрание корпусов М. Дэвиса (British National Corpus (BNC); Corpus of Contemporary American English; Corpus of Global Web-Based English; NOW Corpus; iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 20 countries, 2017; The TV Corpus; The Movie Corpus). – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu>.
11. Этимологический словарь русского языка. – Режим доступа: <http://etymological.academic.ru/4848>.
12. Collins Cobuild English Dictionary. – Harper Collins Publishers Ltd, 2001. – 1872 p.
13. Collins English Thesaurus. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/idea>.
14. Cryptotypes of the English Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rgph.vsu.ru/coel>.
15. Dictionary.com. – Mode of access: <http://dictionary.reference.com/browse/contain>.
16. Online Etymological Dictionary. – Mode of access: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=container.
17. Online Language Dictionary. – Mode of access: <http://www.wordreference.com/synonyms>.
18. Online Etymology Dictionary, Douglas Harper. – 2001. – Mode of access: www.etymonline.com.
19. Oxford English Dictionary. – Mode of access: <https://en.oxforddictionaries.com>.
20. Oxford Learner's Dictionary – Oxford University Press, 2005: Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com>.
21. The Synonym Finder. Revised ed. by Rodale J. I. – NY.: Rodale Press, 1978. – 1361 p.
22. Webster's dictionary, 2010. – Mode of access: <http://www.merriam-webster.com>.

Приложение.

Сводная таблица эмонимов

	emotion	surprise	passion	pleasure	sympathy	love	anxiety	anger	grief	distress	fear	feeling	happiness	pride	hope	joy	interest	pity	relief	concern	terror	shame	guilt	Итого	
[a full container]	17	10	42	23	100	42	1	12	2	4	5	84	14	20	18	41	8		25	13	14	2	3	500	
[an empty container]	8		1	15	1	1	1	3			4	307	4	13	24	3				2					387
[a container is filled (with smth)]	1	3		1		4	1	1	1			1	3		5	2									23
[a container is full]	3	3	1	2	1	25						1	3	3	3	37				1					83
[a container is deep]	15		4	1	2	73	2	18	14	3	12	57	1	1		3	8			15	4	8	1		242
[a container is empty]				2								1			1								1		5
[a container is shallow]	1				1	3					1						2			2					10
[SV _{exist} in/inside a container]	146	26	84	66	197	1418	161	139	412	3205	7927	289	128	29	256	149	921	22	31	182	834	644	69		17335
[VO/V in/into a container]	18	68	93	7	4	2998	36	16	134	123	131	54	11	3	67	12	34	4	823	52	20	39	5		4752
[VO/V out of a container]	49	6	39	27	4	2172	16	28	24	22	81	56	4	1	19	53	45	3	5	245	14	7	8		2928
[a container contains]	2			1	1	4			1	1	3	1	2	1	1		1		2	4					25
[empty a container]	1							1	1		3					1									7
[fill a container (with smth)]			2	1	2	3						2	2		1						2				15
Итого	261	116	266	146	313	6743	218	218	589	3358	8167	853	172	71	395	301	1019	29	886	516	888	700	87	26312	